Вестник

Томского государственного университета

Бюллетень

оперативной научной информации

№ 124 декабрь 2006

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ (XVII – XX вв.)

Электронная библиотека (репозиторий) Томского государственного университета

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ В Е С Т Н И К ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, эмектронный вариант № 018693, выданы Госкомпечати РФ 12 апреля 1999 г. ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X

от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Бюллетень оперативной научной информации

№ 124

декабрь

2006

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ (XVII – XX вв.)

Томск 2006

ISSN 1561-7793

ББК Т3(2)я43

Вестник Томского государственного университета: Общенаучный периодический журнал. **Бюллетень оперативной научной информации.** 2006. № 124. Декабрь.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРА- ФИИ (XVII–XX вв.). Томск: Томский государственный университет, 2006. 246 с.

Бюллетень № 124 содержит статьи, в которых рассматриваются малоизученные и дискуссионные вопросы российской истории в конкретно-историческом и историографическом аспектах. Материалы сборника могут быть использованы при чтении общих и специальных курсов по отечественной истории, при организации и проведении практических и семинарских занятий, при подготовке текстов курсовых работ и дипломных сочинений.

Для преподавателей, научных сотрудников, аспирантам и студентам.

ISSN 1561-7793

The Vestnik of Tomsk State University: Scientific periodical. The Bulletin for operating scientific information. 2006. № 124. December.

THE PROBLEMS OF RUSSIAN HISTORY AND HISTORIOGRAPHY OF XVI-XX CENTURIES. Tomsk: Tomsk State University, 2006. 246 p.

The articles published in № 124 of the Bulletin deal with the open to question and insufficiently explored issues of Russian History presented in the concrete historical and historiographical ends. The materials of the edition can be used for general and special courses of lectures on Russian History, practical classes and seminars as well as in preparation for term papers and diploma essays.

The Bulletin is addressed to teachers, researchers, postgraduates and students.

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Председатель научно-редакционного совета (главный редактор) Майер Г.В., проф., д. ф.-м. н.

Александров И.А., проф., д. ф.-м. н.; Башкатов В.З., с. н. с., к. х. н. (отв. секретарь); Богоряд И.Б., проф., д. т. н.; Бурова Н.Ю., уч. секр. ТГУ; Бычков А.П., проф., д. э. н.; Горцев А.М., проф., д. т. н.; Демешкина Т.А., проф., д. филол. н.; Дунаевский Г.Е., проф., д. ф.-м. н. (зам. гл. редактора); Кабрин В.И., проф., д. психол. н.; Кирпотин С.Н., доц., к. б. н.; Комаровская Л.В., доц., к. педаг. н.; Малолетко А.М., проф., д. геогр. н.; Петров Ю.В., проф., д. филос. н.; Ревушкин А.С., проф., д. б. н. (зам. гл. редактора); Сапожкова З.В., нач. управления кадров ТГУ; Зиновьев В.П., проф., д. и. н.; Уткин В.А., проф., д. ю. н.; Фоминых С.Ф., проф., д. и. н.; Шабурова О.Г., зав. библиографическим информационным центром Научной библиотеки ТГУ; Шмидт Л.Ф., зав. отделом научно-технической информации ТГУ.

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ БЮЛЛЕТЕНЯ

Сорокин Ю.А., профессор, д.и.н. (отв. редактор), Толочко А.П., профессор, д.и.н., Якуб А.В. доцент, к.и.н. Садретдинов Г.К., доцент, к.и.н.

Журнал «Вестник Томского государственного университета» включен в Перечень ведущих научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук (Бюллетень Высшей аттестационной комиссии Министерства образования Российской Федерации. 2003. № 2. Март)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ Библиографические ссылки на настоящий бюллетень оформляются так:

Фамилия (ии) и инициалы автора (ов). Название статьи // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации «Проблемы отечественной истории и историографии (XVII–XX вв.)». 2006. № 124. Декабрь.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
Балакин Ю.В. Deus otiosus: опыт решения религиоведческой	
проблемы на сибирском материале	9
Воробьева Н.В. Экзегеза жизни святейшего патриарха Никона	22
Белова Т.А. Взаимоотношения монарха и членов Верховного тайного	
совета (1726-1730 гг.).	29
Фанзов А.В. Нереализованный правительственный проект	
реорганизации Сената 1730-х гт	37
Ремнев П.А. Институт императорской власти в России в проектах	•
государственных преобразований первой четверти XIX в	48
Власенко А.А. Полемика в правительственных кругах России	70
по проблемам сибирской ссылки (1822–1852 гг.)	59
Суворова Н.Г. Крестьянский вопрос в сибирских реформах	,
М.М. Сперанского	66
Коваль Е.В. Российский император и императорский дом	00
в XIX – начале XX вв. (к постановке проблемы)	74
Стороженко А.А. Сельская община и ее место в самосознании	/-
	79
Крестьянства	19
Белоконь И.В. А.Н. Куропаткин и его роль в хозяйственном	85
освоении закаспийской области (1890–1898 гг.)	83
Берковская З.Н. Особенности и характер миссионерской	00
деятельности омской епархии в период её становления	92
Ищенко О.В. Томское студенчество и временные правила	
организации студенческих учреждений 1901 г	97
Астахов А.В. Мировой судья в системе власти в 1899-1917 гг.	
(по материалам омской судебной палаты)	103
Сорокина Т.Н. К вопросу об ограничении торговли китайским	
спиртом в Приамурском крае в начале XX в	110
Роднонов Ю.П. Участие сибирских депутатов в работе	
II Государственной думы	123
Кадиков Э.Р. Противоборство политической полиции и	
социалистов-революционеров. в Омске в 1911 г	131
Чудаков О.В. Борьба органов местного самоуправления Томской	
губернии с дороговизной жизни в годы Первой мировой войны	
(1914 – февраль 1917 гг.)	139
Фельдшеров Д.А. Развитие либерального движения	
в Пермской области в 1989–1990 гт.	147
Якуб А.В. Гильом Жюмьежский – историк ранней Нормандии	154
Черешнюк А.С. Изучение англосаксонской государственности	
на этапе становления в английской исторической литературе	
60-х – начала 70-х гг. XX в.	159
Якуб А.В. Теган Трирский о внешней политике Людовика	
Благочестивого.	165
Трубкин В.В. Дореволюционные отечественные исследователи	
о русско-литовских отношениях в XIII-XV вв	171
Якуб Н.В. Цели государственной политики во взглядах	
представителей европейской историко-политической мысли	
средних веков и Просвещения	180
epeguna seass a ripoeseutena	100

Сорокин Ю.А. Об изменении научной парадигмы в отечественной	
исторической науке (XVIII-XX вв.).	184
Володьков О.П. Концепция торгового капитализма в работе	
М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке»	191
Патылицына Ю.Ю. Новые подходы в изучении	
либерально-оппозиционного движения в Сибири в начале XX в.	
в современной отечественной историографии	201
Алексеева А.В. Прагматическая и коммуникативная специфика	
официально-деловых документов (1980–2000 гг.)	206
Бондарев М.В. Проблема общественно-политического строя	
Дальневосточной республики в отечественной историографии	212
Хайруллин Э.Р. Деятельность Организации объединенных наций	
в оценках советской историографии 1950 – начала 1980 гг	215
Мальцев Р.В. Германский вопрос в понимании советских историков	220
Матвеев В.Е. Конструкт «империя» в современной	
исследовательской практике	223
Невакшенов А.Е. «Третьи» партии в политической системе:	
подходы американских исследователей	231
Краткие сведения об авторах	236
Аннотации статей на английском языке	241

CONTENTS

Preface.	8
Balakin U.V. Deus otiosus: Religion Studies issue example on Siberian data	9
Vorobyova N.V. His Holiness Nikon's life exegesis	22
Belova T.A. The relations of the monarch and the Supreme	
Privy Council (1726–1730)	29
Phalzov A.V. The outstanding state project of the Senat's reorganization	
in 1730-th	37
Remnov P.A. The Russian Imperial power institute: designs of the state	
transformations in the first quarter of XIX century	48
Vlasenko A.A. The disputes in the official circles on the issue of the	
Siberian banishment (1822-1852)	59
Suvorova N.G. The peasantry issue in Speransky's Siberian reforms	66
Koval E.V. The Russian Emperor and the Russian Imperial House	
in XIX – early XXth century (raising an issue)	74
Storogenko A.A. The village community and it's place in self-awareness	
of peasantry	79
Belokon I.V. Kuropatkin A.N. and his role in economic developing of	
the Transcaspian area (1890–1898)	85
Berkovskaya Z.N. The characteristic features of the Omsk eparchy	
missionary work during the infancy	92
Ischenko I.V. Tomsk student body and the temporal organizational order	
of student institutions	
••	97
Astachov A.V. Justice of the Peace in the state system 1899-1917.	
(The Omsk Court Chamber materials)	103
Sorokina T.N. The sale restrictions on the Chinese alcohol in Amur River	
basin in early XX century revisited	110
Rodionov Ju.P. Siberian deputies in the II State Duma	123
Kadikov E.R. The Criminal investigation department and	
Socialist-revolutionist opposition in Omsk in 1911	131
Chudakov O.V. Anent the local authorities policy against the high prices	
during the I World War (1914 – February 1917)	139
Feldshrov D.A. The evolution of the Liberal movement in Perm	
(1989–1990)	147
Jakub A.V. Guilhems of Jumièges – the early Normandy historian	154
Chereshnuk A.S. Anglo-Saxon state system during the formation of the	
English historical literature 1960 – 1970	159
Jakub A.V. Tegan from Trier: On the issue of the Saint Louis's foreign	
policy	165
Trubkin V.V. The Russian pre-revolutionary historians on the issue	
of Russian-Lithuanian relations in XIII-XV centuries	171
Jakub N.V. State policy goals conception of the European Medieval	
scientists and the ones of the Age of Enlightenment	180
Sorokin U.A. Anent the changes of the scientific paradigm in the native	
historical science (XVIII-XX).	184
Volodkov O.P. Trade Capitalism conception in the M.N. Pokrovsky's	
work: «Russian History in the most condensed form»	191

Patilicina U.U. The new approaches to the study of liberal-opposition	
movement in Siberia of the early XX century in the modern native	
historiography	201
Alekseeva A.V. The Pragmatic and communicative features of the	
formal documents (1980–2000)	206
Bondarev M.N. The issue of Social and political order of the Far-East	
Republic in the native historiography	212
Hairulin E.R. UNO activity in the view of the Soviet historiography	
1950 th – early 1980 th	215
Malcev R.V. The German Issue in the view of the Soviet historians	220
Matveev V.E. The «Empire» construct in the modern research practice	223
Nevakshenov A.E. Third parties in the political system: American	
researchers approaches.	231
Brief information about the authors	236
Summaries of the articles in the English	241

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник статей продолжает традиции изданий научных трудов кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. У кафедры сложились давние и прочные связи с историческим факультетом ТГУ. Многие сотрудники кафедры не только закончили в разные годы этот факультет, но и успешно защитили в ТГУ диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук. Имел место ряд международных всероссийских И научных практических конференций, проведенных историками ТГУ и ОмГУ совместно; они получили заслуженное признание научной общественности. Многие сотрудники кафедры дореволюционной отечественной истории стажировались в ТГУ. Наконец, планы научной работы исторических факультетов двух сибирских университетов вполне коррелируются межлу собой.

На основе привлечения новых (прежде всего архивных), а также переосмысления уже известных в исследовательской практике материалов авторами статей освещаются различные сюжеты из истории Сибири и Дальнего Востока. Значительное внимание уделено общерусским проблемам: церковному расколу, идейным основам самодержавной власти, реформам государственного управления, политике царизма и проч. Ряд статей написан в историографическом и источниковедческом ключе.

Научная редакция бюллетеня

удк 2

Ю.В. Балакин

DEUS OTIOSUS: ОПЫТ РЕШЕНИЯ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ НА СИБИРСКОМ МАТЕРИАЛЕ

Проанализированы источники по проблеме «праздного бога», описанные в сибиреведении.

Проблему уранических или небесных богов применительно к архаическим религиям следует отнести к одной из центральных проблем в религиоведении. Космогонические мифы, как правило, в качестве ведущего творческого начала представляют небесного персонажа, являющегося побудительным началом миротворения. Затем, с момента окончания космогонического процесса, этот бог отходит от дел, теряет не только творческую, но и какую-либо иную активность, удалившись в крайние небесные сферы. Решение небесного бога о своем удалении от небесных и земных забот - последнее его волевое усилие - добровольно. Некоторые исключения из правила добровольности, фиксируемые в ряде религиозных традиций, в частности, древнегреческой, не меняют общего характера представлений об уранических богах. Перемена активности небесного бога – от максимальной до нулевой – в архаических религиях играет весьма значимую роль, поскольку фиксирует окончание сакрального времени творения и наступление времени профанного. Небесный бог приобретает новый статус – статус праздного бога, deus otiosus. О нем знают, но к нему не обращаются с молитвами, его изображений не делают. Исключения из этих правил редки.

Из других характеристик, свойственных небесному богу, отметим, во-первых, его действительную «небесность», ибо бог не опускает себя до земли, во-вторых, его исключительную антропоморфность. Эти черты достаточно четко отделяют небесного персонажа из ряда других богов и духов архаических религий. Еще одна его характеристика связана с символикой цвета и света — небесный бог наделен атрибутами белизны и блеска.

Из имеющихся на русском языке работ, в которых суммируются описания небесных богов в разных традициях, следует назвать прежде всего труды М. Элиаде [1. С. 25–87, 2. С. 96–240] и С.А. Токарева [3. С. 133–143]. Ряд обобщающих религиоведческих работ, в которых отмечается универсальность представлений о deus otiosus, начинается, по-видимому, с лекций Макса Мюллера, включающих, заметим, и сибирский материал (этот автор опирался на труды А. Кастрена). М. Мюллер увидел большое сходство в описаниях небесных богов в традиционных религих [4.

С. 133—143] и представил их образы как результат некоего интуитивного ощущения монотеистического Бога, тем самым в религиоведении поставив проблему прамонотеизма. Тенденция, заявленная в трудах М. Мюллера, была продолжена в конце XIX в. Э. Лэнгом [5] и в первые десятилетия XX в. В. Шмидтом.

Проблема праздного бога в отечественной науке долгое время была известна по преимуществу в изложении и толковании С.А. Токарева. Заметим, что автор обощел стороной сибирский материал. Стратегическая затим, что автор обощел стороной сибирский материал. Стратегическая задача, поставленная С.А. Токаревым, заключается в стремлении показать, что теория прамонотеизма, основанная как раз на анализе этих образов, совершенно неудовлетворительна. С.А. Токарев, называя праздных богов богами племенными, полагал их результатом эволюции первобытной религии на довольно поздних стадиях ее развития – культ «племенного бога» формируется в связи со сложением племенного строя. Племенной бог – явление универсальное и единообразное в первобытных религиях именно потому, что универсален и единообразен племенной строй. Универсален и их образ жизни – небесные боги, обобщает С.А. Токарев, постоянно живут на небе, к земле не имеют никакого отношения, о людях не заботятся. Со своей стороны и люди не почитают и не боятся этого небесного человека своей стороны и люди не почитают и не боятся этого небесного человека, молитв и жертв этому богу не устраивают. Небесный бог, находясь в стамолитв и жертв этому богу не устраивают. Небесный бог, находясь в стадии формирования, именно поэтому мало активен, оттеснен на задний план, он — доброе, но бездеятельное существо. Однако само по себе добротное изложение материала С.А. Токаревым свидетельствует скорее о том, что это древний, «отставной» бог. Увлекшись полемикой с теорией прамонотеизма, С.А. Токарев, указывая на типическую черту небесных богов — пассивность, не попытался ее объяснить, ибо отсылка на стадию формирования неубедительна. На этой стадии явление, напротив, должно формирования неубедительна. На этой стадии явление, напротив, должно заявлять о себе мощно, агрессивно, иначе оно и не оформится. Создается ощущение, что вся эта глава в книге С.А. Токарева написана для того, что-бы подвести читателя к «расшифровке» образа иудейского Яхве, по мнению С.А. Токарева, племенного бога в самом ярком своем выражении, и показать монотеизм как результат длительной и органичной эволюции религиозного мировоззрения.

нигиозного мировоззрения.

Но в работе С.А. Токарева, заметим еще раз, блестяще показан как раз универсальный характер deus otiosus. Вопрос о степени влияния со стороны монотеистических религий на образ праздного бога С.А. Токарев не считал определяющим в решении проблемы. Главным для него оставался принцип закономерности формирования образа в архаических религиях. В этом смысле автор отстаивал тот же подход к проблеме, который демонстрировал в те же годы известный религиовед

М. Элиаде. Последний полагал, что нет ничего более объединяющего первобытные религии, чем образ небесного божества, пассивного, отдаленного от земли и земных дел, и вместе с тем вполне древнего, если не древнейшего. Как раз по поводу древности deus otiosus концепции С.А. Токарева и М. Элиаде прямо противоположны, но М. Элиаде вместе с тем не жаловал и теорию прамонотеизма в том ее завершении, какую ей придал В. Шмидт. М. Элиаде полагал, что вера в небесное божество не может исключать любые иные формы религиозной жизни [2. С. 123]. Такая установка дает возможность рассмотреть образ deus otiosus не только в диахронном, в частности, в эволюционном плане, но в синхронном, системном, при этом что сам М. Элиаде эту установку в полной мере не реализовал.

В этом аспекте проблема прамонотеизма отходит на второй план, но зато особую актуальность прибретает вопрос: зачем архаическим религиям нужен этот странный персонаж - deus otiosus, практическая бесполезность которого нередко прямо постулируется? В религиоведении этот вопрос четко не обозначался. В предлагаемой статье также не ставится задача развернуто обозначить проблему и показать возможности ее решения. Но все-таки заметим, что в религиозном мировоззрении, даже в первичных фазах его существования, необходима некая точка отсчета, неподвижная и недвижимая, то, что в религиях теистических обозначается как Абсолют. Мифологическое мышление, подавляемое непрерывными и нередко внезапными изменениями, ищет и находит в фигуре deus otiosus гарантию стабильности физического и социального, а также морального космоса. По мнению А.М. Сагалаева, один из фундаментальных принципов архаичного менталитета – нелюбовь к абсолюту в любой его ипостаси [6. С. 17]. Образ небесного бога в архаичных религиях ставит под сомнение категоричность этого утверждения. Разумеется, этот образ ни в коем случае не может быть соотнесен с абсолютом монотеизма, или с абсолютом древневосточных религий (брахман, дао). В первом случае это невозможно потому, что небесный бог недостаточно «абсолютен», он для этого слишком «имманентен» этому миру, во втором – он не обладает необходимой степенью абстрактности и недостаточно безличностен. напротив, наделен выразительными личностными характеристиками. И все-таки сам факт повсеместного существования этого бога есть свидетельство того, что архаическое мировоззрение было занято поиском абсолюта, необходимого как для завершения религиозной целостности (пусть весьма относительной), так и для психологической комфортности мироощущения. Есть нечто, что неизменно, надежно, что гарантирует устойчивость; и пусть это «нечто» недоступно никому, но именно вследствие своей недоступности оно для мифологического мышления приобретает высшую степень доверия.

Далее мы обратимся к сибирской этнографии, что продиктовано убеждением автора этих строк в большом эвристическом значении этого материала для понимания образа deus otiosus. Сибирский материал уже включался в проблематику этого образа; это был по преимуществу материал народов северо-востока Сибири, собранный в свое время В.И. Иохельсоном и В.Г. Богоразом. Сам В.Г. Богораз обобщил эти данные в отдельной работе [7]. Специальную статью посвятил небесным божествам сибирских народов И. Паульсон [8]. На эти же данные опирался Е.М. Мелетинский, посвятив небесным высшим существам один из разделов своей книги [9. С. 80–91]. Западносибирский материал структурировал В.Н. Топоров [10]. М. Элиаде дал сумму сведений о небесных богах у арктических и финно-угорских народов [2. С. 130–140]. Эти авторы вполне определенно подчеркивали исконность этих богов, центральный характер этих образов в пантеоне, выделяя идею монотеизма в ее своеобразной, архаической форме.

В западносибирской этнографической литературе накопилось немало известий о небесных богах. Собиратели материала прошлых столетий особенно внимательно относились к этим сведениям и охотно их сообщали, поскольку видели в образах небесных богов нечто близкое теистическому мировоззрению, по премуществу христианскому. Именно с этих персонажей нередко начинались рассуждения о религиозном сознании сибирских аборигенов. Рассмотрим этнографический материал, относящийся к западносибирским уграм, самодийцам и кетам по возможности в хронологическом порядке.

В конце XVII в. Н. Витзен писал: «Несмотря на то, что остяки язычники, они признают все-таки, что на небе обитает единый бог и над всем господствует. Однако религиозное почитание они не ему оказывают, но поклоняются только из дерева или из глины сделанным и установленным различным божкам» [11. S. 279]. То, что у остяков небесный бог назывался Торумом, и то, что это же слово обозначало небо вообще, было известно Страленбергу в начале XVIII в. Этот бог бездеятелен, от него не ожидали ни добра, ни зла [12. S. 45]. Во второй половине того же века И.Г. Георги отмечал, что остяки и вогуличи «веруют в Торома, общего бога и милостивого обладателя Вселенной. Ему подчиняют они низшей статьи божков, коих различно себе воображают и называют. Солнце почитают обителью Торыма, но при том думают, что так же как луна, облака и главнейшие естественные приключения суть не зависящее Божество» [13].

Самоеды, по данным Ф. Белявского, знают и почитают высшего всемогущего бога Нума, но не находят возможым его изобразить [14. С. 149]. Им приведены также сведения Шаврова, относящиеся к хантам. «Добрый бог, властитель вселенной, называется Торым; его почитают Остяки верховным Богом, не изображают ни в каких видах и небо полагают постоянным его местопребыванием. Признают ли его существующим от вечности или имеющим начало своего существования, а также посвящают ли его именем храмы, не известно. Впрочем, в честь других богов, в глухих местах устраиваются храмы и обогощают их лучшею рухлядью» [14. С. 94].

А. Кастрен в своих отчетах о путешествии в Сибирь описал небесных богов обских угров и самодийцев. Высший бог у остяков, по А. Кастрену, - Турм или Турум. Он - существо недоступное для смертного и необыкновенно страшное. Молитвы не доходят до него, он управляет судьбами мира по неизменным законам справедливости. Его нельзя умилостивить никакими жертвами. Остяки полагают, что шаман «не может вопрошать высшего, небесного бога, ибо Турм говорит с людьми только гневным голосом грома и вихря» [15. С. 185]. Высший бог у самодийского населения тундры, по сведениям А.Кастрена - Нум. Его часто смешивают с видимым небом, которое тоже называется нум. Солнце и радуга тоже как Нум. От иных я слышал, сообщает А. Кастрен, что и земля, и море, и вся природа - тоже Нум. Другие, напротив, вероятно, под влиянием христианства, считают Нума творцом Вселенной. Самодийское население Томской губернии тоже признает единого бога, называя его Нум, Ном, Нон. Его эпитеты – старец, дед. Нум царит над всем творением, но настоящее жилище его - высь неба. Во всем, что происходит в воздухе и в нем зарождается - снег, дождь, ветер, гроза - видят непосредственное присутствие Нума. Нум для человека существо недоступное, его нельзя умилостивить ни жертвами, ни молитвами [15. С. 130].

Ю.И. Кушелевский также обращал внимание на недоступность и отдаленность небесного бога у северных самодийцев – к Нуму могут летать только птицы [16. С. 116]. В. Бартенев, сообщая о религии хантов, подеркивал характер Торыма как бога всеобщего; он один для всех веков, всех стран и народов. Торым мало вмешивается в людские дела и совершенно бескорыстен, поэтому он не требует жертв [17. С. 83]. Над всей совокупностью многочисленных и многообразных духов «царит недосягаемый Торым, который олицетворяет высшее духовное начало, проникающее всю природу и которого только и почитают за настоящего бога» [17. С. 91]. Близка этому характеристика мансийского небесного бога у П.Инфантьева – «высшее существо, творец всего мира – Торм; этот бог

недосягаем для простых смертных и вогулы не отваживаются о чем-либо просить его» [18. Т. 1. С. 188]. По поэтическим материалам, собранным С. Паткановым среди иртышских хантов в конце XIX в., Турум - бог милосердный, первоисточник всего доброго; он держит в руках судьбы богов, людей и животных. Его представляли в образе досточтимого старика. Но это представление из-за неизмеримости понятия бога было у них таким неясным, что они никогда не пытались изобразить его руками [19. С. 131]. И.Н. Глушков сообщает, что высший бог у вогулов - Тоорм, его называют «белым богом». В земные дела он не вмешивается, на земле его замещает доброе божество Пубых, спасающее людей от болезней [20. С. 66]. В этнографическом очерке А.А. Дунина-Горкавича описание небесных богов аборигенов Тобольского Севера - Нума и Торыма - дано обобщенно, в силу большой близости этих персонажей. Им приданы эпитеты «верховный и всемогущий». Торум - бог света, общий для всех народов, не имеющий непосредственных связей с людьми [21. С. 35, 36]. О небесных сферах и о наиболее удаленной из них, на которой проживает Нум, сообщал К. Рычков [22. С. 188].

По свидетельству Н.Л. Гондатти, главный бог, родоначальник прочих мансийских богов, — Корс Торум, вид которого совершенно неизвестен. На землю этот бог никогда не сходит, и только иногда посылает своего старшего сына Нуми-Торума. Нуми-Торум, в свою очередь, тоже малодоступен, но о нем известно, что по наружности подобен человеку и весь блестит как золото [23].

Позже Б. Мункачи, изучая мансийский пантеон, установил тождество разноименных персонажей, о которых Н.Л. Гондатти говорил как о различных — Кворос-Торума, Сорни-Кворес и Нуми-Торума. Б. Мункачи отмечал «избыточность» имен по отношению к высшим образам вогульской мифологии. Кворес и Торем, первоначально идентичные, позже стали различаться, как отец и сын [24. S. 302, 25. S. 72]. В трудах Б. Мункачи небесному богу уделено немало внимания, при этом материалом для воссоздания образа послужила прежде всего поэтическоен творчество. Этот исследователь отмечал отсутствие изображений Нуми-Торума, отсутствие особых мест его почитания, что сближало этот образ с другим важнейшим образом мифологии — матерью-землей. Как о важнейших характеристиках этих персонажей автор говорит об их извечности и принципиальной старости. Небесный бог обитает на крайнем небе, в золотом доме. Власть небесного бога распространяется на весь мир. Он — начало всего доброго в мире, источник всякой силы [25. S. 72].

А. Каннисто в труде о мансийской мифологии перечисляет эпитеты Нуми-Торума, среди которых наиболее употребительные и важнейшие для понимания этого бога — «золотой», «золотой отец», «высокий свет», «высокое сияние», «белый свет», «золотая белизна» [26. S. 72]. А. Каннисто, как и другие авторы, писал об удаленности и пассивности Нуми-Торума, но вместе с тем привел ряд данных о культовом почитании этого бога — к нему обращаются при болезни, просят об удаче в охоте и рыболовстве и приносят в жертву оленей [26. S. 99—101, 108]. Жертвоприношения Нуми-Торуму более известны по материалам священных песен, чем в реальной жизни. Нуми-Торум в глазах манси был также охранителем порядка и гарантом морали [26. S. 102, 109].

Говоря о самодийском селькупском населении Кети, К. Доннер писал, что все без исключения самоеды верят в высшего бога, который создал мир, управляет им и над всем господствует. Тем не менее самоедская «теология» (термин К. Доннера) не может придать ему личностной сущности; облик Нума неизвестен, ибо бог живет на самом отдаленном небе и ведет изолированный образ жизни. Он настолько неизвестен и живет так далеко, что ему не стоит приносить жертвы. О нем и о той части неба, где он обитает, самоеды не имеют ясного понятия, в отличие от представлений о нижнем мире и обитающих там существах. В значительной степени нум — абстрактное понятие, сливающееся с понятияем неба. [27. S. 98]. Близкими по смыслу словами, выражающими неопределенность в понимании небесного бога, К. Доннер писал и применительно к кетскому Есю [28. Р. 85].

В.И. Анучин, давший ценный очерк о кетском мировоззрении, писал, что творец и повелитель вселенной в представлении кетов — Есь, существо антропоморфное, мужского пола. Есь на языке енисейцев означает также небо. Никто из людей не видел Еся, и не может видеть, так как немедленно ослепнет. Есь постоянно обитает где-то выше седьмого неба, живет в большом, прозрачном, как стекло, дворце. Он добр и всемогущ, но совершенно не вмешивается в дела земные, к нему не обращаются с молитвою, не приносят жертв. Остальные добрые божества и духи действуют и живут автономно от Еся [29. С. 3].

По сообщению Т. Лехтисало, у юраков слово «нум» означает и «небо», и «бог неба». О внешнем облике Нума ничего неизвестно, хотя прослеживается тенденция представить его в человеческом облике. Нум – старик, живущий на самом отдаленном, седьмом небе. Изображений Нума не делают. Судьба каждого человека заранее предопределена Нумом, и конец жизни установлен. Нум может наградить человека счастьем, удачей, которые затем, после смерти человека, могут перейти к его детям. Нум любит того, кто приносит ему жертвы, но награждает за это Нум не сам, у него есть особые духи [30. S. 29].

В классическом труде К.Ф. Карьялайнена по религии обских угров верховным небесным богам отведено немало страниц. Работа К.Ф. Карьялайнена ценна как обобщение огромного массива фактического материала. Он опирался как на собственные наблюдения, так и на устойчивую литературную традицию в их описании. Эти две составляющие оказались согласными в том, что невероятно блестящее жилище небесного бога находится на небе [18. Т. 2. С. 197, 207], что изображений небесного бога не делают, что общий характер этого существа пассивный и что он отстранен от земных дел. Вместе с тем, в ряде случаев К.Ф. Карьялайнен поправляет данные литературных источников, в частности, о том, что небесному богу не молятся и не совершают жертвоприношений [18. Т. 2. С. 200-206]. Автор ставил целью, на основе сравнения и обобщения отдельных описаний и собственных наблюдений в разных районах, выявить интегральные черты образа и его место в традиционной религии. Это вообще первый опыт теоретического подхода к религии обских угров. Авторы XVIII-XIX вв., по-видимому, не сомневались в исконности образов небесных богов у народов Сибири, хотя специальных исследований по этому поводу не проводилось. К.Ф. Карьялайнен, со свойственной ему тщательностью источникового анализа и внимательностью к деталям, впервые сделал этот образ предметом религиоведческого анализа. Оценки К.Ф. Карьялайнена стали для многих последующих исследователей эталонными.

Г. Финдейзен подчеркивал удаленность и недоступность, но вместе с тем и всемогущество небесного бога Еся у кетов; бог Эс (Есь), по его наблюдениям, отождествляется с христианским богом. Важная деталь – этот бог живет в большом чуме, сделанном из бересты [31. С. 129].

М.Б. Шатилов, собиравший материал среди ваховских хантов, писал, что верховное божество — Торум, он же Большой или Белый Старик. Почитая Торума, остяки имеют о нем весьма слабое представление. Торум обитает недосягаемо высоко на небе. Он — божество изначальное, высшее, доброе и всеобщее для всех людей. Он положил начало миру, но в дальнейшем почти не имеет к нему отношения. Поэтому непосредственно к Торуму с молитвами обращаются очень редко. Некоторым шаманам, особенно в старину, удавалось видеть Торума в своих странствиях, поэтому известно, что человек по внешнему своему виду похож на Торума. Живет Торум в золотой юрте [32. С. 99, 100].

Е.Д. Прокофьева, обобщая материалы Г.Н.Прокофьева и свои собственные, дала описание селькупского Нума; это божество с весьма неопределенной характеристикой, мало вмешивающееся в жизнь смертных людей; к нему непосредственно не обращались. Слово «нум» имеет зна-

чения «небо», «гром». Это слово применяется также для определения продолжительности жизни человека. По-видимому, «нум» все же в основном заключает понятие неба, и поклонение «нум'у» было в недавнем прошлом поклонением небу [33. С. 99, 100].

Важно заметить, что в приведенных выше сведениях, собранных на протяжении большого промежутка времени, встречаются, во-первых, неизменяемые однотипные характеристики небесного бога, и, вовторых, не встречаются такие черты, которые прилагаются к другим мифологическим персонажам. Иными словами, первое и важнейшее, что следует отнести небесному богу — это его существование в определенном образе. Единообразность характеристик может, конечно, в ряде случаев проистекать и из установившегося научно-литературного клише, но более вероятно, что «клишеобразность» все-таки задана исходным этнографическим материалом. Фиксируемая по материалам этнографических изданий малая изменяемость образа есть не что иное как его «структурность», которая, в свою очередь, дает право говорить об этом образе как проявлении значимого архетипа. Перечислим консолидирующие этот образ данные.

К первой и важнейшей сущностной характеристике следует отнести неизменное и принципиальное пребывание бога на небе, - иного места обитания для этого персонажа не предусмотрено, по крайней мере в профанном настоящем. Бог обитает не просто на небе, но в той его части, выше и дальше которой уже ничего нет. Это бог, в максимальной степени пространственно удаленный от земли. Но бог не только обитает на небе – он есть само небо; фиксируется лингвистическое совпадение терминов для небесного бога и небосвода. Следующая черта – отстраненность бога от земных дел и людских забот; она вытекает из предельной удаленности небесного бога и, в свою очередь, резко ее подчеркивает; изолированность бога усиливается указанием на его обитание в жилище (доме, дворце, юрте), наделяемом светлыми и светоносносными эпитетами золотое, сверкающее, стеклянное, берестяное и т.п. Обитание небесного бога в замкнутом локусе косвенно выражает и такую важную его характеристику, как неподвижность. При всей удаленности, отстраненности, пассивности небесного бога источники часто называют его творцом мира. Особенно более поздние (вплоть до наших дней) и развернутые фольклорные материалы колоритно повествуют как о творческой, так и разрушающей активности небесного бога. Но эта активность всегда соотносится с мифологическим прошлым. Здесь мы тоже видим некий «дуализм» в понимании небесного бога. Далее, за некоторыми исключениями, источники свидетельствует о невозможности для человека видеть небесного бога, из чего следует неизвестность внешнего его облика. Вместе с тем по целому ряду признаков можно заключить, что этот образ антропоморфен. В текстах нет сообщений о его превращаемости в какой-либо иной образ. В некотором смысле небесный бог уникален тем, что не имеет зооморфного ряда. И уже практически единогласно авторы публикаций фиксируют еще одну принципиально важную позицию аборигенного населения по отношению к небесному богу - отсутствие его изображений. Правда, здесь тоже есть исключение - в работе И.Г. Остроумова утверждается, что антропоморфные изображения Торума для манси совершенно обыденны, и делаются из деревянной доски и чуть ли из щепки [34. С. 20]. Это сообщение, вероятно, проистекает из неправильно понятого материала. Еще одна важная характеристика небесного бога заключается в том, что по отношению к нему отсутствует развитая культовая практика. Ранние источники категорически отрицают почитание небесного бога, источники конца XIX - начала XX в. фиксирует некоторые отступления от этого правила. Небесный бог – старик, к нему обращаются «отец», но он не прародитель людей, не первопредок. Это бог общий для всех людей. Источники нередко употребляет эпитет «единый», однако нельзя исключить, что в этом случае у старых авторов бессознательно проявлялась ориентация на христианский монотеизм.

Отечественная этнография второй половины XX в., безусловно, вышла на новый качественный уровень в исследовании мировоззрения западносибирских аборигенов. Публикациями коллективных сборников и авторских монографий был подведен определенный итог исследований не одного поколения этнографов. Важно заметить, что и по материалам последних десятилетий образ небесного бога предстает по сути таким же, что и по старым источникам. Существенные изменения последних лет в мировоззрении аборигенного населения Западной Сибири мало затронули образ небесного бога.

Этнорафы-сибиреведы второй половины XX в. в оценках небесных богов склоняются к постулированию весьма сильного влияния со стороны христианства на их формирование. Вероятно, на подобные оценки в значительной степени повлиял авторитет К.Ф. Карьялайнена. При этом стоит все-таки отметить, что Е.А. Алексеенко [35. С. 20] не исключала древних корней кетского монотеизма, а Г.Н. Грачева отметила плодотворность метода структурного анализа в связи со статьей В.Н. Топорова, делавшего вывод о наличии монотеистических корней в исследуемых религиях [36. С. 109].

К.Ф. Карьялайнен, как уже сказано, был одним из первых в сибириведении, кто внимательно вгляделся в фигуру высшего небесного бога. Базисный тезис в толковании образа у этого автора следующий – у вогулов и остяков раньше никогда не было высокоразвитого небесного бога; исследуемый персонаж и фольклорное описание его деяний являются более или менее локальными новообразованиями и несут ярко выраженные черты различного внешнего влияния [18. Т. 2. С. 212, 213]. «Небесный бог вогулов, выступающий в качестве творца мира, возник явно поздно и относится к сказкам. Характерные для него черты в основном заимствованы из широко распространенных сказаний чужих народов, несмотря на то, что местные условия внесли в них свой колорит» [18. Т. 2. С. 190]. К акту сотворения мира самому по себе, пишет К.Ф. Карьялайнен, ханты и манси относятся весьма индифферентно. Творение - это акт, который для человека не имет собственно личного значения, акт, из-за которого у него нет личных оснований для благодарности и который отнюдь не обязывает его оказывать почитание творцу. Поэтому и там, где «небесный бог развился в мирового творца, ни отношение человека к нему, ни выражение этого отношения не основаны на его положении как творца» [18. Т. 2. С. 190]. К.Ф. Карьялайнен, таким образом, отказывает в святости сказаниям, известным не только по записям Б. Мункачи и его предшественников, но и по засвидетельственному Б. Мункачи [37. S. 206] трепетному отношению к ним рассказчиков и слушателей, отчего, собственно, они и названы священными. Воспроизведение мифа само по себе приобрело характер ритуала, и этот ритуал, как кажется, серьезно недооценивался К.Ф. Карьялайненом.

Поскольку вся совокупность космогонических мифов — новоприобретенные «сказки», постольку в своем исконном виде небесный бог не может рассматриваться как творец. Представления югров о творческих задачах небесного бога чрезвычайно туманны и, вероятно, чуждого происхождения [18. Т. 2. С. 211]. Да, соглашается К.Ф. Карьялайнен, источник представления о небесном существе действительно может быть и древним, и местным — по первоначальной своей функции это существо направляло небесные явления; все остальное возникло под внешним возлействием.

Согласное свидетельство источников об отсутствии изображений небесных богов К.Ф. Карьялайнен считал самым сильным аргументом в пользу недавнего включения этого мифологического персонажа в число духов с культом. Это вытекает из общего представления автора о религиозной жизни. К.Ф. Карьялайнен резко противопоставлял миф и ритуал, религиозную ортодоксию («теорию») и религиозную ортопраксию («практику»), причем последнюю полагал ведущей и основополагающей в религиозной жизни. «Воззрение о небесном боге является, так сказать, теоретическим и развито не в такой мере, чтобы привести к практическим культовым церемониям» [18. Т. 2. С. 205]. Изображение как таковое обеспечивает культовые действия и определяет их характер. В свою очередь, культ, и прежде всего культ, характеризует то, что следует считать главным, исконным и самобытным в религиозной жизни. В подтверждении вывода о заимствовании образов небесных богов автор «районирует» степень испытанного хантами иноземного влияния (исламского и христианского), и приходит к выводу, что степень почитания небесного бога проявляет себя меньше всего там, где это влияние оказывается наименее действенным [18. Т. 2. С. 207–209]. Это чрезвычайно важное наблюдение, но вывод из него логически может быть совершенно противоположным, чем тот, который предлагает К.Ф. Карьялайнен. Чем менее сказывается внешнее влияние, тем более самобытен образ небесного бога, следовательно, неразвитость религиозной ортопраксии по отношению к нему есть явление также вполне самобытное, древнее, исконное, есть важнейшая характеристика образа. Собственно говоря, к этим выводам приводят нас также и наблюдения С.А. Токарева.

К.Ф. Карьялайнен, резко разграничив миф и ритуал, ограничил себя в полноте видения религии изучаемых им народов. Это привело к поискам внешних влияний, довольно часто неоправданных. В наибольшей степени это сказалось не столько применительно к образу небесного бога, сколько к образу Мир-сусне-хума. В настоящее время специалисты, среди которых можно указать Г. Рохейма и И.Н. Гемуева, приводят веские аргументы в пользу высочайшей значимости этого образа мансийской мифологии. К.Ф. Карьялайнен, напротив, увидел в Мир-сусне-хуме мифологически периферийный и лишь локально значимый персонаж, что, конечно, было предопределено стремлением отсечь все возможные внешние влияния. В результате многое из органично существующего на местной почве было признано заимствованным.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Элиаде М. Религии Австралии. СПб, 1998.
- 2. Элиаде М. Трактат по истории религий. Т. 1. СПб, 1999.
- 3. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.
- 4. Мюллер М. Введение в науку о религии // Классики мирового религиоведения. М., 1996.
- Лэнг Э. Становление религии // Мистика. Религия. Наука: Классики мирового религиоведения. М., 1998.
- 6. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991.
- 7. Богораз В.Г. Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. Вып. 1. М.; Пг., 1923.
- Paulson I. Welt-und Himmelsgottheiten der nordasiatischen Volker // Ethnos. Vol. 27. N. 1-4. Stockholm, 1962.

- 9. Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл ворона. М., 1979.
- Топоров В.Н. О типологическом подобии мифологических структур у кетов и соседних с ними народов // Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты. М., 1969.
- Munkacsi B. Altere Berichte uber das Heidentum der Wogulen und Ostjaken. (Erste Mitteilungen. // Keleti Szemle. Bd. III. Budapest, 1902.
- Hamalainen A. Nachrichten der nach Sibirien verschickten Offiziere Karl XII uvber die finnisch-ugrischen Volker // Journal de la Societe finno-ougrienne. N. XLIX. H. 4. Helsinki, 1938.
- Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Часть третья: Самоедские, манчжурские и восточные сибирские народы. СПб., 1777.
- 14. Белявский Ф. Поездка к ледовитому морю. М., 1833.
- Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838— 1844, 1845—1849 // Магазин землеведения и путешествий. Географический сборник. Собрание старых и новых путешествий. М., 1860.
- 16. Кушелевский Ю.И. Северный полюс и земля Ямал. СПб., 1868.
- 17. Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб., 1896.
- 18. Карьялайнен К.Ф. Религиия югорских народов. Т. 1-3. Томск, 1994-1996.
- 19. Патканов С. Сочинения в двух томах. Т. 1. Тюмень, 1999.
- 20. Глушков И.Н. Чердынские вогулы // Этнографическое обозрение. 1900. Т. 15. Вып. 2.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. Т. 3. Тобольск, 1911.
- Рычков К. Береговой род юраков. (К материалам по изучению енисейских самоедов //
 Записки Западно-Сибирского отдела Имп. Русского Географического Общества. Т. 38.
 Омск, 1916.
- 23. Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888.
- Munkacsi B. Die Weltgottheiten der wogulischen Mythologie. I // Keleti Szemle. Bd. VII. Hr.
 Budapest, 1906.
- Munkacsi B. Die Weltgottheiten der Wogulische Mythologie. IV // Keleti Szemle. Bd. X. Hr.
 Budapest, 1909.
- 26. Kannisto A. Materialen zur Mythlogie der Wogulen. Helsinki, 1958.
- 27. Donner K. Bei den Samojeden in Sibirien. Stuttgart, 1926.
- Donner K. Ethnological Notes about the Yenisey-Ostjak (in Turukhans Region. // Memoires de la Societe Finno-Ougrienne. T. LXVI. Helsinki, 1933.
- 29. Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник МАЭ. Т. 2. СПб., 1914.
- 30. Lehtisalo T. Entwurf einer Mythologie der Jurak-Samjjeden. Helsinki, 1924.
- 31. Финдейзен Г. Из поездки к кэто (енисейским остякам. // Северная Азия. 1929. № 2.
- Шатилов М.Б. Ваховские остяки. (Этнографические очерки. // Труды Томского краевого музея. Т. IV. Томск, 1931.
- Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского. шамана // Сборник МАЭ. Т. ХІ. М.; Л., 1949.
- 34. Остроумов И.Г. Вогулы-манси: Историко-этнографический очерк. Пермь, 1904.
- Алексеенко Е.А. Культы у кетов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в. Сборник МАЭ. XXXIII. Л., 1977.
- Грачева Г.Н. Этнические особенности языка культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989.
- Munkacsi B. Die Weltgottheiten der wogulischen Mythologie. (Dritte Mitteilungen. // Keleti Szemle. Bd. IX. H. 3. Budapest, 1908.
- 38. Roheim G. Hungarian and Vogul mythology. Seattle and London, 1966.
- 39. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси. Дом и Космос. Новосибирск, 1990.

УДК 24/25

Н.В. Воробьева

ЭКЗЕГЕЗА ЖИЗНИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА НИКОНА

Рассматриваются идентификационные модели поведения святейшего патриарха Никона в соотнесении с каппадокийской системой богословия, которую он исповедовал.

Исследователи М.В. Зызыкин [1. С. 133], И. Мейендорф [2. С. 90-108], В.М. Живов и Б.А. Успенский [3. С. 101-102] выяснили, что определяющими идентификационными моделями для патриарха Никона служил Христос (знаменитое «Патриарх - образ Христов жив» [4. С. 97]), а также Иоанн Златоуст, Василий Великий, святитель митрополит Филипп и епископ Никон. Демонстративную линию поведения патриарха Никона, связанное с подражанием евангельским героям, исследовал Д.Ф. Полознев [5. С. 23-24], М.В. Плюханова писала: «внешнее поведение Никона было организовано таким образом, что у свидетелей... возникали евангельские ассоциации» [6. С. 151]. Изъясняя явление в небе кометы как знак погибели Московского государства, Никон напоминал, что и Христос предсказывал падение Иерусалима за 400 лет, чем уподобил себя Христу, а Москву -Иерусалиму [7. С. 174-181]. В.В. Шмидт определил уподобление патриарха Никона Христу как экзегезис через опыт. По его мнению, Никон, будучи монахом по воспитанию, понимал «экзегезу как возвышение; буквальное понимание смысла - лишь отправная точка, а всегда нужно искать высшее духовное значение в каждом конкретном тексте... Писание присутствовало в жизни так же неизменно, как и сам Господь: каждый поступок сверялся с евангельским свидетельством» [8. С. 103-104].

Религиозное мировоззрение Никона еще в бытность его митрополитом развивалось и утверждалось в рамках исповедания каппадокийской системы богословия. Труды Отцов Церкви не только хранились в библиотеке Никона, но были хорошо ему знакомы и весьма любимы, оказали на него серьезнейшее и глубочайшее влияние.

Каппадокийское богословие, в отличие от александрийского, латинского, антиохийского или даже карфагенского, недостаточно исследовалось отечественными богословами. Это вызвано отчасти боязнью оригенизма, якобы повлиявшего на каппадокийское богословие через Григория Нисского, а отчасти влиянием латинского богословия, проникшего в Россию через Киево-Могилянскую, Славяно-греко-латинскую (впоследствии Московскую) и Санкт-Петербургские Духовные Академии) [9. С. 237–238].

По каппадокийской системе облачение Святейшего было особым. Так, 12 февраля 1655 г. на именинах царевича Алексея Алексеевича на Патриархе Никоне был одет клобук, на вокрылиях которого были шиты попарные изображения трех вселенских святителей – Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста и четырех московских святителей – Петра, Ионы, Алексия, Филиппа. Клобук был выполнен для патриарха Никона по заказу царя [10. С. 44–45]. Знаменательно и то, что 21 января 1661 г. в Воскресенском монастыре отлит колокол с изображением трех вселенских святителей – Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста. По мнению Г.М. Зеленской, изображение трех вселенских учителей и святителей, творцов божественной литургии, тропари и кондаки которым читаются после благодарственных молитв по святом причащении, вносило в богословскую идею колоколов Нового Иерусалима тему Евхаристии [11. С. 88–91, 390]. Почитание Патриархом Никоном свт. Иоанна Златоуста выражалось и в том, что глава свт. Иоанна Златоуста 13 ноября на всенощной выносилась на середину Успенского собора и выставлялась на величании для целования [12], регулярно служились праздничные литургии [13. С. 286–287].

После официального низложения 12 декабря 1666 г., выйдя из келий

После официального низложения 12 декабря 1666 г., выйдя из келий Чудова монастыря на подворье, где его провожали архимандриты Павел и Сергий, опальный патриарх сел читать ни что иное, как толкования Иоанна Златоуста на апостола Павла, а «архимандрит Сергий ему досаждал» [14. С. 371–372]. Никон произнес проповедь, где излагал страдания Христовы как парафраз собственной биографии; приехавших от царя к нему бояр называл Иродом и Пилатом, а духовных лиц — Анной и Каиафой [7. С. 175].

Оставляя патриарший престол, Никон свидетельствовал: «не без ведома царства отшел, ведал государь царь, потому гнев почал быть на мя не по правде. И приходили от нево, государя, ево государевы ближние люди, князь Юрье Иванович Ромодановской да Офонасей Иванович Матюшкин. И им то говорено, что от немилосердия его, государева, иду из Москвы вон, пусть ему, государю, просторнее без меня, а то на мя гневаяся, к церкви не ходит. И про тот гнев всему государству ведомо, что он, государь, гневаяся на мене, не приходил. А все святей велицей церкви обид много стало и Божественых заповедей Христовых и святых апостол и святых отец правил, как обещал на нашем поставлении, не почал соблюдать. А мы на избрании своего патриаршества и сами обещали с клятвою и с подписанием руки своея Божия заповеди и святых апостол и святых отец хранити. А он, великии государь, чрез Божественыя правила суд церковной отнял, нас самех и епископов и архимандритов, и игуме-

нов и весь священническии чин велел своим приказным людем судити, якоже и ныне от всех зрится. И о том о всем после святыя службы, как нам итти с Москвы, во святей церкви пред Богом и святыми Его агтелы засвидетельствовано и пред святым Евангелием и всеми священными церковными вещми, и обретшимися в то время архиереи и иереи и всем священным собором и всеми людьми, а не безвестно отшел. Их же государь царь принуди сказати то мое свидетелство отреканием. И многими пытками стращали, велели сказывати, как ему, государю, годно. И всем архиереом свое государево жалованье давал для тово, чтоб на меня подписалися к ево годности. И про то ведомо всему государству» [4. С. 157-158]. Понимая губительность подобных притязаний Царя и царства в отношении к Церкви, патриарх Никон также сознавал, что открытое сопротивление царской власти со стороны духовной власти может вызвать в России смуту, разрушающую религиозную основу русского бытия - любовь народа к Церкви-матушке и Царю-батюшке. После длительных молитвенных размышлений он выбрал единственно возможный для себя путь: незаконным притязаниям не подчиняться, в открытое противостояние не вступать; указывая на нетерпимость положения, рассчитывать на отрезвление и покаяние светской власти, оставить кафедру Московского Первосвятителя и удалиться в Воскресенский монастырь. Также поступали многие Святители Церкви Христовой, Иоанн Златоуст в частности. В «Возражении или Разорении» Патриарх Никон ссылается на свт. Иоанна Златоуста в 5, 9, 25 и 26 вопрос-ответах [15. Л. 61, 433, 452-461, 858, 933, 963, 1008–1012], причем в 26 возражении полностью излагает житие свт. Иоанна Златоуста, находя параллели с собственным святительским служением.

На наш взгляд, было бы неправильным принизить влияние еще одного святого предстоятеля на судьбу патриарха. Святейший Патриарх Никон был назван Никита, в честь преподобного Никиты Столпника, переяславского чудотворца (память 24 мая). Подвижничество на столпе — дело необыкновенно тяжкое, поэтому подражателей и последователей находило мало. Жизнь прп. Никиты (как затем и у патриарха Никона) состояла из двух ярких, но противоположных периодов: сначала он заведовал сбором податей; как сборщик налогов Никита был беспощаден, стараясь не столько для князя Юрия Долгорукого, сколько для себя, своей амбициозности и корысти. Долгое время он жил этим, но однажды, зайдя в церковь, услышал слова из книги пророка Исайи: «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло... спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову...» (Ис. 1, 16–31). Он не обратил на эти слова внимания, но когда его жена готовила пищу, она увидела

кровь на поверхности воды и разные члены человеческого тела. Она в ужасе рассказала мужу, но он увидел то же самое. «Горе мне, согрешившему», - это были его последние слова перед тем, как он ушел из дома. Игумен монастыря, куда пришел Никита, велел постоять ему три дня у ворот обители. Но тот пошел и обнаженный сел в тростниковое болото, где его осыпали мошки, комары и прочий гнус. Принятый в обитель, Никита затворился на столпе, где он молил о своих грехах в тяжелых веригах и каменной шапке. Эта каменная шапка до 1735 г. оставалась в Никитской обители, где ее и вериги носили на себе богомольцы, обходя вокруг столпа блаженного столпника. Итак, он сидел на столпе и на морозе, и в зной. По ночам, выходя из обители, он выкопал два колодца. Так исцелилась его душа. Кроме этого, Никита обладал даром исцеления, его мощи прославились множеством чудес. Столпник был убит собственными родственниками, которые прельстились на его вериги, которые показались им сделанными из драгоценного металла [16. С. 85]. Подвижничество столпника предполагало и подвижничество патриарха.

Существуют некоторые факты, свидетельствующие о преемственности и восприятии патриархом этого сложного и редкого вида подвижничества. В Гефсиманском саду Нового Иерусалима находится скит патриарха Никона. В 1679 г. в монастырской описи было записано: «Да за монастырем церковь на островку, что именуется пустыня, в которой молился в Великий пост бывший Никон патриарх...». Следы от упомянутого искусственного острова, образованного протоками, отведенными от русла Истры, сохранились ныне в виде глубоких оврагов и заросших валов. Возведение «отходной пустыньки» патриарха Никона началось в год закладки монастыря в 1658 г. и закончилось к 1662 г., когда бывший патриарх был уже в опале. Скит был задуман Никоном как уединенное жилье вблизи от оживленного строительства монастыря, «пустынька» стала символом «століничества» — наиболее сурового вида христианского отшельничества. Сейчас это здание исследовано и отреставрировано.

По свидетельству И.К. Шушерина, во время постов Никон удалялся в отходную пустынь, где «жесточайшее житие живяще, вящшия молитвы и поклоны и пост прилагаще, сна же всегда вельми мало требоваще». Николаас Витсен приводит описание отходной пустыни патриарха: «Это каменный домик, в нем 16 комнаток, среди них две молельни. Мы все осмотрели. У него там и комната для научных занятий; но кроме русских и славянских книг, других я не видел. Лестницы очень узкие, похоже на лабиринт. Наверху площадка с часовенкой, похожей на беседку. Снаружи она белая, на вид как садовый домик у нас. «Пустынь» [скит] Никона лежит на островке, окружена водой» [17. С. 42, 176–177; 246].

Личные покои патриарха, комнаты для келейников и хозяйственные помещения имеют маленькие размеры (очень узкие и, должно быть, неудобные для патриарха, особенно если учесть, что патриарх был высокого роста и крепкого телосложения). Памятник включает в себя также помещения двух церквей: Богоявления Господня и верховных апостолов Петра и Павла. Подняться на третий этаж, в покои патриарха, можно только по узкой каменной лестнице с высокими ступенями, что требует некоторых физических усилий. Кельи Никона небольшие по размерам, даже тесные. Кроме патриарха в пустыни, за исключением монаховсторожей, никто не жил. 22 июня 1658 г. скит был освящен. В этот скит он удалялся во время постов и проводил их среди избранных учеников в самых строгих молитвенных подвигах. Патриарх вернулся в монастырь 12 июля 1658 г., а 10 июля в Москве, в соборной церкви произнес фразу, вошедшую в сказки духовных и мирских лиц, предъявленных на Соборе 1660 г. об оставлении патриархом Никоном святительского престола: «Бью-де челом великому государю, чтоб государь пожаловал мне житии в пустыни у Воскресенского монастыря... Патриархом быть не хочу, иду в пустыню» [14. С. 182]. Богоявленская пустынь построена у летнего брода через Иордан, символизирующего место крещения Иисуса Христа. В Палестине на соответствующем месте находится монастырь св. Иоанна Крестителя. Весной 1661 г. скит был перестроен, здание получило облик «столпа», увенчанного келией, звонницей и главкой-храмом во имя. Петра и Павла. Патриарх Никон жил на третьем этаже пустыни, где располагались церковь Богоявления, приемная, трапезная, коридор. На четвертом этаже винтовая лестница заканчивалась лестничной башней, где была устроена небольшая келья, названная в путеводителях XIX в. «опочивальня», с небольшими нишами. В конце XVIII в. монастырь и пустынь посетил благочестивый Павел I. Поднявшись в «опочивальню», он, по свидетельству очевидцев, сказал: «Так-то великий Никон смирял себя! Труды его достойны уважения» [18]. В 1830 г. монастырь посетил М.Ю. Лермонтов, тогда же появилось его стихотворение «Оставленная пустынь предо мной», в автографе сделана пометка: «Написано на стенах (пустыни) жилища Никона». Скит находился на острове и соединял храм и келью, таким образом, патриарх постоянно жил в храме. Аналогично построен рукотворный остров патриарха Никона в Ферапонтове на Бородаевском озере [19. С. 71-81].

Явление Святейшего после смерти зафиксированы источниками 24 мая 1691 г. в день прп. Никиты столпника Переславльского. В этот день было уже второе видение патриарха Никона, (первое – 28 января 1682 г. дворянину Матфею Владимировичу Оборину). Рассказ имеет ру-

кописную традицию. Сторож Диомид, не видевший 28 лет, прозрел после явления ему Никона.

Над гробницей патриарха Никона написан маслом Деисус с изображением Спасителя, пресвятой богородицы, святого Иоанна Предтечи и двух Небесных покровителей Патриарха Никона — преподобного Никиты, столпника Преславского и преподобного Никона [20. С. 188].

Исследователи отмечают, что дни тезоименитства Патриарха Никона отмечались в Новом Иерусалиме с особой торжественностью. 23 марта, в день памяти преподобномученика Никона, и 24 мая, в день памяти преподобного Никиты Столпника, после Божественной литургии совершались соборные панихиды. 17 августа, в день кончины Патриарха Никона, совершалась Божественная литургия в церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи и после нее – соборная панихида. Кроме того, панихида о упокоении души Патриарха Никона совершалась по вторникам перед поздней литургией в течение всего года (исключая 1-ю неделю Великого поста, Страстную и Светлую седмицы, двунадесятые праздники и их отдание), летом – на гробнице Святейшего, зимой – в теплом храме Рождества Христова. В 1849 г. по просьбе Московского мещанского общества было установлено ежегодно в Фомин понедельник совершать в память Святейшего Патриарха Никона «в благодарность ему за построение в самом сердце России по образцу иерусалимского великого и славного храма Воскресения Христова». Божественную литургию и после оной соборную панихиду на гробе его.

Святейший Патриарх Никон, также как и его тезка, был прозорливцем и чудотворцем [21, 22].

В итоге вся жизнь Патриарха Никона стала исповеданием каппадокийской системы богословия, которая была нетрадиционна, малоизвестна и непонятна для россиян. Патриарх осознавал свой мир только через соотнесение со святоотеческим преданием. В новейшей историографии этот факт явно недооценивается. Так, современный историк С.В. Лобачев пишет: «Он [патриарх] не понял, да и не хотел понять, сути происходящих перемен, оставаясь в своих действиях зависимым от буквы Священного Писания. Главным источником знаний для него была Кормчая книга, содержащая свод церковных правил и постановления Вселенских соборов. Эти правила Никон использовал и как руководство к действию. Утверждая, что «священство» выше «царства», патриарх не выходил за рамки церковного предания. Даже его уход с патриаршества был подражанием евангельскому сюжету... Вот почему противостояние царя и патриарха закончилось поражением Никона» [23. С. 277]. На наш взгляд, экзегеза жизни Святейшего Патриарха Никона связана не только с подражанием евангельскому, но и святоотеческому образцу. Посмертная его судьба продолжила линию этой соотнесенности.

ЛИТЕРАТУРА

- Зызыкин М.В. Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. Ч. 2. Варшава, 1934.
- Мейендорф И. Апостол Петр и его преемство в византийском богословии // Иоанн Мейендорф. Православие в современном мире. New-York, 1981.
- Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог. Семнотические аспекты сокрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
- 4. Патриарх Никон. Труды. М., 2004.
- Полознев Д.Ф. К изучению датированных известий в источниках по истории патриарха Никона // Методология, историография, источниковедение истории СССР и всеобщей истории. Ярославль, 1986.
- Плюханова М.Б. О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья. М., 1982.
- Бусева-Давыдова И.Л. Об идейном замысле «Нового Иерусалима» патриарха Никона // Иерусалим в русской культуре. М., 1994.
- Шиидт В.В. Религиозно-философские воззрения и система богословия Патриарха Никона. Дис... канд. филос. наук. М., 2000.
- Шмидт В.В. Патриарх Никон в путях «пременения царств» // Человек верующий в культуре Древней Руси. СПб., 2005.
- 10. Бушуева Н.В. Клобук // Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты: из собраний Государственного Исторического музея, музея-заповедника «Московский Кремль», музея «Новый Иерусалим», Кирилло-Белозерского музея-заповедника, музея-заповедника «Коломенское», Российского государственного архива древних актов. М., 2002.
- 11. Зеленская Г.М. Святыни Нового Иерусалима. М., 2002.
- 12. Николаевский П.Ф. Путешествие Новгородского митрополита Никона в Соловецкий монастырь за мощами святителя Филиппа. СПб., 1885.
- Голубцов А.П. Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М., 1908.
- 14. Гиббенет Н. Историческое исследование дела Патриарха Никона. Т. II. СПб., 1884.
- 15. РГАДА. Ф. 27. Д. 140. Ч. IV.
- 16. Толстой М.В. Рассказы из истории русской церкви. М., 1991.
- 17. Витсен Николаас. Путешествие в Московию 1664-1665, Дневник. СПб., 1996.
- 18. Московские ведомости. 1853. № 134-135.
- Стрельникова Е.Р. Крест на острове Патриарха Никона // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002.
- Зеленская Г.М. Реставрационные и научно-исследовательские работы по Воскресенскому собору по 2-й половине 1990-х годов // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002.
- Белокуров С.А. Дела Святейшего Никона Патриарха, паче же рещи дела врачебная // С.А. Белокуров. Материалы для русской истории. М., 1888.
- Дело о патриархе Никоне. Издание Археографической комиссии по документам Московской Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеки. СПб., 1897.
- 23. Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003.

УДК 321.6

Т.А. Белова

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МОНАРХА И ЧЛЕНОВ ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА (1726—1730 гг.)

Рассмотрены межличностные отношения Екатерины I и Петра II с членами Верховного тайного совета.

По общему мнению, смерть Петра I оказалась для современников полнейшей неожиданностью. Остро встал вопрос о наследнике престола. При поддержке гвардейских полков на престол вступила Екатерина Алексеевна. Анализируя твердо установленные дореволюционными исследователями факты, следует признать, что вдова Петра Великого была не в состоянии самостоятельно осуществлять функции императорской власти, выстроенные Петром. К концу 1725 г. в управлении страной назревал кризис. Последний, вкупе с усиливавшейся тенденцией к пересмотру петровских начал в политике, послужил причиной образования нового высшего правительственного органа – Верховного тайного совета. 8 февраля 1726 г. «как для внешних, так и для внутренних государственных дел» указом Екатерины I был учрежден Верховный тайный совет [1], в состав которого вошли граф Ф.М. Апраксин, князь Д.М. Голицын, граф Г.И. Головкин, светлейший князь А.Д. Меншиков, барон А.И. Остерман, граф П.А. Толстой и зять Екатерины I, муж царевны Анны Петровны, герцог Карл Фридрих Голштейн – Готторпский. Все они, кроме герцога, были сенаторами и президентами коллегий. Но, поскольку было признано невозможным совмещение звания члена Верховного тайного совета и сенатора, верховников вывели из состава Сената.

Первым крупным событием, приведшем к изменению состава Верховного тайного совета, было падение А.Д. Меншикова. После смерти Петра I Меншиков был самым решительным противником воцарения его внука. Тогда он имел множество сторонников из числа новой чиновней знати, выдвинувшихся при Петре. Но понадобилось всего два года, и перед глазами недоумевающих единомышленников Меншиков предстал самым ярым инициатором передачи трона двенадцатилетнему мальчику. Причиной стало намерение женить Петра на своей старшей дочери Марии. Желание князя породниться с царствующим домом было юридически закреплено завещанием Екатерины. Воля императрицы, выраженная в ее завещании («Тестаменте») несомненно, навязанная ей светлейшим, состояла в том, чтобы ее наследником стал Петр Алексеевич и чтобы он обязательно женился на одной из дочерей Меншикова. Слух о существо-

вании завещания, естественно, должен был проникнуть в среду приближенных (особенно членов Верховного тайного совета) и вызвать вполне обоснованные опасения, что князь на правах тестя малолетнего императора будет распоряжаться судьбой каждого из них. Однако открытого противодействия намерениям Меншикова мы не находим. Да и Екатерина уже не могла предпринять меры, ущемлявшие светлейшего, так как она была прикована к постели и слепо выполняла его волю.

Сохранился только тот вариант Тестамента, который опубликован в Полном Собрании Законов Российской империи [2]. Первый пункт Тестамента – самый главный. Он гарантировал Меншикову пропуск в будущее и гласил: «Великий князь Петр Алексеевич имеет быть сукцессором», то есть наследником. Видимо Меншиков уже тогда видел себя регентом при мальчике – императоре. Но из-за сопротивления остальных авторов Тестамента, в его тексте появился пункт о коллективном регентстве: «Во время малолетства имеют Администрацию вести Наши обе Цесаревны, Герцог и прочие Члены Верховнаго Совета, которой обще из 9 персон состоять имеет». Надо думать, что Меншиков при всей его огромной власти в этот момент был вынужден считаться с другими и пошел на компромисс. Коллективное регентство получало «полную власть Правительствующаго Самодержавнаго Государя, токмо определения о сукцессии ни в чем не отменять». «Великий князь, - отмечалось в Тестаменте, - имеет в Совете присутствовать, а по окончании Администрации ни от кого никакого ответа не требовать». Тестамент провозглашал принцип коллективной ответственности: «Множеством голосов вершить всегда и никто один повелевать не имеет и не может» [2]. Итак, по «Тестаменту» Екатерины Верховный тайный совет становился как бы коллективным регентом при малолетнем государе, при этом решения принимались простым большинством голосов. Подобная ситуация является новой для XVIII в. В рамках абсолютной монархии права такого коллективного регента приближаются к правам государя. Это тем более справедливо, что, по «Тестаменту», Петр II, скажем еще раз, «ни от кого никакого ответа» требовать не мог. Все эти пункты должны были ограничить власть Меншикова, но светлейший игнорировал положения о коллективном управлении и фактически стал единоличным регентом, нарушая установление Екатерины I.

Уже с конца апреля 1727 г. Петр находился под присмотром светлейшего, его родных и доверенных людей. Мальчик был даже поселен во дворце Меншикова. 23 мая состоялась помолвка двенадцатилетнего Петра и шестнадцатилетней Марии Меншиковой. Светлейший находился на полпути к намеченной цели — единоличному правлению. Более того, он получал в качестве возможного государя своего родного внука.

Но как ни бдительно опекал Меншиков своего будущего зятя, все же существовали опасения, что жених мог оказаться под нежелательным влияниществовали опасения, что жених мог оказаться под нежелательным влиянием. Большие надежды светлейший возлагал на А.И. Остермана, которого еще до кончины Екатерины назначил воспитателем Петра, прогнав неугодного и ненадежного Семена Маврина. Остерман, наоборот, казался ему человеком верным. «Верный» Остерман, заметив, что царь тяготится обществом светлейшего, стал исподволь готовить мальчика к освобождению от опеки Александра Даниловича. На руку Остерману сыграла и серьезная болезнь Меншикова. Этих пяти — шести недель оказалось достаточно, чтобы бытогом обществогом общественным общест мезнь меншикова. Этих пяти — шести недель оказалось достаточно, чтобы будущий зять светлейшего глотнул свободы, сдружился с людьми, которые исполняли любое его желание и настраивали против властного опекуна. Должно быть, предчувствуя это, во время своей болезни князь подготовил письмо к императору Петру II, в котором он просил императора:

«1) до пришествия в совершеннолетие поступать по завещанию Государыни Бабки Его, быть послушным Обер — Гофмейстеру Барону Остерману и министрам, и ничего не делать без их совета;

- ману и министрам, и ничего не делать без их совета;
 ...4) напоминая, какое попечение имел он о восприятии Государя и каким отчаянным образом служил Его Величеству в восприятии Престола, просим иметь в памяти вторную службу его и содержать в милости остающуюся после него фамилию, так же быть милостиву к обрученной невесте, дочери его, и по учиненному пред Богом обещанию в подобное время вступить с нею в законное супружество». Правда, это письмо Меньшиков не решился написать [3. Л. 2–3].

Когда Меншиков поправился, он застал уже новую ситуацию – импе-Когда Меншиков поправился, он застал уже новую ситуацию – император избегал его. Остерман в эти дни развил особую активность в государственных делах. Если раньше он не посещал заседания Верховного тайного совета, то теперь становится непременным их участником. В журнале зафиксировано: «Докладовано его величеству о князе Меншикове и о других по приложенной записке руки вице – канцлера барона Остермана...» [4. С. 271]. Члены Верховного тайного совета используют эту структуру для борьбы со светлейшим.

В сентябре А.Д. Меншиков окончательно сходит с политической арены. Паление Меншикова было сокружительным услуги и постаточно не-

В сентяоре А.Д. Меншиков окончательно сходит с политическои арены. Падение Меншикова было сокрушительным, хотя и достаточно неожиданным для современников. Указ о его отставке был инспирирован кн. Долгорукими и А.И. Остерманом и подписан Петром II в сентябре 1727 г. После ссылки Меншикова борьба за власть практически не прекращалась. Мы готовы априори предположить, что эта борьба осенью 1727 г. велась по двум направлениям: влияние и близость к юному государю и борьба за преобладание в Верховном тайном совете. Остановимся на этом сюжете подробнее.

Документы свидетельствуют, что осенью 1727 г. многие радовались крушению «полудержавного властелина», прославляя освобождение от «варвара» [5. С. 188-189]. Но радовались далеко не все. Самые дальновидные и опытные понимали, что со сцены ушел подлинный хозяин страны, к властному характеру и привычкам которого за долгие годы его пребывания у власти сумели приспособиться. Опыт этих людей говорил, что новый господин может оказаться хуже старого. Время показало, что возник наихудший вариант, когда явного хозяина вообще не было. Юный император почти полностью устранился от управления государством и надолго оставлял столицу. На этом фоне разгорелась борьба между Долгорукими и Остерманом. Эта борьба шла не из-за правительственного авторитета, которого Долгорукие и не оспаривали, не имея никакого отношения к Верховному тайному совету, а из-за близости к императору, контролем над личностью которого они хотели овладеть ради достижения ими своего брачного проекта. Центром интриг явился двор, а не государственные структуры, и борьба происходила не из-за политических амбиций, а из-за личного влияния на монарха. Шла, таким образом, борьба за преобладание.

С переездом Верховного тайного совета и двора в Москву, картина несколько меняется в том отношении, что два Долгоруких — князь Алексей Григорьевич и князь Василий Лукич, назначаются членами Верховного тайного совета и начинают бороться за преобладающее влияние в нем.

Еще один Долгорукий, князь Иван Алексеевич, фаворит Петра II, конечно, пользовался огромным влиянием, но он был равнодушен к государственным проблемам, некомпетентен, ленив, не желал ради какогонибудь дела занимать внимание царя, на чем-то настаивать. Его имя упомянуто в делах совета лишь в связи с назначением сенатором и действительным статским советником [6. С. 505–506, 712]. Князь Алексей, отец фаворита, предполагаемый тесть Государя, почти не бывал в Верховном тайном совете. А между тем, за Долгорукими ухаживают иностранные послы, ищут их дружбы, часами дожидаются их выхода. Но если они ничего общего не имеют с государственным управлением, кто же является фактическим правителем?

Текущими делами управления занимался, конечно, вице — канцлер Остерман. Это первенство стало возможным благодаря близости Остермана к государю, но оно иного характера, нежели влияние Меншикова. Способности к ведению дел, уменье разбираться в трудных вопросах и ранее придавали большой вес мнению барона Андрея Ивановича; теперь же его близость к государю, и вечно с ней связанные проблемы о ее сохранении, не давали возможности часто посещать заседания совета. Из-за

отсутствия Андрея Ивановича на заседаниях Верховного тайного совета они почти прекратились, а дела, поступавшие в Верховный тайный совет, шли на обсуждение членов, независимо от дней собраний. Так, например, в журнале от 5 мая 1728 г. зафиксировано следующее: «... приказано статскому советнику Анисиму Маслову с тем мнением съездить к барону Андрею Ивановичу Остерману и к князю Алексею Григорьевичу Долгорукову...» [7. С. 350]. Записей, из которых видна существенная роль в решении важнейших государственных вопросов бароном, немало. Так, 28 марта 1728 г. «...из Верховнаго тайнаго совета ездил к вицеканцлеру... тайный советник Василий Степанов с... делами» [7. С. 240]. Дела поступали в канцелярию, деятельность которой поэтому усложнилась (например, 14 октября 1727 г. был «объявлен указ от статского советника Анисима Маслова канцеляристу Степану Юрьеву - о бытии ему у дел в Верховном тайном совете» [7. С. 514]), из канцелярии они шли для обсуждения членов, как собравшихся на заседание, так и не приехавших на него. Их относили «на дворы» обер - секретари и секретари, число и авторитет которых поэтому также возрос; они собирали мнения, делали их сводку и составляли протоколы. Без участия и одобрения Остермана не принималось ни одного важного решения Верховного тайного совета. Однако Андрей Иванович роль хозяина играть не хотел. Это было не в его характере. Он держался в тени, не любил принимать самостоятельных решений, был скромен. Отзывы современников об Остермане единодушны: умен, толков, подлишный мозг русской политики, но лжив, беспринципен, двуличен, способен на обман. Кроме того, его положение не было незыблемым, и вице - канцлеру приходилось постоянно маневрировать между монархом, Долгорукими, Голицыными, другими деятелями и группировками. Остермана спасало от неприятностей то, что заменить его, знающего и опытного политика и дипломата, было некем. Роль в работе Верховного тайного совета еще одного его видного члена -Д.М. Голицына - не нашла отражения в исторических источниках, и прежде всего, в журналах и протоколах, опубликованных в сборнике Русского исторического общества. Априори можно предположить, что влияние Д.М. Голицина было очень заметным в правление Петра II, но шло по иным каналам [8].

Непосредственные встречи и взаимоотношения монархи и верховников предполагались, конечно же, на заседаниях Верховного тайного совета. «Мнение не в указ» содержит во втором пункте следующее: «Ея Величество... персонально часто присутствовать будет...» [9. С. 93]. Но из 432 заседаний Верховного тайного совета, по данным историка Б.Л. Вяземского, только 24 состоялись в Высочайшем присутствии [10. С. 98].

В период обоих царствований совет неоднократно обращался с просьбой к Екатерине I и Петру II «пожаловать их» своим присутствием. Императрица не раз намеревалась присутствовать на заседании, рассылались членам совета приглашения, а потом снова посылались служащие канцелярии сказать, что государыня передумала или же не может присутствовать на заседании [9. С. 118, 131]. При Петре II дела обстояли иначе. Постоянно отвлекаемый от государственных дел сначала всесильным князем Меншиковым, затем партией придворных фаворитов, он также очень редко бывал в Верховном тайном совете, но посещения эти свидетельствовали о переменах в придворной жизни и были результатом кратковременных увлечений мальчика серьезными занятиями. После падения князя Меншикова, юный император три дня подряд посещал Верховный тайный совет и старался внимательно вникать во все дела [4. С. 270-271, 275-276]. Но он не выдержал столь усиленной работы, и только через неделю вновь состоялось заседание в его присутствии, после чего последовал долгий перерыв. Иногда барон Остерман собирал заседание у себя и приглашал государя. Вероятно, это стоило больших трудов, да к тому же Верховный тайный совет научился уже самостоятельно принимать решения после собраний у барона. Теперь уж не было заседаний в Высочайшем присутствии, несмотря на то, что Петр II однажды дал обещание бывать в Верховном тайном совете два раза в неделю [7. С. 241].

Верховный тайный совет по разному относился к присутствующим на заседаниях Екатерине I и Петру II. Рассмотрев все протоколы заседаний, состоявшихся в присутствии государыни, мы приходим к выводу, что они носили весьма непринужденный характер. Во время заседания между членами Верховного тайного совета и императрицей идет непринужденная беседа. И хотя те изменения, которые она желает внести, те слова, которые она «изволила сказать», тщательно записываются в журнал и строго исполняются, однако, постоянно чувствуется больший вес в государственных делах каждого из присутствующих членов Верховного тайного совета по сравнению с «Ея Императорским Величеством». Вероятно, верховники вполне осознавали, что постановления, устно переданные кабинет - секретарем Макаровым, звучат более авторитетно, чем слова, произнесенные самой императрицей в беседе с «Верховного тайного совета особами». Ничего подобного нельзя сказать о заседаниях, на которых присутствовал молодой император Петр II. На него всегда смотрели как на законного государя, и уже один этот факт заставлял верховников относиться к нему с большим почтением, а падение светлейшего показало, что юный Петр II унаследовал много черт характера от деда, чем и внушал к себе уважение. Когда он приходил на заседания Верховного тайного совета, то ему дела докладывали в почтительной форме и ждали от него определенных и решительных действий. Так, например, в журнале Верховного тайного совета от 9 февраля 1729 г. отмечено, что «перед полуднем изволил Его Императорское величество придти... и объявя сие изволил выйти...», при этом оставил распоряжение для верховников через барона Остермана, «чтоб то определение ныне же сделано было» [7. C. 114-1151.

С. 114—115].

Таким образом, взаимоотношения монархов Екатерины I и Петра II с членами Верховного тайного совета происходили как на законодательном, так и личностном уровнях. Отношение самих верховников к обоим монархам значительно разнилось. На Петра II смотрели с пиететом, как на законного государя. Екатерина I воспринималась верховниками как женщина, лишь волею случая оказавшаяся на троне. Следует признать, что и Екатерина I, и Петр II в силу различных причин оказались слабыми политиками, а потому были вынуждены мириться с существованием рядом с собой такого органа государственной власти как Верховный тайный совет и зачастую считаться с мнением верховников.

Совсем иную ситуацию мы наблюдаем при восхождении на престол

Совсем иную ситуацию мы наблюдаем при восхождении на престол Анны Иоанновны. При ее вступлении Верховный тайный совет предпринял драматическую попытку ограничить самодержавную власть, поста-

нял драматическую попытку ограничить самодержавную власть, поставив условием разделение власти между нею и советом.

Последовавшая борьба показала, что доверие разных групп дворянства может завоевать лишь абсолютный монарх. В защиту абсолютной мо-

ва может завоевать лишь абсолютный монарх. В защиту абсолютной монархии выступило множество дворян, съехавшихся в столицу на несостоявшуюся свадьбу внезапно умершего Петра с Екатериной Долгорукой. Под натиском общественности прибывшая из Митавы императрица приказала подать кондиции, подписанные там ею. «И те пункты Ея Величество при всем народе изволила, приняв, изодрать» [11. С. 277].

Вскоре последовала ликвидация Верховного тайного совета. Манифестом от 4 марта 1730 г. Верховный тайный совет был упразднен, а Высокий Сенат вновь стал Правительствующим. Бывшие члены Верховного тайного совета некоторое время еще сохраняли свое влияние в Сенате, Кабинете министров и др. В частности, после создания 6 октября 1731 г. Анной Ивановной Кабинета Министров в него входили некоторые бывшие верховники, а именно Г.И. Головкин и А.И. Остерман. Кабинет получил широкие права в области внутренней и внешней политики, законодательства, наблюдал за судебными и финансовыми делами, решал важнейшие административные вопросы. Но некоторых членов Верховного нейшие административные вопросы. Но некоторых членов Верховного тайного совета постигла страшная расправа. После восшествия на престол Анны Ивановны Долгоруковы были обвинены в «оскорблении величества», «разрушении здоровья» императора Петра II, казнокрадстве и др. Василий Лукич Долгоруков с Иваном Алексеевичем Долгоруковым — фаворитом Петра II, который не был членом Верховного тайного совета, были казнены (четвертованы). Алексей Григорьевич Долгоруков с семьей был сослан в Сибирь, Василий Владимирович Долгоруков резко осуждал Анну Ивановну за гонения на своих родственников, за что также подвергся гонениям в царствование Анны Ивановны. Голицыны — Дмитрий Михайлович и Михаил Михайлович — распрощались с политической карьерой.

Таким образом, политическое движение 1730 г. не привело к реализации намеченной цели, т.е. к ограничению самодержавной власти, Верховный тайный совет был распущен, но на его месте появился подобный орган государственной власти — Кабинет министров — со схожими функциями. Приход Анны Иоанновны к власти, ее вступление на престол и коронация сформировали образец поведения, который переняли и Елизавета Петровна, и Екатерина II. Анна Иоанновна стала первым борцом за дело Петра, за его заботу об «общем благе», в противовес интересам аристократии.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. ПСЗ-1. Т. 7. № 4830.
- 2. ПС3-1. T. 7. № 5070.
- Анкетированная опись документов Верховного тайного совета, найденный в архиве Сената // РНБ. Ф. 731. № 264.
- 4. РИО. Т. 69.
- Корсаков Д.А. Князь Иван Алексеевич Долгорукой, фаворит и обер-камергер императора Петра II // Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891.
- 6. РИО. Т. 84.
- 7. РИО. T. 79.
- 8. Анисимов Е.В. Россия без Петра: 1725-1740. СПб., 1994.
- 9. РИО. T. 55.
- 10. Вяземский Б.Л. Верховный тайный совет. СПб., 1909.
- 11. Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань, 1880.

УДК 342.531

А.В. Фаизов

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ РЕОРГАНИЗАЦИИ СЕНАТА 1730-х гг.

Рассмотрен нереализованный проект реорганизации Сената в царствование Анны Ивановны.

В 1913 г. историк В. Веретенников опубликовал работу «Проект уничтожения Сената в XVIII веке», в которую включил ранее неизвестный в литературе проект постановления, предполагавшего реорганизацию высшего управления империей. Данный документ, озаглавленный «Манифест», был обнаружен автором в Сенатском архиве, в томе «Именные указы и письма разных годов, взнесенные из комиссии разобрания в крепости дел» [1]. На этом основании автор сделал вывод, что «Манифест» был найден в 1760-е гг. екатерининской Комиссией для разбора дел, хранившихся в Петропавловской крепости. Последняя и направила его в Сенатский архив.

Публикатор и первый критик нового источника справедливо полагал, что забытый проект относится к царствованию Анны Ивановны в период существования Кабинета министров (т.е. к 1732-1740 гг.), поскольку в тексте «Манифеста» упоминаются: 1) порядки, существовавшие при «...дяде Нашем блаженныя и вечнодостойныя памяти Государе Императоре Петре Великом...», 2) отмечается учреждение «для таких важных дел, которые в Сенате разрешены быть не могут, Нашего Кабинета» [1. С. 8, 10]. Особенности бумаги документа и характер почерка, по словам В. Веретенникова, «с определенностью ведут к заключению, что перед нами акт середины (в широком смысле этого слова) XVIII в., написанный канцелярской рукой того времени, с очень несущественными поправками... сделанными посторонней рукой, очевидно, небрежной скорописью, как в это время обычно начальствующие лица исправляли проекты бумаг, им подаваемые из канцелярии» [1. С. 7]. Автора текста проекта, как и автора поправок, исследователю установить не удалось. Таким образом, обнаруженный им «Манифест», написанный в рамках принятой для XVIII в. форме, не был «плодом фантазии неведомого частного прожектера», но являлся законопроектом, выработанным в правительственной сфере вплоть до этапа формулирования акта, предназначенного к обнародованию.

Историк оценил значение этого документа следующим образом. Ко второй половине или последней трети царствования Анны Ивановны Сенат фактически «был сломан, уничтожен», но при этом являлся учреждением, «очень нужным Кабинету» в качестве «деловой канцелярии при

нем». Именно для того, по мнению исследователя, чтобы закрепить сложившееся положение юридически, и был составлен «Манифест». В. Веретенников отмечал: «Сенат нужно [было] уничтожить формально, как он уничтожился в значении фактически; а вместе с тем надо [было] окончательно сконструировать и закрепить... строй кабинетного управления страной...». Разработанный проект не был приведен, «в действие, может быть, только в силу неожиданно наступивших событий, в силу кончины Императрицы Анны...» [1. С. 5].

Изданный в 1913 г. текст нового источника не привлек внимания исследователей. Единственной работой, в которой был вновь упомянут «Манифест», является монография того же автора [2]. В дореволюционный период, по-видимому, осмыслению новых данных помешала начав-шаяся в 1914 г. мировая война. В советское время проблема функционирования органов высшего управления послепетровской эпохи интересовала исследователей явно недостаточно, в силу чего проект не был подвергнут дальнейшей критике.

Цель данной статьи – определить причины подготовки «Манифеста», характер предполагавшихся перемен в высшем управлении страной, а также факторы, не позволившие реализовать проект.

Содержание исследуемого правительственного проекта можно разделить на две части. В первой представлены декларация забот императрицы о своем государстве и верных подданных, а также мотивы издания данного постановления. Во второй части фиксируются три основных распоряжения императрицы относительно преобразования высшего управления империей.

Попытаемся уточнить время появления «Манифеста». Как отмечалось выше, В. Веретенников указывал на период 1732–1740 гг., от официального учреждения Кабинета министров до кончины Анны Ивановны. Но в то же время он полагал, что данный проект должен был подытожить сложившуюся административную практику, а поэтому датировал источник второй половиной — последней третью аннинского царствования. Если предположить, что при помощи «Манифеста» действительно предполагалось подвести черту под всей совокупностью изменений в системе высшего и центрального управления, тогда сам по себе этот проект является своего рода декларацией целого комплекса правительственных мер, которые либо были приняты ранее, либо были синхронны его изданию. Причем тот факт, что зафиксированная проектом система высшего и центрального управления отчетливо замыкалась на Кабинет, свидетельствует о том, что «Манифест» не мог быть составлен ранее 1734 г., так как до этого времени личный секретариат императрицы еще открыто не высту-

пал в качестве высшего органа. К тому же в проекте, как будет показано ниже, фиксируется непосредственное подчинение Кабинету министров, помимо других учреждений Генерал-полицмейстерской канцелярии (соответствующий указ относится к январю 1734 г.) и Канцелярии тайных розыскных дел (указ от июня 1735 г.) [3].

Причины подготовки данного постановления в самом его тексте определили следующим образом. Законодательница традиционно констатирует, что она имеет «непрестанное тщание» о том, «чтоб отправление дел государственных без упущения времени к наилучшему верных Наших подданных удовольствию чинилось, особливо ж святое правосудие и скорорешительный суд непременно следовал...». Но при этом «с немалым неудовольствием усмотрели Мы, что в Нашем Сенате некоторые дела не токмо так скоро как надлежит, но и во многое время решены и к скорому действию и исполнению приведены быть не могут». Однако далее, вместо привычных уже строгих предписаний сенаторам посещать заседания в соответствии с регламентом, в «Манифесте» поясняется, что такая ситуация складывается «отчасти от умножения дел, отчасти-же от того, что многие члены сенатские ради положенных на них других государственных дел вседневно в Сенате не присутствуют...». Тогда как «при дяде Нашем блаженныя и вечнодостойныя памяти Государе Императоре Петре Великом... Сенат состоял из президентов коллежских, и сколько коллегий, столько было всегда и членов сенатских, а ныне часто бывает, что два или три сенатора сидят, которым без всего собрания важных дел решить невозможно, отчего бывает интересу Нашему не без упущения, а верным Нашим подданным, решения требующим, не без великого убытка и изнурения...».

Таким образом, к официальным (и, добавим, вполне закономерным) причинам составления «Манифеста» относятся бесконечная сенатская волокита, обусловленная обремененностью Правительствующего Сената в целом и его членов в отдельности многочисленными делами и поручениями. Вариантом решения этого затруднения выдвигается мера Петра I от 1718 г., когда после создания коллегий Сенат стал являться общим собранием президентов новых центральных органов. Но такой Сенат собирался лишь время от времени, в случае если его члены были не состоянии самостоятельно разрешить дела, т.е. как постоянное административное учреждение, он, по существу, тогда был упразднен. Этот «Сенат» служил только объединению администрации и баллотировал в высшие чины [4]. Данная петровская мера оказалась, как известно, неэффективной: назначенные в Сенат президенты коллегий не смогли плодотворно выполнять порученные им сенатские и коллежские дела одновременно [5. С. 122]. Тем не менее,

проект, составленный одним из аннинских сановников, и не предполагал полного возвращения к указанной системе Петра I.

Какие именно мероприятия предлагал автор проекта для устранения отмеченных недостатков? Непосредственно перед их перечислением в тексте «Манифеста» указано: «...Наше Императорское Величество для наилучшей государственной пользы и всемилостивейшаго Нашего к верным Нашим подданным матерняго милосердия за благо разсудили некоторую часть того труда [положенного на Сенат] на себя воспринять и следующее учреждение учинить...». То есть, по мысли законодателя, объем сенатских обязанностей в целях повышения оперативности этого учреждения должен был несколько сократиться. В частности, императрица планировала осуществить следующее: «1) от сего времени следующим Коллегиям с их подчиненными Департаментами, Канцеляриями и Конторами быть под Нашею особливою дирекциею и указы получать от Нашего Кабинета, а с Сенатом сношения иметь промемориями; а именно: (1) Святейший Синод и Коллегия Экономии (2) Иностранная Коллегия (3) Военная Коллегия и Генерал-Кригс-Коммиссариат (4) Адмиралтейская Коллегия (5) Тайная розыскных дел (6) Дворцовая канцелярия (7) Конюшенная Канцелярия (8) Канцелярия от строений и при оной строение Невскаго монастыря (9) Генерал-Полицмейстерская (10) Медицинская (11) Соляная Контора (12) разныя учрежденныя Коммиссии...». Итак, несмотря на обещание императрицы уменьшить круг сенатского ведомства, в первом пункте «Манифеста» не содержалось ничего принципиально нового: здесь лишь были перечислены все основные центральные учреждения, которые к этому времени уже находились вне компетенции Правительствующего Сената, в непосредственном подчинении Кабинета министров. Приблизительно так оценил этот пункт и В. Веретенников. Но его трактовка второго пункта проекта определенно принята быть не может. По его мнению, реализация нижеследующего плана должна была привести к «уничтожению Сената не только фактически, но и формально: из него образуется новая коллегия». Между тем для подобного заключения нет никаких оснований. В тексте «Манифеста» отмечено: «2) До ныне бывший Сенат именовать Нашею Штац-Коллегиею, а не Сенатом, ибо не все Коллегии оному будут подчинены, как о том выше упомянуто, однако-ж [иметь ему] первенство перед протчими, как поныне было, и подчиняются ему следующие Коллегии и Конторы, а имянно: (1) Юстиц (2) Камор (3) Коммерц-Мануфактур-Берг-Коллегия (4) Ревизион (5) Вотчинная (6) Статс-Контора (7) Печатная Контора (8) Ямская Канцелярия (9) Канцелярия Конфискации (10) Монетная Контора (11) Сибирский Приказ (12) Судный Приказ и протчия департаменты, о которых в 1-м пункте не упомянуто...». Следовательно, в «Манифесте» предполагалось никак не «уничтожение» Сената и «образование новой коллегии» с принципиально иными функциями, а всего лишь его переименование в «Штац-Коллегию» вследствие того, что само его название («Правительствующий Сенат»), по-видимому, заставляло многих челобитчиков и служащих попрежнему считать этот государственный орган высшим правительственным учреждением, каковым уже являлся выступивший на первый план Кабинет министров. С 1735 г. число указов и резолюций данной структуры существенно увеличилось. Собственные именные указы и резолюции также продолжали издаваться. Однако теперь это случалось значительно реже. Так, например, их число в 1735 г. было уже вдвое меньшим, чем в 1733 г. [6. С. 154, 160, 175, 179 и далее].

Вместе с тем предполагаемая Штац-Коллегия должна была сохранить «первенство перед протчими, как поныне было», а также всю весьма обширную сферу компетенции Сената. Поэтому деятельность «Штац-Коллегии» предполагалось усовершенствовать частичным реанимированием постановления Петра I от 1718 г.: «З) Тех Коллегий, которыя не под ведением Кабинета, Президенты, а в небытность их Вице-Президенты, или из старших Советников [тут вставлено другим почерком: «кроме определенных от Нас в Штац-Коллегии Президента и Членов»], как часто дел по их департаментам случитца, как при дяде Нашем блаженныя памяти было, всяк по своему чину должен в Штац-Коллегии места иметь и во время собрания приходить, и потребныя резолюции обще производить...». Таким образом, в целях ускорения процесса принятия решений в Штац-Коллегию должны были являться (по мере появления в «бывшем Сенате» дел «по их департаментам») и участвовать в рассмотрении и решении соответствующих вопросов президенты (вице-президенты или старшие советники), подчиненных ей коллегий. Это весьма напоминало неудачную петровскую реформу Сената 1718 г. Однако, в отличие от последней, рассматриваемый проект предусматривал, наряду с участием коллежских президентов в разрешении дел «Штац-Коллегии», сохранение и ее ординарного состава, «определенных от Нас в Штац-Коллегии Президента и Членов».

Имея в виду очерченные проектом акции, попытаемся выяснить исторический контекст, сопутствовавший составлению «Манифеста» и приведший к отказу от его реализации. Для решения этой задачи нам предстоит априори определить автора или хотя бы заказчика исследуемого проекта. Исходя из того, что «Манифест» был написан в период 1735—1740 гг., и учитывая высокий уровень перемен, предусмотренных данным постановлением, в качестве возможного его автора/заказчика, на наш взгляд, могут быть названы следующие лица: кабинет-министры П.И. Ягужинский, А.И. Остерман, А.П. Волынский, а также Э.И. Бирон.

Если автором/заказчиком проекта был П.И. Ягужинский, то документ должен был появиться до января 1736 г., когда он тяжело заболел, после чего уже не выздоровел [7. С. 22]. Бывший петровский генерал-прокурор после своего назначения в Кабинет (28 апреля 1735 г.) некоторое время играл ведущую роль в правительственных делах. Э.И. Бирон полностью ему доверял, перед ним заискивали иностранные посланники и т.д. Но у П.И. Ягужинского был сильный враг – А.И. Остерман, и в Кабинете между ними разворачивается скрытая борьба [8. С. 23]. Занятый этой борьбой П.И. Ягужинский не имел возможности заниматься прожектерской деятельностью. К тому же знаменитый сподвижник Петра I, первый генерал-прокурор, вряд ли мог замыслить переименование Правительствующего Сената.

вается скрытая оорьоа [8. С. 23]. Занятыи этои оорьоои П.И. Ягужинскии не имел возможности заниматься прожектерской деятельностью. К тому же знаменитый сподвижник Петра I, первый генерал-прокурор, вряд ли мог замыслить переименование Правительствующего Сената.

Возможно, инициатором создания «Манифеста» в 1735–1736 гт. был А.И. Остерман? Он являлся создателем Кабинета министров и всегда был противником полновластия Сената [9. С. 289]. Остерман мог легко пойти на лишение сената звания «Правительствующего» учреждения. Косвенно его причастность к проекту подтверждается также его собственными более поздними записями: «я во всю мою жизнь к тому склонен был, чтоб в коллегиях и в самом Сенате дела между членами в некоторые департаменты разделены были, как в других краях отправляется... Мои малые мнения к тому клонятся, что для скорейшаго и порядочнаго разсмотрения дел потребно, чтоб при коллегиях начали их инструкции и порядок, каким дела отправляются разсматривать и притом потребное прибавлять, а лишнее убавлять. По тому дела и в Сенате учредить можно...» [10. С. 546]. В «Манифесте», впрочем, не предусматривалось разделение высших учреждений на департаменты, однако четко были определены те центральные органы, которые должны были входить в компетенцию 1) Кабинета министров и 2) Штац-Коллегии. Причем сами центральные ведомства называются в проекте не иначе как «департаментами». Однако в 1735–1736 гг. А.И. Остерман, если и стремился к реорганизации выс-ших управленческих структур, был всецело занят соперничеством с П.И. Ягужинским и зачастую «болел» в связи с появлением опасного противника [8. С. 23]. Поэтому, на наш взгляд, не имел возможности обратиться к составлению «Манифеста».

Однако представленная в проекте идея участия президентов коллегий в решении сенатских дел, по всей видимости, возникла у ближайшего окружения Анны Ивановны именно в это время. В сентябре 1735 г. в Кабинете министров имело место слушание вопроса о необходимости привлечения президентов, находившихся в Москве коллегий, к решению дел московской Сенатской конторы [11]. В результате 4 июля 1736 г. было разрешено призывать в Сенатскую контору членов коллегий «для слуша-

ния спорных дел, опричь тех на кого будет челобитье, и решить такия дела по общему мнению» [12]. Важно отметить, что само обсуждение этого вопроса было инициировано целым рядом обращений в Кабинет министров (минуя Сенат) главы Сенатской конторы С.А. Салтыкова. Вообще, в 1730-е гг. сложилась такая практика взаимоотношений Кабинета и Сенатской конторой, которая фактически поставила последнюю в равное с Сенатом положение [10. С. 559–561]. Отсюда вполне закономерным оказывается отраженное в изучаемом «Манифесте» стремление кабинетминистров распространить на петербургский Сенат норму о привлечении президентов (членов) коллегий к рассмотрению и решению сенатских дел, что стало весьма полезным по отношению к московскому отделению этого учреждения.

В 1736 г. на фоне реальной болезни (а затем и смерти) П.И. Ягужинского и тактической «болезни» А.И. Остермана начинает возрастать правительственное значение Э.И. Бирона. Вот что писал последний своему другу Кейзерлингу 31 августа 1736 г.: «Теперь вся тяжесть по поводу турецкой войны лежит снова на мне. Его Сиятельство граф Остерман уже 6 месяцев лежит в постели. Князя Черкасского вы знаете. Между тем все должно итти своим чередом... Все это причиняет заботы. На очереди иностранныя, как персидския, так и европейския дела. Я должен об всем докладывать, будь то хорошее или худое, на них должны быть приняты решения. Все подобныя хлопоты могут побороть не только болезненное тело, но и самое сильное...» [10. С. 23–24]. Итак, мог ли автором/заказчиком исследуемого нами «Манифеста» стать фаворит Анны Ивановны? Уже из приведенной цитаты ясно, что рутина государственного управления в целом тяготила его. Кроме того, его личные качества не дают оснований видеть в нем «прожектера», стремившегося к реформированию высшего управления империей.

6 апреля 1736 г. П.И. Ягужинский скончался, но «выздоровевший»

6 апреля 1736 г. П.И. Ягужинский скончался, но «выздоровевший» А.И. Остерман не сразу начинает контролировать высшую администрацию. Это произошло с июля 1737 г., когда Э.И. Бирон был единственно занят своим избранием в Курляндские герцоги. В Кабинете министров у Остермана теперь не было соперника. Князь А.М. Черкасский следовал за ним во всем. И, если автором или заказчиком «Манифеста» был А.И. Остерман, то начало составления документа, по-видимому, относится к июлю 1737 г. или позднее, т.к. еще в именном указе от 11 мая 1737 г. Сенат был назван «главным правительством государственных Наших дел» [13. С. 15], против чего выступал исследуемый проект.

Итак, весьма вероятно, что с июля 1737 г. А.И. Остерман (лично или через своих подчиненных) мог приступить к составлению «Манифеста»,

который должен был сформировать эффективную вертикаль высшего государственного управления во главе с Кабинетом министров, а также оживить деятельность переименованного Сената. Кроме того, готовившийся проект должен был учесть также следующее обстоятельство. В 1737— 1738 гг. Кабинет министров передавал на рассмотрение Сената все более сложные дела, но сенаторы нередко стремились переложить ответственность за решение даже таких дел, которые, безусловно, подлежали сенатскому ведению, на кабинет-министров [14. С. 241], которые в то время были заняты ведением войны против Турции. Поэтому одной из целей «Манифеста» было подтверждение подчинения сенаторам (теперь членам Штац-Коллегии) целого ряда центральных учреждений с тем, чтобы заставить его решать подведомственные ему вопросы самостоятельно.

3 апреля 1738 г. кабинет-министром был назначен А.П. Волынский. Это, видимо, и не позволило реализовать «Манифест». А.И. Остерман вновь столкнулся с серьезным политическим противником, который вплоть до своей казни (27 июня 1740 г.) играл важнейшую роль в кабинете. Безвольный А.М. Черкасский теперь во всем поддерживал влиятельного родственника императрицы. Поэтому в делопроизводстве Кабинета министров впервые стали появляться особые «мнения» вице-канцлера [15. С. 50, 52, 94, 99, 104 и др.].

А.П. Волынский, несомненно, признавал за Сенатом как государственным учреждением большие полномочия. Подтверждением этого стало установление 17 июня 1739 г. нового порядка сношений Кабинета министров, Сената и Синода «сообщениями», что подчеркивало формальное равенство этих государственных органов [16]. Теперь уже не могло идти речи об осуществлении «Манифеста», устанавливавшего слишком открытое подчинение Сената и Синода Кабинету. Вместе с тем в эти годы впервые в административной практике стали проходить совместные заседания Кабинета министров и Сената, составляться их «общие разсуждения» [10. С. 538]. А в теоретическом «Генеральном проекте» нового кабинет-министра и его «конфидентов» даже развивалась идея верховной роли представительного Сената. Все эти факты свидетельствуют о том, что А.П. Волынский был скорее не автором/заказчиком «Манифеста», а его противником.

Тем не менее, автор знаменитого «Генерального проекта» разделял со своими коллегами-кабинет-министрами пренебрежительное отношение к личному составу Сената. Грубый и невоздержанный А.П. Волынский, один или вместе с другими членами Кабинета, неоднократно в жесткой форме объявлял представителям Сената справедливые выговоры и замечания за волокиту и несоблюдение регламента. В. Строев даже полагал,

что «с Сенатом никогда так мало не церемонились, как теперь» [8. С. 54]. Но подготовленный по инициативе А.И. Остермана «Манифест», который призван был несколько повысить работоспособность Сената (Штац-Коллегии), не мог устраивать аннинского обер-егермейстера. Поэтому с этой же целью были проведены несколько частных мер. Например, 17 октября 1739 г. понуждаемые кабинет-министрами сенаторы постановили, чтобы «челобитчиковы» дела докладывались Сенату не хронологическом порядке их поступления, но, начиная, с того, «что может прежде поспеть» [17]. Уже после смерти лидера «конфидентов» Сенат указом от 28 августа 1740 г. установил специальное расписание «в которые дни» из коллегий, канцелярий, контор, комиссий приходить «с делами в Правительствующий Сенат». Это сенатское постановление содержало интересную оговорку о том, что оно не распространялось на «Президентов Иностранной и обеих Воинских Коллегий, ибо оныя часто важныя по их Коллегиям дела исправляют» [18]. Последнее положение напоминало о том пункте несостоявшегося «Манифеста», в котором эти три первые коллегии должны были находится в непосредственном ведении Кабинета министров и вне подчинения «бывшего Сената». Вместе с тем, сенатский указ отметил в каком порядке и кем должны были докладываться его членам соответствующие дела, каким образом это должно было фиксироваться в делопроизводстве и т.д. Но результаты отмеченных постановлений не могли иметь большого значения.

Расчетливый и опытный А.И. Остерман, как известно, сумел выдержать напряженное противостояние с А.И. Волынским. Последний, все более приближаясь к государыне и пытаясь влиять на нее, вскоре столкнулся с всесильным Э.И. Бироном и пал. Некоторое время спустя, в регентство Анны Леопольдовны, А.И. Остерман, который полностью контролировал высшее управление, вернулся к мысли о необходимости реформирования Сената. Однако теперь реорганизация намечалась в другой форме. Проект данного именного указа был обнаружен А.Н. Филипповым в бумагах А.И. Остермана, где сохранились и собственные соображения вице-канцлера по поводу предусмотренных в нем мер [10. С. 545]. Новым «прожектом» предполагалось разделение Сената на «4 Сената или 4 экспедиции», что должно было продолжить реформу, начатую 28 января 1741 г., когда на три департамента был разделен Кабинет министров [19. С. 33]. А.И. Остерман отметил относительно сообщенного ему документа, что «таким образом дела скорее и при том с совершенным рассмотрением отправляемы будут...» Но и этот проект преобразования сенатского устройства не был воплощен в жизнь, т.к. первый сановник Анны Леопольдовны был сторонником хорошо обдуманных и

взвешенных государственных решений, а регентство правительницы не смогло представить необходимого для этого времени. 25 ноября 1741 г. оно было прервано дворцовым переворотом, в результате которого пал и Остерман.

Таким образом, в период с июля 1737 г. по апрель 1738 г. по инициативе А.И. Остермана был составлен проект преобразования высшего управления империи. Причинами создания «Манифеста» стали медлительность Правительствующего сената и наличие в системе управления двух высших учреждений. Проект вице-канцлера предполагал усовершенствование и повышение оперативности Сената (переименовавшегося в «Штац-Коллегию»), систематизацию центральных органов с точки зрения их подведомственности, принуждение сената более самостоятельно решать назначенные для него дела, установление четкой управленческой иерархии, когда Сенат (Штац-Коллегия) лишался титула «Правительствующего» и официально ставился в подчинение от Кабинета. Реализации проекта помещало назначение в кабинет-министры А.П. Волынского. И вместо подготовленного проекта были приняты несколько менее эффективных мер частного характера. После того как соперник вице-канцлера сошел с политической сцены на эшафот, А.И. Остерман стал подготавливать новый проект реформы Сената, который, впрочем, также остался лишь на бумаге, поскольку А.И. Остерман разделил судьбу политического режима Анны Леопольдовны.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Веретенников В. Проект уничтожения Сената в XVIII веке. Харьков, 1913.
- Веретенников В. Очерки истории генерал-прокуратуры в России до-екатерининского времени. Харьков, 1915.
- 3. ПС3 1. T. IX, № 6529, 6753.
- 4. Романовский В.Е. Государственные учреждения древней и новой России. М., 1911.
- 5. Власть и реформы: от самодержавной к советской России. М., 2006.
- 6. РИО. T. 61.
- 7. Фурсенко В. Ягужинский П.И. // Русский биографический словарь. М., 1999.
- 8. Строев В. Бироновщина и Кабинет-министров. Ч. 2. М., 1909.
- Филиппов А.Н. Доклад императрице Елизавете Петровне о восстановлении власти Правительствующего Сената // ЖМНП. 1897. № 2.
- Филиппов А.Н. Правительствующий Сенат в царствование Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича // История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711–1911. Т. 1. СПб., 1911.
- 11. IIC3. T. IX. № 6812.
- ПСЗ. Т. IX. № 7819.
- Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Кабинета Министров Анны Иоанновны. М., 1913.
- 14. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. (Опыт целостного анализа), М., 1999.

- 15. РИО. Т. 80.
- 16. Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волынский и его «конфиденты». СПб., 1885. 17. ПСЗ. Т. Х. № 7921. 18. ПСЗ. Т. Х. № 8219.

- 19. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 21. М., 1964.

УДК 342.531

П А Ремнея

ИНСТИТУТ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ В ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Показано, какое место в проектах государственных преобразований, представленных в царствование Александра I, занимал институт императорской власти.

После смерти императора Павла русское общество с ликованием встречало нового императора, Александра. Он заявил о необходимости коренных государственных реформ в России. Ниже рассмотрено три проекта государственного переустройства России, созданные в рамках «правительственного конституционализма» в царствование Александра I, т.е. с санкции государя.

Князь Адам Чарторыйский, один из членов Негласного комитета, в своих записках дает, пожалуй, наиболее емкую и нелицеприятную характеристику Александру: «Великие помыслы об общем благе, великодушные чувства, желание принести им в жертву собственные удобства и часть своей власти, отказаться, наконец, от неограниченного могущества, чтобы тем вернее обеспечить в будущем счастье людей, подчиненных его воле, все это некогда искренне занимало императора, но это было скорее юношескими мечтами, чем твердым решением зрелого человека. Император любил лишь формы свободы, как любят зрелища. Ему нравилась внешняя сторона народного представительства, и это составляло предмет его тщеславия; но он желал только формы и внешнего вида, а не действительного его осуществления; одним словом, он бы охотно согласился на то, чтобы весь мир был свободен при условии, чтобы все добровольно подчинялись его воле» [1. С. 170].

Принято считать, что в России необходимость перехода от абсолютной монархии к правовому государству стала осознаваться еще в XVIII в. На протяжении всего XIX в. самодержавие стремилось сохранить в неизменном виде существующую политическую систему, придав ей новое политическое оформление. Суть этого «оформления» заключалась в дополнении самодержавия совещательными учреждениями представительного характера. Практически ни одно традиционное общество на стадии модернизации не может избежать кризиса существующей правовой системы. Вследствие этого кризиса и появляется «мнимый конституционализм», как стадия политической модернизации авторитарного традиционалистского режима. Два проекта «Уставная грамота» и конституция цар-

ства Польского 1815 г. созданы именно с такой целью — сохранить старое государство, модернизировав внешнюю форму. Особняком стоит третий проект — проект государственной реформы М.М. Сперанского, модернизирующий не только внешнюю сторону, но и саму суть российского государства.

Современные исследователи признают, что Сперанский характеризовал русский государственный строй как деспотию, не ограниченную никакими коренными государственными законами и без общей воли (народного духа) народа, который разделен на сословия с разными интересами для облегчения контроля над ним самодержавия [2. С. 206].

Выход из этого пагубного состояния, несовместимого со статусом России как части цивилизованной Европы, Сперанский видел в переходе к «истинной монархии». Последняя представляется Сперанским, как монархия ограниченная, основанная на принципах законности и разделения властей. Свод реформаторских и творческих положений Сперанского можно свести к основной идее: адаптация к самодержавно-крепостническому строю России западноевропейского юридического мировоззрения, примат закона. Сюда относятся принципы свободы личности, незыблемости закона представительного правления, частной собственности на землю людей, принадлежащих к свободным сословиям, и т.п. [3. С. 41].

В отличие от проекта Сперанского и «Уставной грамоты», польская конституция 1815 г. была приведена в жизнь. Сложно назвать конкретных авторов, создавших ее. Во многом польская конституция — результат совместного творчества польских дворян, российских чиновников, самого императора Александра I.

«Уставная грамота», по существу, была преемницей польской конституции. Она была создана на ее базе: многие положения перешли в «Уставную грамоту» из польской конституции практически без изменения. Отличия прежде всего коснулись полномочий императора — они были еще более расширены. «Уставная грамота» была одобрена Александром как конституция Российской империи.

При сравнении трех правительственных проектов надлежит отметить разницу в декларируемых прерогативах самодержца. В польской конституции 1815 г. и «Уставной грамоте» институт императорской власти декларировался лишь как исполнительная власть. В проекте Сперанского царь провозглашался абсолютным главой всех ветвей власти. В тексте проектов декларация и реальное распределение властных полномочий резко различаются. Сперанский последовательно изымает из полномочий самодержца законодательную и судебную власть, оставляя в его руках только исполнительную. Польская конституция и «Уставная грамота»,

вопреки декларациям, реально сосредоточивают в особе монарха исполнительную, законодательную и судебную власти. Почему же мы наблюдаем столь существенную разницу между заявлением авторов проектов и представлениями, как их проекты должны будут работать на деле? Все объясняется спецификой аудитории, которой адресованы эти проекты. Если Сперанский ориентировался на прочтение своей программы самим императором, то польская конституция и «Уставная грамота» были рассчитаны на широкого читателя, настроенного, во всяком случае, более либерально, нежели Александр. Декларации, в этом случае, носили адресный характер и были продиктованы ожиданиями читателя. Фактическую же часть авторы проектов создавали сообразно со своим истинными представлениями.

В проекте Сперанского законодательная власть реально почти всецело принадлежала Государственной думе. Сперанский старался придать Государственной думе возможно большую независимость, прежде всего от императора. Это желание нашло отражение в правиле созыва Думы на основании коренных, непременных законов, а не на основании простого акта державной воли: «Государственная дума собирается по коренному закону и без всякого созыва ежегодно в сентябре месяце» [4. С. 20]. Кроме того, император не имел права уволить членов Государственной Думы без одновременного утверждения новых членов в том же акте об увольнении. Причем назначает новых членов Государственной думы не император, а собрание губернских дум. Император лишь утверждает список. Таким образом, самостоятельное, независимое существование Государственной Думы определяется невозможностью верховной власти повлиять на выборы членов Государственной Думы, невозможностью прекратить ее деятельность путем увольнения всех членов и, наконец, пассивным характером утверждения председателя Думы, который избирается из ее членов и лишь утверждается императором [5. С. 135]. Державной власти принадлежит только право законодательной инициативы и окончательного утверждения закона, законодательной власти – право «уважения» закона, то есть право отвергнуть большинством голосов предложенный монархом закон. Из этого следует, что в осуществлении законотворческой деятельности связь император – Государственная Дума виделась Сперанским не как вертикальная, а как горизонтальная. И только совместным действием этих двух органов можно принять новый закон. Из общего смысла проекта вытекает, что время работы Государственной думы не ограничено, вернее, ограничено временем, необходимым для принятия решения по всем вопросам, стоящим на повестке дня.

Напротив, в польской конституции 1815 г. и «Уставной грамоте», царь формально созывал сейм для исполнения законодательных функций. Время, на которое созывался сейм, было строго ограничено в обоих случаях. «Уставная грамота» устанавливала срок действия Общероссийского Государственного сейма (Государственной Думы), в который входят государь и две палаты, в тридцать дней. Государственный сейм разделяется на частные сеймы наместнических областей, «созываемые каждые три года», и Общий сейм, «созываемый каждые пять лет». И та, и другая палаты собирались на тридцать дней, с промежутками, соответственно, в три года и пять лет. Польский сейм также состоял из двух палат, созывавшихся на строго определенный срок, раз в два года всего на 30 дней, и царя. Сам сейм состоял из двух палат — из сената (члены его пожизненно назначались императором) и палаты депутатов (избирались).

Царь и сейм, согласно польской конституции и «Уставной грамоте» формально декларировались равными в вопросах законодательства. Сейм, по идее, должен «содействовать» императору в законодательных вопросах (ст. 13, 31, 32, 101 «Уставной грамоты»; ст. 31, 86 Польской конституции). При поверхностном рассмотрении кажется, что «содействие» сейма на деле выливается в резкое ограничение законодательной власти монарха. Мы находим подтверждение этому в статье 115, где говорится, что государственный сейм рассматривает все проекты законов (гражданских, уголовных и пр.). Ни один закон общероссийского масштаба не мог быть издан помимо государственного сейма и без его утверждения. Сейм мог либо отвергнуть (т.е. наложить вето), либо одобрить проект закона большинством голосов (ст. 132). То есть сейм, как представитель законодательной власти, казалось бы, имел реальное право контролировать законотворческую деятельность императора, что явно перекликалось с польской конституцией 1815 г. [6. С. 185–186]. То же самое в польской конституции: сейм имел право вето в отношении обсуждаемых в нем законопроектов (ст. 102) и издание законов никем, кроме сейма не допускалось, то есть законопроект никак не мог миновать сейм. Однако, в течение тридцати дней, на которые собирался сейм, маловероятно обсудить и вынести какое-либо решение, удовлетворяющее большинство членов сейма по вопросам, накопившимся за три года и пять лет соответственно. Таким образом, Новосильцев и авторы польской конституции, намеренно сокращая время деятельности сейма до тридцати дней, ставили его в положение сугубо фиктивного органа, который вынужден будет принимать решения, не успев их всесторонне рассмотреть, лишь бы уложиться в отведенный срок. В «Уставной грамоте» не сказано, вносятся ли проекты законов на рассмотрение сейма по его собственной инициативе, или по

инициативе императора. Но, судя по тексту грамоты, по общему ее духу, право законодательной инициативы мыслилось принадлежащим исключительно императору. В польской конституции только император обладал правом законодательной инициативы: сообщения, заявления, представления и запросы послов и депутатов к сейму, сейм мог принимать только после одобрения их императором. «В случае, когда таковые будут переданы царем сейму через посредство Государственного совета, сейм обсуждает проекты законов, составленные вследствие таковых заявлений» (ст. 92). Законопроект, принятый сеймом, обретает силу закона, только после утверждения его императором (ст. 104, 105). Сейм как законосовещательное учреждение, таким образом, в двух проектах представляется совершенно лишенным практической значимости.

В польской конституции устанавливалась ответственность правительства перед сеймом в виде обсуждения в обеих палатах сейма «общего отчета о положении в крае, составленного в Государственном Совете» и результаты обсуждения каждой из палат в виде особого заключения, отправлялись к царю. В «Уставной грамоте» принцип ответственности исполнительной власти перед народным представительством (т.е., перед Государственный сеймом) был ограничен правом императора представлять парламенту на обсуждение отдельные части общегосударственного отчета. Конечно, этим правом император мог и не пользоваться. В проекте государственной реформы М.М Сперанского ответственность перед Государственной Думой несли министры, в некоторых случаях исполнявшие волю монарха. Если смотреть с формальной точки зрения, министр мог быть предан суду, даже если он исполнял приказ императора, противоречивший закону. Такого рода ответственность не затрагивала императора лично, но ставила под сомнение его авторитет как неограниченного самодержца.

Согласно польской конституции, царь декларировался лишь как глава исполнительной, административной власти. Специальная глава конституции, озаглавленная «О царе», посвящена только определению порядка осуществления им исполнительной власти: право объявления войны и заключения различных договоров и трактатов, право назначения всей администрации и духовных иерархов. Но при этом деятельность царя должна была строго согласовываться с представителями администрации. «Все повеления и указы царя контрассигнуются министром-начальником департамента, который ответственен за все, что сии повеления или указы могли бы заключать в себе противного конституции или законам». Отсюда следует, что:

1. Император все-таки не являлся надзаконной силой;

2. За соблюдением конституционных норм следил специальный департамент, министр-начальник которого имел право не подтвердить те или иные повеления или указы царя. Второй пункт особенно важен, прежде всего, в отношении издания указов. По конституции, лишаясь права свободного и бесконтрольного издания законов, император как глава исполнительной власти мог воспользоваться прерогативой издания различных указов, по своей сути не отличающихся от законов. Этому была поставлена преграда в виде специального департамента, в обязанность которого входило наблюдение за соблюдением конституционных норм в том или ином указе.

Впоследствии эта норма была нарушена в «Уставной грамоте». Главой исполнительной власти государства, как и в польской конституции, провозглашался император. «Он управляет исполнительной частию во всем ее пространстве. Каждое начальство, исполнительное, управительное и судебное, им одним постановляется» (ст. 12). «Государь есть верховная глава общего управления империи» (ст. 15). Грамота вручает монарху очень широкие права: его особа священна и неприкосновенна, ему принадлежит право назначения послов, помилования, назначения на должности «гражданские, управительные и судебные». Он – глаза церкви, ему принадлежит главное командование всеми вооруженными силами и, что самое главное, право издания законов. Монарху принадлежит право объявлять войну, заключать договоры, он является главнокомандующим всех вооруженных сил империи. Также он имеет право производить в офицеры, назначать послов, назначать церковных иерархов (ст. 16-20). Государь вправе распоряжаться доходами государства, но только согласуясь с бюджетом государства или наместничеств. Император мог единолично утвердить только первый после оглашения «Уставной грамоты» бюджет (ст. 24, 25). Последующие бюджеты не могли быть утверждены без обсуждения и утверждения их государственным сеймом [6. С. 187].

Органами центральной исполнительной власти, подчиненными императору, являются Государственный совет, разделяемый на Общее собрание совета и на Правительный совет или Комитет министров, и министерства. Общее собрание совета рассматривает и разрабатывает проекты законов, делает представления монарху о злоупотреблениях администрации и о нарушениях законов, рассматривает отчеты министерств. Пункт о праве Общего собрания рассматривать отчеты министерств, казалось бы, предполагал мысль об установлении ответственности министров перед Общим собранием (хотя в его состав входили они сами, но вместе с ними присутствовали и другие лица, назначенные царем). Однако эта мысль не находит подтверждения, напротив: ближайшая же статья грамоты гово-

рила о том, что постановления Общего собрания, исключая постановления о предании суду высших чиновников и о ведомственных столкновениях, подлежат утверждению монарха, который, конечно, мог не утвердить решения Общего собрания по поводу отчета министра, если это решение было неблагоприятным для императора. Министры, в случае нарушения законов, подвергаются лишь судебной ответственности, т.е. наравне с любым подданным царя, нарушившим закон. А.В. Предтеченский справедливо замечает, что грамота умалчивала о том, кому принадлежит право предания министров суду [7. С. 380-383].

Кроме того, без участия сейма император мог издавать только уставы, учреждения, рескрипты и постановления, но не законы (ст. 31-33). Впрочем, под терминами уставы и учреждения составители «Уставной грамоты» подразумевали «все распоряжения, требуемые обстоятельствами, или для защиты государства и охранения целостности его границ, или для устройства разных предметов по части внутреннего управления, или, наконец, по делам, до порядка службы и до усовершенствования общего и частного благосостояния касающихся» (ст. 28). Под понятиями «указы. повеления, рескрипты и постановления» - «документы, содержащие частные распоряжения по различным отраслям государственного управления» (ст. 29) [6. С. 175-189]. Нетрудно заметить, что, с одной стороны, полностью контролируя монарха в издании коренных законов, «Уставная грамота» совершенно развязывала ему руки в издании любых уставов, указов, учреждений и т.д., имеющих точно такую же силу, что и законы. Хотя, согласно проекту Уставной грамоты, утвержденной императором в 1819 г., законодательная власть включала в себя положения, уставы, регламенты, указы, декреты, распоряжения и предписания. Следовательно. отдавая монарху в руки возможность издания такого рода актов, Новосильцев явно нарушает декларативно введенное им разделение властей и допускает смешение исполнительной и законодательной власти. Следует вспомнить, что институт контрассигнации, существовавший в польской конституции был удален Новосильцевым. То есть контроля за изданием императором указов, рескриптов и т.д., со стороны специальных учреждений совершенно не было.

Итак, трактуя власть императора исключительно как исполнительную, «Уставная грамота» и польская конституция в то же время существенно расширяли реальные прерогативы царя в законодательной и судебной сферах. Важно подчеркнуть, что судебная власть в начале XIX в. считалась составной частью исполнительной ветви власти. Сперанский реально разделяет исполнительную, законодательную и судебную власти, по возможности оставляя в руках императора исполнительную. Исполнитель-

ную власть Сперанский также определяет как административную, «управительную».

Сперанский отождествляет верховную власть монарха и административную власть, употребляя понятия «верховная державная власть» и «правительство» как синонимы. В силу этого, из-под юрисдикции правительства закономерным образом выпадает часть законодательной власти, как и из-под компетенции императора, который неявно отождествляется с правительством. Вот что пишет по этому поводу сам Сперанский: «если источник закона поставить в некоторых случаях вне пределов державной власти, тогда может произойти безмерное в видах разнообразие и несвязность... тогда правительство может быть поставлено в неприятное положение отвергать или не давать своего утверждения на такие предметы, кои будут законодательным сословием приняты... по сим причинам нет, кажется, предложение закона исключительно присвоить державной власти» [4. С. 23].

Что касается системы управления, к которой Сперанский причислял и судебную систему, то в ней император, по декларации Сперанского, являлся абсолютным главой [4. С. 26]. Ответственность перед Государственной Думой несли министры, в некоторых случаях исполнявшие волю монарха как верховного главы исполнительной власти

По нашему мнению, Сперанский сознательно не ставил своей целью ограничение власти царя, но, принимая теорию Монтескье о разделении властей как основополагающую и определив державную власть как принадлежащую исполнительной, Сперанский невольно поставил ей вполне определенные пределы.

И «Уставная грамота», и польская конституция весьма поверхностно касались системы судебной власти, отождествляя ее с исполнительной («управительной»), в основном затрагивая право императора о помиловании. Однако Сперанский, по форме не разделяя исполнительную и судебную власти, тем не менее отделял судебную власть по существу. В ней, император по декларации Сперанского, являлся абсолютным главой: «...порядок судный, яко часть корпуса исполнительного принадлежит по существу своему власти державной, и для сего-то везде и всех народов суд ее именем производится» [4. С. 26]. Сперанский заявляет, что «судный порядок» неформально, «по существу» принадлежит державной власти, однако это заявление остается чисто декларативным, вернее, общий порядок и формы судопроизводства действительно остается под контролем монарха, но не отдельный судебный процесс, до которого, по сути, императору нет никакого дела.

Император не мог вмешиваться в ход дела, его роль ограничивается лишь установлением единообразия судебного процесса по всей России и надзором за сохранением единообразия этих «судных образов». «По сему понятию о порядке судном, он слагается из двух установлений: первое из них, относящееся к существу дела державная власть вверяет свободному выбору подданных и, слагая вследствие того ответственность сей части, передает ее, так сказать тому же началу, от коего истекает и власть законодательная. Второе установление — надзор и охранение форм судебных — остается и с ответственностью, к тому принадлежащей, исключительно в порядке исполнительном. Из сего следует, что действие власти державной в суде должно быть ограничено одним установлением власти, надзирающей и охраняющей судные образы» [4. С. 27]. Сперанский отождествляет императорскую власть, даже в суде, исключительно с исполнительной сферой действий.

Верховным судебным органом империи признавался Сенат («Верховное судилище», по терминологии Сперанского), но не император, и при этом приговор Сената признавался окончательным и не подлежащим обжалованию. Никто, в том числе и монарх, провозглашавшийся верховным судьей, не мог оспорить решение Сената. Из этого видно, что, несмотря на сугубо декларативное провозглашение монарха носителем верховной судебной власти, действительным носителем верховной судебной власти являлся Сенат, что означало изъятие из-под фактической юрисдикции монарха еще и судебной власти. Из сферы полномочий монарха также оказалось изъятым право назначения судей, которое было заменено на выборное начало: «положено, чтобы судьи избираемы были самими теми лицами, для коих суд устанавливается. Таким образом, власть судная по существу своему осталась в пределах власти державной, но исполнение ее вверила она избранию тех самых лиц, кои могли бы приносить на нее жалобы. Сим учреждением сил ответственности слагается уже с власти исполнительной и переходит прямо на судей и первоначальных их верителей» [4. С. 27]. Из этого следует, что Сперанский маскирует лишение права назначения судей державной властью необходимостью отказаться от ответственности за действия судебной власти. Далее, сенаторы не назначались верховной властью, а избирались Государственной Думой, роль же монарха вновь сводилась к пассивному утверждению состава Сената: «Сенат составляется из сенаторов по выбору Государственной Думы, по мере постепенного увольнения членов настоящих» [4. С. 27]. Вопрос о назначении или избрании первого состава Сената Сперанский деликатно замалчивает. Император утверждает, по Сперанскому, важные приговоры по уголовным делам, но только до выхода нового Уголовного уложения. Тем не менее, у императора оставалось право смягчения наказания, право помилования [5. С. 139].

Таким образом, права императора в судебной власти сводились к следующим двум пунктам:

- 1. Право помилования
- 2. Утверждение особо важных приговоров, но только до издания нового Уголовного уложения.

Институты судебной власти, также как и законодательной, оказывались независимы от монарха. Это достигалось выборностью всех уровней судебной власти от волостных судов до Сената.

Все проекты государственного преобразования, созданные в первой четверти XIX в., находились под несомненным влиянием идей европейского Просвещения, под интеллектуальным воздействием теории общественного договора предложенной Гоббсом, принципом разделения властей, обоснованным Монтескье. Авторы пытались творчески переработать западноевропейский (прежде всего английский и французский) опыт, применительно к условиям России. Проект Сперанского вызвал резкое неприятие Александра и, возможно, послужил причиной его опалы и ссылки, из чего можно заключить, что проект Сперанского содержал латентные ограничения власти императора. Напротив, одобрение императора распространилось на проекты, оставляющие властные прерогативы монарха по существу неизменными, но проводящие жесткое разделение властей на бумаге. В польской конституции 1815 г. и «Уставной грамоте» 1820 г. император декларировался лишь как глава исполнительной власти. Такая позиция была связана с неясно очерченным, аморфным, хотя и определенным вектором развития - пониманием императором «правомерного» государства, в котором власть монарха не может быть ограничена, потому что именно носитель верховной власти должен направлять государство, чтобы оно освободило человека от притеснений и гарантировало ему свободу.

Однако власть императора, основанная на теории общественного договора, требовала юридического оформления. Это противоречие решалось авторами польской конституции и «Уставной грамоты» за счет чисто декларативного применения принципа разделения властей, в соответствии с которым император провозглашался всего лишь главой исполнительной власти. Однако, несмотря на то, что эти проекты заслужили одобрение императора, они так и остались нереализованными (кроме польской конституции, но она не распространялась на территорию остальной империи). Конституционные проекты, в какой бы форме они ни были составлены, вызывали резкую негативную реакцию со стороны

влиятельных представителей русского консерватизма. Само русское общество, как мы можем судить по реакции на публичную речь Александра в польском сейме, в большинстве было настроено против конституционных реформ.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Отечественная война и русское общество, 1812-1912. М. Т. 2.
- 2. Азаркин Н.М. История юридической мысли России. М., 1999.
- 3. Пролубников А.В. Идеи монархической государственности. М., 2002.
- Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского // Сперанский М.М. Введение к уложению государственных законов. М., 2004.
- 5. Морозов В.И. Государственно-правовые взгляды М.М. Сперанского. СПб., 1999.
- Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.
- Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М., 1957.

А.А. Власенко

ПОЛЕМИКА В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КРУГАХ РОССИИ ПО ПРОБЛЕМАМ СИБИРСКОЙ ССЫЛКИ (1822–1852 гг.)

Изучены взгляды крупных чиновников Российской империи на место и значение сибирской ссылки.

Значимость заявленной темы усиливается на фоне растущего интереса научного сообщества к региональной истории России. Понимание истории Российской империи в её целостности немыслимо без специального исследования её региональных субъектов. В этом смысле изучение института ссылки как управленческой и социально-экономической особенности сибирского края позволяет, с одной стороны, выявить её влияние на развитие региона, а с другой — посмотреть, как институт ссылки преломлялся под воздействием специфических сибирских условий.

Взгляд царской администрации на значение ссылки с течением времени менялся. В связи с этим особый интерес представляет период 1822—1852 гг., ознаменованный практической реализацией уставов М.М. Сперанского. В 1822 г. на основе проведённой систематизации разрозненных законодательных актов впервые была создана единая правовая база, призванная упорядочить ссыльную систему. По верному мнению профессора И.Я. Фойницкого, Сперанский видел в ссылке институт не столько карательный, сколько колонизационный, входивший в систему общей политики. Ссыльные были элементом, необходимым Сибири своими рабочими силами [1. С. 28–29]. Неслучайно, что из шести образованных Уставом о ссыльных разрядов четыре имели исключительно рабочий характер. Важными задачами М.М. Сперанский считал превращение ссыльных в «хозяйственников» и нравственное их исправление посредством труда. Приоритет отдавался организации земледельческого освоения Сибири, которое должно было осуществляться силами ссыльнопоселенцев.

Однако намеченные Сперанским планы «штрафной колонизации» встретили на своём пути немало препятствий. Местная администрация также не имела единого взгляда на способы водворения ссыльных в Сибири. 16 мая 1824 г. в журнале Совета тобольского общего губернского управления отмечалось, что из причисляемых в селения старожилов ссыльных весьма малое количество в течение пяти отведённых законом лет водворяется в совершенстве. Прочие, не имея средств, нанимались в работники к крестьянам-старожилам за ничтожное вознаграждение, едва достаточное для одежды и уплаты налогов. Поэтому, отмечалось в Сове-

те, такие ссыльные за 5 лет ничем не могут обзавестись [2. Л. 28–29]. Несмотря на это, тобольский губернатор А. Тургенев в марте 1825 г. выступил против возведения отдельных казённых поселений для ссыльных. Он считал подобное мероприятие дорогим для казны. Причисление же ссыльных к селениям старожилов избавило бы местную власть от надобности строжайшего надзора за поведением и трудолюбием ссыльных. Смешанные с крестьянами в одном селении, они не совершали бы «неблагонамеренные замыслы» так, как они могли бы это делать, поселившись отдельно. Так ссыльным было проще вступать в родство со старожилами, и они быстрее получили бы доверие местного общества. Это смягчило бы нравы ссыльных и ускорило их домообзаводство [2. Л. 42–43]. Иного мнения придерживался начальник І отделения Главного управления Западной Сибири. Он констатировал, что все неудачи при водворении ссыльных в Западной Сибири происходили от недостатка надзора за ними. В июне 1825 г. данный чиновник писал: «Опытом известно, что ссыльные, столько времени наводняющие Сибирь, не только не способствуют к увеличению народонаселения, но даже некоторым образом препятствуют оному...». Казённые поселения, по его мнению, должны были наполнить малолюдные места Сибири, составить особое поселение и под особым, строгим надзором смотрителей и ревизоров [2. Л. 58, 60].

В 1827 г. Тобольскую и Томскую губернии с ревизией посетили сенаторы В.К. Безродный и кн. Б.А. Куракин. 29 августа они затребовали от тобольского губернатора данные о том, как проходит создание новых поселений, сколько ссыльных со времени издания Устава приселено в Тобольской губернии и каково их состояние. Судя по ведомости о положении ссыльных в данной губернии за 1822—1827 гг., представленной вниманию сенаторов, весьма малое число их водворялось прочно. Из приселённых 5187 чел. (4240 мужчин и 947 женщин) обзавелись хозяйством 485, находились в стадии обзаведения — 581, заключили брак со старожилами — 90, считались без обзаведения — 3761 чел. [2. Л. 72, 76, 77]. Ревизоры отмечали чрезвычайную медлительность в организации казённых поселений в Западной Сибири. К 1827 г. данные по этому вопросу так и не были собраны, между тем от увеличения партий ссыльных приселение их к старожилам было доведено почти до «совершенной невозможности» [2. Л. 83, 123–127, 171–172]. В марте 1828 г. томский губернский прокурор доносил В.К. Безродному и князю Б.А. Куракину, что приселённые к селениям старожилов ссыльные в осеннее, зимнее и весеннее время, не находя для себя никаких работ, а вместе с тем и пропитания, отлучаясь без позволения волостного начальства и без докумен-

тов, либо доставая у подобных себс бродяг фальшивые, приходили в губернский город даже из отдалённых их мест поселения, «гнездились» под разными видами в предместьях города или в харчевнях, «упражнялись» в разных обманах, мошенничествах, воровстве и грабежах, накопляющих множество дел в уголовных местах. По мнению прокурора, исполнение Устава о ссыльных насчёт устройства казённых поселений могло отвратить и пресечь бродяжничество и происходившие от него беспорядки [2. Л. 199–200]. В свою очередь 6 октября 1828 г. западносибирский генералгубернатор И.А. Вельяминов рапортовал Сенату по поводу невозможности в полной мере удовлетворить потребности ссыльных в земле. К тому же имелся недостаток землемеров, которые смогли бы в сжатые сроки провести отчисление земель на устройство поселений [2. Л. 235–236].

Неудовлетворительные результаты устройства уголовных ссыльных в селениях старожилов, трудности в организации казённых поселений, прогнозируемые большие затраты заставляли царское правительство искать альтернативные способы их водворения в Сибири. В декабре 1828 г. в Сибирском комитете были слушаны два проекта о способах водворения ссыльных в Сибири на правах обязанных поселян без издержек со стороны казны. По первому проекту, предполагалось всех сибирских старожилов и осёдлых инородцев наделить 15-ти десятинным земельным наделом, а остальные угодья раздать сибирским чиновникам, купцам всех гильдий, мещанам на определённых условиях. Владельцы таких угодий обязаны были в течение 12 лет поселить на каждых 15-ти десятинах одного поселенца и снабдить его всем необходимым для хозяйства. Водворённые поселенцы должны были обрабатывать землю хозяину за половину урожая и назывались половниками. Во втором проекте было предложено поселенцев-половников зачислить в Устав о ссыльных как дополнительный разряд [3. Л. 4—9]. Однако реализовать данные планы в Западной Сибири не удалось. Дело ограничилось лишь долгой и бесполезной перепиской между центральной и местной властями. Омское областное управление отказало в поселении ссыльных на специально отведённых землях, так как, по закону 2 апреля 1826 г., запрещено было селить ссыльных на Омской пограничной линии. В Томской и Тобольской губерниях не нашлось желающих, за исключением 2-х чиновников, водворять ссыльных [3. Л. 19—28, 48].

На заседании Сибирского комитета конца февраля — начала марта 1830 г. было отмечено: «Волостные правления... не обращают ни малейшего внимания на их (ссыльных. — A.B.) поведение и на то, чтоб оные занимались работами и старались заводиться домами. По большей части сии посельщики ведут праздную жизнь, ибо к работам их не принуждают

и не отводят им земли для хлебопашества. Пробыв льготное время, взыскивают с них подать, которую, по большей части, платят за них старожилы, как несостоятельных жителей той деревни, в которой они числятся, тем вновь водворённые становятся в тягость коренным жителям» [4. Л. 104]. В 1835 г. вопрос о ссылке был поднят в связи с резолюцией императора Николая I на рапорте томского гражданского губернатора: «Рассмотреть, нет ли возможности вовсе прекратить ссылку в Сибирь на поселение, оставя сие для одних каторжных». Однако Государственный совет нашёл, что мысль об отмене ссылки необходимо оставить, и все меры, предложенные в её замену, неудобнее, дороже и вреднее самой ссылки. Проекты замены ссылки другими видами наказания, исходившие от министров Блудова и Дашкова, были отклонены [5. С. 32–39]. В Петербурге по-прежнему верили в спасительный страх ссылки и возможность устроить ссыльных в богатом ресурсами сибирском крае.

Таким образом, предначертанные «Уставом о ссыльных» мероприятия по водворению ссыльных с трудом претворялись в жизнь. В правительственных кругах постепенно созревала мысль о том, что ссылка страдала от недостатка надзора, отчего ссыльные, пользуясь избытком свободы, даже и не помышляли обзаводиться собственным хозяйством, и многие из них продолжали заниматься преступным ремеслом. В этих условиях примерно с 1840-х гг. стала расти популярность методов устройства ссыльных, основанных на принудительных работах и строгом контроле. Всё чаще стали раздаваться голоса в пользу ужесточения режима уголовной ссылки, дабы заставить ссыльного завести собственное хозяйство.

В конце 1830-х гт. министр внутренних дел Д.Н. Блудов предложил учредить арестантские поселенческие роты для негодных к осёдлости поселенцев. Туда же предполагалось отсылать всех без исключения поселенцев, если они были склонны к бродяжничеству, развратной жизни и преступлениям. Каждая рота должна была находиться в ведении особого командира, состоявшего под начальством Экспедиции о ссыльных. Исправившегося в поведении и нашедшего способ обзавестись хозяйством должны были освободить из роты и передать в ведение гражданских властей [6, Л. 1].

В 1841 г. генерал-губернатор Восточной Сибири В.Я. Руперт предложил проект отдельного управления ссыльнопоселенцами, которое должно было иметь военный характер. По сути, он опирался на идею казённых поселений, которые предполагалось создавать по «Уставу о ссыльных» 1822 г. Однако надзор за ссыльными в данных поселениях предполагалось вверять воинским командам, а не гражданским учреждениям. Цель проекта В.Я. Руперта — «отделить многочисленное развратное сословие

ссыльных от благоустроенных сибирских обществ, ограничить пагубное его на них влияние, преобразовать его нравы и воспитать его потомство в правилах гражданского быта» [7. Л. 29–34].

Свой план устройства ссыльнопоселенцев в Сибири предложил начальник 8-го округа корпуса жандармов генерал-майор Н.Я. Фалькенберг. Действенным способом устройства ссыльных в Сибири он считал золотые промыслы. Чтобы «положить совершенную преграду распространяющемуся в России о поселенцах мнению, что жизнь их в Сибири гораздо лучше всякого крепостного состояния» и чтобы ссыльные «не сделались возмутителями народного спокойствия», он предлагал учредить по всем губернским городам Сибири поселенческие роты, а в городах Томске и Красноярске по две, под строгим военным надзором. В них следовало поместить всех ссыльных, не имеющих никакой оседлости и «известных по дурному поведению», а вновь поступающие в Сибирь ссыльные должны были поступать в роты все без изъятия. Из этих рот, по требованиям золотопромышленников, снаряжалось бы нужное число рабочих, а заработанные ими деньги следовало отправлять ротному начальству. По окончании приисковых работ ссыльный возвращался в роту. Заработанные деньги предназначались для приобретения ссыльным одежды и продовольствия, а также для будущего хозяйственного обзаведения поселенцев [8. Л. 28-36].

10 ноября 1845 г. генерал-губернатор кн. П.Д. Горчаков писал министру внутренних дел: «Неоспоримо, что ссылка в Сибирь ныне сделалась для низшего класса нисколько не страшной. Переходя из мест густо заселённых и промышленных в край изобильный, где малейший труд или изворотливость вознаграждаются щедро; выходя из-под власти помещиков или надзора внутреннего местного управления, более чем здесь бдительного, для получения полной свободы и многих из прав людей беспорочных; наконец, предусматривая себе через 10 лет поступление в состояние свободное — вся тягость наказания для простого народа ограничивается дальностью пути, и то много облегчённого заботливостью Правительства, так что выгоды этого положения, часто из хвастовства раскрашенные в письмах на родину, колеблют там нравственность и возрождают зависть в их товарищах». Горчаков сделал вывод о неэффективности сельского водворения ссыльных, где невозможно установить строгий надзор за ними. Он считал, что «одно только фабричное производство может быть допущено, дабы сделать Сибирь чувствительной простому народу». Предлагалось приписывать ссыльных из непривилегированных сословий к фабрикам и заводам, помещая их в особые казармы под строгое наблюдение [7. Л. 149–154]. Похожее мнение высказал генерал-

губернатор Восточной Сибири Муравьёв, считавший, что необходимо совершенно оставить мысль отдельных поселений, которые нигде успеха не имели. Лучший вариант для него – поселение ссыльных при фабриках и заводах, где они бы получали заработок и могли заняться земледелием [9. Л. 9–10].

Н.Н. Анненков, произведший в 1851 г. ревизию ссылки, пришёл к выводу о том, что «ни прежняя система Сперанского, ни новые постановления не получили в Западной Сибири должного исполнения» [9. Л. 57–58]. Относительно скромные результаты давали на практике разрядная система и льготное законодательство. Был весьма подорван и карательный элемент ссылки. Анненков отмечал: «Можно с достоверностью заключить, что слово Сибирь в понятиях простолюдинов внутренних губерний изменило своё значение, что прежний спасительный страх ссылки в Сибирь непрестанно всё более и более изглаживается... По моим понятиям мысль о поступлении ссыльных в Сибирь, не иначе как на работы, гораздо сильнее подействовала бы к восстановлению во внутренних губерниях того спасительного опасения ссылки, которое в прежнее время существовало; но и самое распределение ссыльных в места более отдалённые и менее населённые могло бы, хоть несколько, возобновить это опасение» [9. Л. 56–61].

Материалы ревизии Н.Н. Анненкова анализировались в открывшемся 17 апреля 1852 г. Втором сибирском комитете. Было заявлено, что людей порочных и вредных гораздо выгоднее и удобнее разместить на общирных пространствах Сибири, чем терпеть в губерниях внутренних. Уголовная ссылка, по мнению большинства комитета, должна была, прежде всего, быть «предметом страха и опасения для простолюдинов» и не должна быть сравниваема с простым переселением или водворением. В журнале Комитета за 7 декабря 1852 г. было отмечено: «Ежели в общих государственных видах и нельзя ещё ныне уничтожить наказание ссылкой в Сибирь, то... во всяком случае настало уже время для подробного исследования и изучения на месте сего важного вопроса...» [9. Л. 200, 202, 302–305]. В конечном счёте Комитет выступил за чёткое разделение более и менее важных преступников и за соответствующие способы их расселения и водворения в Сибири, учитывая количественное соотношение ссыльных и старожилов.

Таким образом, на протяжении второй четверти XIX в. мнения о значении сибирской ссылки изменились. Если в 1822 г. в правительственных кругах имела место ставка на колонизационную роль ссылки, то к началу 1850-х гг. возобладало мнение о необходимости не столько сохранения, сколько выдвижения на первый план карательного элемен-

та. Царская администрация продолжала видеть в ссылке, хотя и не всегда эффективный, но всё же способ колонизации Сибири, предлагая новые варианты водворения. Вместе с тем, появилось ощущение того, что прежний страх ссылки исчезал, её переставали бояться. Допустить это государство не могло, поскольку ссылка на тот момент, при отсутствии сколько-нибудь развитой тюремной системы, представляла собой основной вид наказания.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Фойницкий И.Я. Управление ссылки. Б. м., 1880.
- 2. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 352.
- 3. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 902. Т. 1.
- 4. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 8.
- Ссылка в Сибирь. Очерк её истории и современного положения. Для Высочайше утверждённой Комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб., 1900.
- 6. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2316.
- 7. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2050.
- 8. ГАРФ. Ф. 109. On. 18. 1-я экспедиция. 1843 г. Д. 44.
- 9. ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3139. Т. 1.

УДК (940/47) + 950/571

Н.Г. Суворова

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В СИБИРСКИХ РЕФОРМАХ М.М. СПЕРАНСКОГО

Показаны основные подходы к решению крестьянского вопроса в рамках сибирских реформ М.М. Столыпина.

«Сибирская эпопея» Сперанского, как правило, вырывается из общего биографического и политического контекста судьбы реформатора, или, точнее, разрывает ее на качественно неравные части. Исследователи образно отмечали, что от сибирских и постсибирских проектов «веет холодом», «они вышли из-под равнодушного, холодного пера» [1. С. 25]. Стоит ли удивляться – автор получил неизгладимый сибирский опыт. Сибирские реформы есть первая широкомасштабная практическая попытка претворения в жизнь кабинетных планов, предпринятая реформатором. Кроме того, благодаря участию в Сибирском комитете, это еще и возможность апробировать свои замыслы в конкретной административной практике. Сибирский комитет и крестьянские комитеты (1826, 1828, 1835) объединял Сперанского с рядом видных администраторов николаевского царствования (Кочубей, Голицын, Блудов, Дибич). Возникают резонные вопросы: какое направление имела сибирская «крестьянская программа» и пытался ли Сперанский реализовать свой аграрный проект в Сибири?

Очевидно, что «крестьянская программа» Сперанского для Сибири не предусматривала кардинальных социально-экономических преобразований и ограничивалась преимущественно административными реформами. Такое решение крестьянского вопроса, тем не менее, не противоречило «хозяйственному плану», озвученному в начале 1830 г. в Комитете Кочубея. Постепенный переход от общинного к семейно-наследственному землепользованию, переложение оброка с души на землю, решение проблемы малоземелья с помощью переселений и проч. — все эти мероприятия должны были иметь не региональный, а общероссийский статус. Только в этом случае возможно было достигнуть желаемого единообразия в правовом и экономическом положении различных сословных групп земледельческого населения России.

Направление на унификацию сословного разнообразия, сближение и объединение в ранге свободных сельских обывателей четко прослеживается в сибирских реформах. Учитывая сложный этноконфессиональный и сословный состав сибирского населения, можно выделить разнообразные интеграционные практики (визуальная, вербальная, институциональная),

апробированные на данной территории в 20-30-е гт. XIX в. под руководством Сибирского комитета [2. С. 160-173].

На первый план можно вынести уже традиционную практику унификации налогообложения с последующим объединением в единую волость. Со второй половины XVIII в. на территории Западной Сибири существовали отдельные общества ямщиков – ямы. Ямщики не являлись членами крестьянского общества, даже если проживали на территории слободы или волости и вместо платежа податей исправляли особую повинность – ямскую почтовую гоньбу. При создании волостей, в 80-е гт. XVIII в., государство сохраняло ямские общества в местах компактного проживания ямщиков. До упразднения Ямской канцелярии в 1822 г ямщики, как и экономические крестьяне, были изъяты из ведения местной администрации и подчинялись особым ямским управителям. В 1822 г. сибирская администрация, считая убыточным для казны и обременительным для самих ямщиков сохранение за ними особого статуса, причислила их в сословие государственных крестьян, с определением их в ближайшие волости [3. С. 183]. Существовавшие ямские волости были переведены в крестьянские общества.

Столь же радикально решалась проблема мещан, проживающих на территории крестьянских обществ и занимающихся земледелием. Еще 1782 г. генерал-губернатор Пермского и Тобольского наместничеств Е. П. Кашкин издал указ, согласно которому лица, записавшиеся в мещанское или купеческое сословие, должны были проживать в городах, на отведенных для них землях. Мероприятия, проведенные по этому указу, а именно, высылка мещан из уездов, а крестьян из городов, не принесли желаемых результатов. По данным, собранным в 1790 г., по уездам Тобольского наместничества проживало 6604 мещан и цеховых, 63 купца [4. Л. 2]. Формально запрещалось включать мещан в общество государственных крестьян с сохранением сословного статуса. По сенатскому указу 1808 г. купцам и мещанам, живущим в селениях, запрещалось отводить казенные земли [5]. Более радикальный путь решения этой проблемы предложил М.М. Сперанский, проведя массовое зачисление мещан, занимающихся хлебопашеством и проживающих в сельской местности, в сословие государственных крестьян [6. Л. 91].

Сибирская администрация попыталась последовательно провести мероприятия по «расселению» сельских обывателей согласно их «сословной прописки»: мещане выселялись в города, крестьяне из города в волость, к которой были приписаны. Опасение разрушить хозяйство налогоплательщика приводило к нарушению провозглашенного принципа сословной замкнутости, и государство допускало создание маргинальных волостей.

Таковыми можно считать мирские городовые волости бывших ямщиков. По месту проживания и деятельности они были горожанами, но по месту приписки и налогам — членами крестьянских волостей [7. Л. 7]. Еще более экзотически был определен статус бухтарминских старообрядцев — «русские инородцы» или «русские ясашные» [8. С. 38-43]. На примере бухтарминской волости четко прослеживается сложная иерархия идентичностей данной локальной группы: во-первых, сословная — инородец, во-вторых, конфессиональная — старообрядцы, в-третьих — языковая и государственно-политическая — русские (при очень пестром этническом составе фактически: пермяки, зыряне, вогулы, остяки, татары, монголы и русские), вчетвертых, территориальная — сибиряки и т.д. Важно подчеркнуть, что государство, исходя именно из сословного статуса, формирует волостные общества, а это в свою очередь оказывает влияние на конструирование всех прочих идентичностей, в том числе и этнолокальных.

Механическая интеграция предполагала объединение населения в составе одной волости, при естественном распространении на вновь приписанных к волости «российского» образца управления. Этот метод был наиболее радикальным в административной практике первой половине XIX в., т.к. он предполагал наибольший результат при минимальных затратах. Несмотря на множество попыток в 20-е – 50-е гт. XIX в., администрации фактически не удается их реализовать из-за сопротивления населения и опасения в финансовой несостоятельности новых образований. Тем не менее, этот бескомпромиссный метод не будет отвергнут местной администрацией и в дальнейшем.

Переходной ступенью к слиянию распыленных инородческих селений оседлых инородцев в единую волостную систему был перевод инородцев на денежный, равный с государственными крестьянами, оклад. Уже с начала XVIII в. появляются проекты об унификации систем обложения оседлых инородцев и русских крестьян, в частности замена ясака подушным налогом, уничтожение института ясачных сборщиков и передача их функций волостному начальству (князцам и старшинам) [9. С. 242]. Данную линию последовательно продолжают Уставы Сперанского, направленные на постепенную ликвидацию особого сословно-правового положения и административного устройства инородческого населения путем включения оседлых инородцев в сословие государственных крестьян. Инородцы, жившие деревнями и занимавшиеся «свойственными земледельцам упражнениями», причислялись к сословию государственных крестьян, с введением у них управления на основании общих законов и учреждений [10].

Несмотря на сохранении в «Уставе об инородцах» «родоплеменной» терминологии для обозначения территориальной единицы самоуправле-

ния, на первое место выдвигается требование общих экономических интересов членов данного коллектива, что для государства было равнозначно созданию податной единицы, объединенной круговой порукой. Существующее многообразие традиционных социально-административных образований аборигенов, предполагалось постепенно унифицировать, не абсолютизируя при этом патриархально-родовые институты, а, напротив, по мере возможности, приближая к общегосударственным формам социально-административного устройства сельского населения [11. С. 94]. На практике «мера возможности» не всегда выдерживалась сибирскими бюрократами, которые предпочитали единообразие во всех подведомственных сферах для удобства контроля. В 20-е гг. началась не всегда последовательная реализация унификаторской идеи Устава. В первую очередь администрация обратилась к инородцам, проживающим чересполосно с русскими земледельцами - татарам, алтайцам, южным хантам и манси. Объединение инородцев и русских крестьян в единую территориальную общность не было обусловлено сдвигами в социально-экономическом и политическом развитии инородцев и поэтому носило формальный, искусственный характер. Унификация ренты, хотя и веский, но, очевидно, с точки зрения самих инородцев, не вполне достаточный аргумент для причисления их в сословие государственных крестьян и, тем более, объединения в составе крестьянской волости. Недальновидность местных чиновников можно было бы рассматривать как досадный казус на фоне довольно взвешенного, дифференцированного подхода, выработанного в Уставе. Но при реализации его на практике власти не предпринимают решительной ломки существовавших административных единиц. Задача административной интеграции населения была подчиненной в сравнении с фискальными интересами казны: угроза снижения платежеспособности охлаждала реформаторский пыл.

Именно поэтому не все предложенные Сперанским проекты в данном направлении были одобрены Сибирским комитетом. Так, попытка сблизить положение приписных и казенных крестьян, разрушая обособленность горного округа через подчинение общим административным учреждениям, встретила объяснимое сопротивление со стороны Кабинета и горных властей.

Еще один элемент «крестьянского вопроса» объединяет сибирские реформы и последующие «комитетские проекты» Сперанского – отношение к попечительной власти в деревне. В начале XIX в., учитывая местную специфику и усиливая полицейский контроль за населением, в Сибири вводилась особая должность земского комиссара. Функции комиссаров соответствовали задачам земского суда по уезду, но на меньшей

территории. Комиссары должны были следить за благосостоянием вверенных волостей, за правильным ведением дел в волостных правлениях, производить разбирательство маловажных тяжб, взыскивать в срок подати. М.М. Сперанский отметил обременительность и неэффективность содержания комиссаров для крестьянского общества, которые «чем более внедриваются, тем более теснят и промыслы их и торговлю, тем более беспорядка, злоупотреблений и разврата» [3. С. 65–67].

Учреждение комиссарств усилило полицейский контроль над крестьянскими обществами и приблизило его к населению, но не способствовало снижению числа злоупотреблений ни со стороны коронных органов, ни со стороны крестьянской администрации. Столкнувшись с такой ситуацией, Сперанский отказался от традиционного для дворянских и правительственных проектов этого времени пути, предполагавшего улучшение существующей организации казенного управления с помощью попечительной власти. Он понимал, что чиновники любого уровня в Сибири представляли повышенную опасность для благосостояния государственных крестьян. К тому же, профессиональные и моральные качества сибирских чиновников явно не соответствовали образу просвещенного защитника крестьянских интересов. Поэтому Сперанский и считал необходимым не приближать полицейский надзор к населению, а, напротив, удалять чиновников от непосредственного вмешательства в повседневную жизнь населения. Он писал: «Обилие и спокойствие наших сельских обывателей требуют сколь можно удалять, а не сближать с волостями всех земских и заводских управителей» [3. С. 47].

Идея Сперанского об «удаления приказного элемента» или «средних начальств» от крестьянского управления была одной из причин затянувшегося конфликта Сперанского с Канкриным. Рассматривая с этой позиции волостное устройство, предложенное Сперанским в «Учреждениях для управления сибирских губерний», мы признаем его положительные стороны. Определяя, даже крайне лапидарно, волостное устройство, Сперанский однозначно отверг присутствие чиновников в волости. Причины недоимочности сибирской казенной деревни Сперанский видел не в малоземелье или общинных переделах, но злоупотреблениях властью чиновниками всех рангов. Поэтому, две части крестьянского вопроса для Сибири (экономическое и правовое устройство и порядок управления) сохраняли для Сперанского принципиальное значение, но изменялась последовательность их осуществления.

Основные злоупотребления ревизоры выявили в сфере волостного управления при распределении земских и волостных повинностей. В своем отчёте М.М. Сперанский отмечал, что недостаток устройства управления волости, а именно отсутствие особого сибирского волостного устава, является одной из главнейших причин расстройства сибирского управления в целом. В записке «Понятие и составные части губернских учреждений», составленной в начале 30-х гг., Сперанский отмечал, что и губернское, и уездное управление тесно связаны с внутренним управлением волости, и без лучшего устройства волостного управления не могут нормально функционировать и остальные части системы [12. Л. 30].

Обратив основные усилия на реорганизацию высших административных этажей, Сперанский (несмотря на занятость и спешку) все же не оставил намерений «внести элементы законности и в крестьянский мир». Одним из наиболее важных мероприятий в этом направлении должно было стать издание первого Волостного устава для Сибири. Такого рода инструкцию Сперанский поручил составить генерал-губернатору Восточной Сибири А.С. Лавинскому [3. С. 376]. Цель создания устава ограничивалась кодификацией, существовавших к этому времени указов, предписаний и норм обычного права и не предполагала преобразования крестьянского самоуправления. В отчете Сперанский отмечал, что «образ сельского управления, введенный по некоторым частным предписаниям и обычаям, не требует перемен» [3. С. 75]. Введенное на губернском и уездном уровнях разделение административной и судебной властей, в волости не признавалось необходимым. Сперанский считал возможным оставить все функции в ведении волостной администрации, так как «число их маловажно и обстоятельства не многосложны». Что давала, таким образом, проведенная кодификация? Прежде всего - систематизацию действующих правовых норм сельского управления, что было само по себе актуально, учитывая хаотическое состояние сибирского законодательства. Но для Сперанского закон не являлся только инструкцией или руководством для деятельности учреждения и граждан, закон должен был формировать правовые отношения, готовить общество к деятельности в правовом государстве, воспитывать его [13. С. 21]. Свое видение правовых основ волостного управления Сперанский изложил в работе «Понятие и составные части губернский учреждений» (1827 г.) [12. Л. 30-34]. Его вариант «российской волости» предлагал крайне обобщенный, унифицированный характер бюрократизированного низового управления равно подходящего для всех и равно удаленный от конкретных этнолокальных институтов. Как и в случае уставов для инородцев, «российская волость» могла являться идеальной конструкцией, стандартом для интеграции сельского населения в единое административноправовое пространство Российской империи. 30-50-е гг. XIX в. в местных канцеляриях с учетом предложений М.М. Сперанского был составлен ряд инструкций и наказов для волостного и сельского управления Сибири: общероссийское (стандартное) в них явно преобладало над сибирским (специфическим). Административно-правовая обособленность края, определяемая наличием «Сибирского учреждения» и Сибирского комитета, тем не менее, не препятствовала общероссийским бюрократическим тенденциям, если они не ущемляли положение местной администрации.

Нечетко заявленный сибирский вариант крестьянского вопроса имел много общего с «комитетской программой» М.М. Сперанского, как-то: консолидация сельского земледельческого население в единое сословие, необходимость правовой регламентации и кодификации, административная унификация. Условная «российская модель» управления еще не получив свое окончательное разрешение во внутренних губерниях, начинает постепенно внедряться на окраинах, апробируя и вырабатывая здесь новые практики.

Крестьянский вопрос в аграрной России оставался актуальным во все времена, видоизменяя свое содержание и практики разрешения в зависимости от идеологии, социально-экономической ситуации, региональных характеристик. До отмены крепостного права главным его содержанием было освобождение помещичьих крестьян и, этой цели были подчинены все прочие мероприятия в аграрной сфере, обсуждаемые в николаевских секретных и гласных комитетах. Преобразования в казенной деревне рассматривались в качестве «отправного пункта» и «рычага» в разрешении общекрестьянского вопроса [14. С. 173]. Эту идею с блеском реализует П.Д. Киселев, а рождением своим она обязана М.М. Сперанскому, связавшему воедино собственной персоной сибирские административные реформы и николаевские крестьянские комитеты второй четверти XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

- Жаринов Д.А. Цворянство и крестьянский вопрос при Николае I // Три века. Россия от смуты до нашего времени. Т. 6. М., 1995.
- Суворова Н.Г. Волостъ как инструмент интеграции русского и инородческого населения Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 2.
- Прутиченко С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. Т. 2. СПб., 1899.
- 4. ТФ ГАТюмО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 114.
- 5. Там же. Ф. 329. Оп. 10. Д. 324.
- 6. ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Л. 172.
- 7. ГАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 379.

- Мамсик Т.С. «Русские ясашные» в Сибири XVIII–XIX в. (К характеристике этнокультурного состава) // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 2003.
- Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь XVIII первой половине XIX в. Историкоэтнографический очерк. Новосибирск, 1975.
- 10. ПСЗ-I. T. 38. № 29126.
- Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской Империи (XVIII – начало XX вв.). М., 1995.
- 12. OP PHE. Ф. 637. № 762.
- Сперанский М.М. Отрывок о комиссии Уложенной // Сперанский М.М. Проекты и записки.
- Дружсинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М.; Л., 1946.

УДК 321.6

Е.В. Коваль

РОССИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР И ИМПЕРАТОРСКИЙ ДОМ в XIX – начале XX вв. (к постановке проблемы)

Показаны актуальность и значимость для исторической науки изучение все-

го комплекса взаимоотношений императора и императорской фамилии в России.

Исследование взаимоотношений императора и членов императорской фамилии в России в XIX — начале XX вв. может способствовать лучшему пониманию ряда важных научных проблем, например, таких как проблема формирования внутренней и внешней политики Российской империи в части принятия решений. Вне поставленной проблемы невозможно изучение вопроса о быте и нравах членов императорского дома, о порядках при дворе, о церемониале российского императорского двора и проч.

В исследовательской практике принято рассматривать деятельность императора с момента восшествия на престол и до того момента, когда он лишался короны в силу естественной или насильственной смерти. При этом основное внимание, как правило, уделяется вопросам внешней и внутренней политики самодержца. Заметно меньше ученых интересует проблема воспитания и становления личности того или иного императора в бытность его наследником. Именно в этот период у человека закладываются стереотипы поведения, формируется характер, складываются отношения с членами собственной семьи, весь быт которой подчинен иерархии и придворному этикету. Уже в то время у будущего императора мог определиться круг более или менее близких доверенных лиц, которые в дальнейшем могли занимать особое положение при дворе императора. И в зависимости от личностных качеств монарха они могли / не могли влиять на его решения, его политику, на те или иные взгляды императора. Можно утверждать, что стереотипы, сложившиеся в детстве, затем во многом определяли политическую деятельность монарха. Поэтому значительно большее внимание следует уделять этому аспекту при рассмотрении политической (государственной) деятельности монарха вообще, и монархов в России в XIX – начале XX вв., в частности. Изучение объективных процессов, протекавших в Российской империи с конца XVIII в., должно быть дополнено изучением субъективного, личностного начала.

При рассмотрении проблемы следует учитывать, что за XIX — начало XX вв. на российском престоле сменилось 6 императоров. 5 апреля 1797 г. при Павле I увидело свет «Учреждение об Императорской фами-

лии». Павел I руководствовался принципом «утверждения же непрерывных правил в наследовании престола, почтенно быть должно превыше всего», а залогом стабильности государства он считал «умножение императорского дома» [1. С. 258]. Это первое в истории России законоположение такого рода, именно с этого момента императорскую фамилию можно считать оформившимся своеобразным институтом, рассматривать ее как нечто единое.

При императоре Павле I императорская фамилия едва насчитывала полтора десятка человек. Со временем численность ее увеличивалась: в 1855 г. – 28 человек, в 1881 – 43, в 1894 – 46, в начале марта 1917 г. – 59 [2. С. 14].

Когда во второй половине XIX в. семья разрослась до нескольких десятков человек, Александр III решил ограничить число великих князей. Один из авторов нового «Учреждения об императорской фамилии» государственный секретарь А.А. Половцов в записке, поданной императору, писал, что «в теперешнем составе императорской фамилии имеется достаточный залог для непрерывного преемства в замещении престола» [3. С. 15]. По именному указу от 24 января 1885 г. титулы великих князей и княжон перестали распространяться на правнуков и праправнуков царей. 2 июля 1886 г. были внесены некоторые изменения в «Учреждение об императорской фамилии»: титул «великий князь» полагался теперь лишь сыновьям, дочерям и внукам императора в прямом мужском потомстве.

При разработке Основных государственных законов, утвержденных Николаем II 23 апреля 1906 г., в статус императорской фамилии были внесены некоторые коррективы: согласно ст. 125, изменения в раздел, посвященный устройству императорской фамилии (ст. 125–223), могли быть внесены только лично императором, если они «не затрагивают законов общих и не вызывают нового из казны расхода» [4. С. 27]. Государственная дума и Государственный совет не имели права обсуждать денежные выплаты, проводимые согласно «Учреждению об императорской фамилии». То же относилось ко всем другим расходам Министерства императорского двора, если они не превышали ассигнований по государственной росписи на 1906 г.

на момент вступления императора Николая II на престол императорский дом насчитывал 22 великих князя, 11 великих княгинь, 9 князей императорской крови, 1 княгиня императорской крови, 1 княжна императорской крови, а также вдовствующая императрица Мария Федоровна, молодая супруга императора и сам монарх. На ступеньку ниже членов Императорского дома стояли пятеро князей Романовских: два сына, дочь и две сестры князя Георгия Максимилиановича Романовского, герцога

Лейхтенбегрского. По нашим подсчетам, в начале марта 1917 г. лиц, принадлежавших к императорскому дому, было уже 59 человек. Члены императорского дома считались в отношении императора подданными, но в то же время они находились в сравнении с остальными подданными в особом, привилегированном положении. Это обусловлено тем, что у представителей императорской фамилии была возможность регулярно общаться с монархом и в рабочей, и в семейной, интимной обстановке. Разрастание императорской фамилии имело и свои последствия. Становился шире круг лиц, которых следовало содержать, вместе с этим расширялся круг советчиков и просителей, желательным было поддержание со всеми хороших взаимоотношений, также приходилось решать чисто семейные вопросы и неурядицы, которые порой имели государственное значение и общественный резонанс.

Важными видятся и другие аспекты проблемы. Нельзя не обратить внимания на то, при каких обстоятельствах осуществлялась передача власти новому императору. Передача императорской власти наследнику престола могла быть осуществлена в результате кончины царствовавшего монарха (Александр I, Николай I, Александр III), насильственного умерщвления императора (Павел I, Александр II) или в результате государственного переворота. Момент вступления на престол наследника имеет большое значение. С этого первого шага начиналась для монарха его нооольшое значение. С этого первого шага начиналась для монарха его новая жизнь в качестве главы государства, главы большого императорского семейства. В обществе же смена монарха всегда ассоциировалась с переменами и новыми надеждами подданных. Для нового монарха это время — начало становления его как правителя. Для исследователя важно проследить, насколько сплоченной могла быть императорская фамилия при восшествии на престол нового монарха; оказывалась ли при этом поддержка с их стороны; было ли это беспрекословное повиновение или поддержка с их стороны; было ли это беспрекословное повиновение или оппозиционно настроенные лица, группы лиц. Насколько расходились взгляды членов императорского дома на происходящие изменения в стране и семействе в связи со сменой правителя. Если брать ситуацию 1894 г., когда вследствие кончины Александра III российский престол перешел к его старшему сыну Николаю, то мы сталкиваемся с ситуацией, когда в добром здравии находились дяди молодого монарха, имеющие достаточный жизненный опыт и опыт в делах государственного управления. Интересно было бы посмотреть, насколько они были едины во взглядах между собой, и с какой интенсивностью пытались воздействовать на императора вать на императора.

Возможна ситуация, подобная сложившейся в ходе войны 1812 г., когда в оппозиции к императору Александру I находилась вся император-

ская фамилия. И то, как в таких условиях осуществлялось управление страной, нужно учитывать. Эти аспекты важны при рассмотрении вопроса о взаимоотношениях между императором и представителями императорской фамилии, в частности, и политической деятельности конкретного монарха, в целом. Необходимо обратить внимание на то, насколько авторитетной была фигура императора среди представителей императорского дома на всем протяжении периода царствования того или иного российского монарха XIX – начала XX вв.

В русле рассматриваемой проблемы также может находиться вопрос преемственности и новаторства в области внешней и внутренней политики, образования, культуры и других сферах.

При восшествии на престол император получал помимо обязанностей главы государства обязанность главы семейства. Для исследователя вопросы, насколько справлялись российские императоры XIX — начала XX вв. с новыми для них обязанностями главы императорского дома, и насколько члены императорского дома соблюдали установленный порядок отношений, отмеченный в «Учреждении об Императорской фамилии», становятся принципиальными. Важно понять также, менялся ли авторитет императора среди представителей императорского дома на протяжении всего периода царствования; увеличивалось или уменьшалось число сторонников монаршей (государственной) политики. Нужно иметь в виду, что многие из них занимали различные государственные должности. Например, в царствование последнего российского императора многие из членов императорской фамилии были привлечены к управлению. Среди занимаемых ими должностей можно отметить должности московского генерал-губернатора, адмирала, генерал-адмирала, Верховного главнокомандующего, полевого генерал-инспектора военновоздушного флота, главы Императорской Академии Художеств, главы Императорской Академии Художеств, главы Императорской Академии Наук, главного начальника военно-учебных заведений и другие. Перечень может быть очень большим, поскольку членам императорской фамилии разрешалось одновременно занимать несколько постов.

К принципиально важным аспектам отнесем выяснение степени влияния членов семейства на принимаемые императором решения государственного значения. Несмотря на важность занимаемых ими постов, необходимо учитывать степень их компетентности в вопросах государственной политики, полученное ими образование и те условия, при которых указанные должности были достигнуты представителями императорского дома (учитывая заслуги; в силу происхождения; ввиду полученного специального образования и жизненного опыта и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

- Монархи Европы: судьбы династий. М., 1996.
 Устройство государства Российского. Л., 1991.
 Кузъмин Ю.А. Российская императорская фамилия, 1797–1917. СПб., 2005.
 Свод Основных Государственных законов. СПб., 1906.

А.А. Стороженко

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА И ЕЕ МЕСТО В САМОСОЗНАНИИ КРЕСТЬЯНСТВА

Анализируются роль и место сельской общины, которая рассматривается как основной тип русской социальности на протяжении многих веков.

Дискуссии об общине в мировой исторической науке продолжаются. М.А. Барг справедливо отмечал, что вокруг этой проблемы вновь поднимаются, казалось бы, решенные вопросы: «Чем является сельская община, исторически засвидетельствованная в средние века, на огромном пространстве от Индии до Ирландии – новообразованием или преобразованием более древних (изначальных) форм? Каковы факторы интеграции и дезинтеграции общины?» [1. С. 2].

В предшествующий исторический период община — марка есть учреждение, практически общее для всех стран Западной Европы. Ее структура: аллод — земельная парцелла, находящаяся в собственности малой семьи, плюс альменда — общинные угодья, то есть леса, выгоны, воды, составляющие общее владение всех аллодистов, членов марки. В отличие от общины азиатского типа «марка» не была субъектом собственности на поля ее членов, а представляла собой соседство, коллектив частных собственников.

Со временем появилось трехполье, вызвав к жизни коллективное регулирование сельскохозяйственного производства и систему «открытых полей». Суть этой системы в следующем: открытое поле делилось на коны (в зависимости от качества почвы), каждому общиннику принадлежали различные полосы в каждом коне, возникшая в результате чересполосица была по необходимости сопряжена с принудительным севооборотом: все эти мельчайшие полосы земли объединялись в единое неогороженное («открытое») поле. Между моментом жатвы и моментом сева «открытое поле» становилось местом выпаса, куда все без различия владельцы выгоняли свой скот. Первое упоминание о трехполье (о деление полей на коны) относится к VII в., а к XI в. оно уже распространено повсеместно. В рамках этой системы «каждый общинник был связан в своей хозяйственной деятельности распорядками всей общины: обрабатывая отдельные полосы, входившие в его полу, он обязан был считаться с интересами соседей и производить распашку и засев полос в каждом поле в определенные сроки, то есть весной под яровое, осенью - под озимое, и на некоторое время оставлять их под паром» [2. С. 207].

С этой системой неразрывно связаны и сервитуты — права пользования чужой земельной собственностью в силу взаимной хозяйственной зависимости собственников: право прогона скота на водопой, прохода и проезда через чужой участок, право лодочного перевоза через чужой водоем и многое другое. В это время община приобретает классическую структуру западноевропейской марки. Общинник мог распоряжаться всеми составными частями индивидуального надела — полосы в различных конах, огороды, сады — которые в совокупности по-прежнему составляли аллод, вплоть до права полного отчуждения. Сезонное коллективное пользование «открытым полем» не уничтожило парцеллы, оставшиеся в частной собственности так же, как и продукт с них. Марка такого типа — не рудимент первобытной архаики, она возникла в XII—XIII вв. [2. С. 250].

Русская община этого времени в принципе как будто точно такая же. Сходство объясняется «не заимствованием и не случайным совпадением, а одинаковым развитием под действием одинаковых условий и отчасти арийским родством русского права с германским» [3. С. 123]. Особенно развитым было право частной собственности на землю в новгородских землях. Продажа, заклад, мена и прочие сделки относительно земли заключались новгородскими крестьянами без какого-либо контроля или вмешательства государственной администрации, по крайней мере, до присоединения новгородских земель к Московскому государству в XVI в. [4. С. 350]. Даже в послеопричные времена Судебник 1589 г. фиксировал на всей Руси собственность черносошных крестьян на землю с правом передачи по наследству и продажи с согласия родственников [5. С. 178].

Именно это ограничение частной собственности правами родичей, общины, а позже – государства, свидетельствует, что на Руси XIV—XVII вв. мы имели первоначальный, еще недостаточно развитый тип аллодиального владения. Но при всем сходстве русская община и западная «марка» одного времени – генетически разные явления. Во всяком случае, на один и тот же исторический вызов они дали диаметрально противоположные ответы. Хронологически переломные моменты в развитии Запада и России не совпадают, поскольку Россия позже проходила те же стадии развития. Но суть вызова одна: земельная теснота, которая порождает дифференциацию крестьянства по размерам земельной собственности, вызывает к жизни ускоренную пауперизацию малоземельных и безземельных крестьян.

Во Франции такой перелом в состоянии деревни произошел на рубеже XIII–XIV вв., в России – в середине XVIII в. Как же реагировало кресть-

янство обеих стран на это явление? Франция: «... разрыв в земельной обеспеченности и объем имущества бывал пятнадцати и двадцатикратным, а доля крестьянства, не способного обеспечить себя средствами к жизни за счет земельного держания, достигала подчас двух третей населения» [2. С. 255]. Что же предприняли бедняки? «Чтобы свести концы с концами, малоземельные крестьяне были вынуждены подрабатывать, либо нанимались батраками, пастухами или поземщиками к «пахарям», крупным арендаторам или сеньорам, либо приарендовывать у них земном [2. С. 270] лю» [2. С. 270].

лю» [2. С. 270].

Частная собственность, закрепленная в римском праве, выдержала удар земельной тесноты. Что же мы видим в середине XVII в. на берегах Оки и Волги? Ту же самую земельную тесноту. А реакция на нее? Земельные переделы даже в Сибири, не знавшей помещичьего землевладения, земельная теснота на несколько столетий позже, чем в центре России, привела к тому же: постепенное, незаметное для глаза «ползучее» ограничение частной собственности на землю. Сначала ограничивается право распоряжения землей, затем — отрезки земли от одного собственника в пользу другого. Давление малоземельных крестьян на своих имущих собратьев идет по линии морализующей проповеди социальной справедливости. «Во всех этих случаях фигурируют два мотива: с одной стороны особенно острая нужла в ланном участке за невозможностью справедливости. «Во всех этих случаях фигурируют два мотива: с одной стороны, особенно острая нужда в данном участке за невозможностью найти подходящий свободный участок для того, кому отводят, и с другой – сравнительная ненужность этого участка фактическому его владельцу» [6. С. 75]. Это ключевой момент для понимания того, почему на Руси произошел переход от неограниченной собственности к собственности, ограниченной властью «мира» [3. С. 273]. Это происходило в Сибири в конце XIX в. Между прочим, одного этого факта достаточно, чтобири в конце XIX в. Между прочим, одного этого факта достаточно, что-бы опровергнуть красивую легенду о том, что наши сибиряки почти пол-ный аналог американских фермеров-пионеров и что если бы не гнет ца-ризма и не последующая коллективизация, то шла бы Русь по американ-скому пути развития капитализма. Невозможно себе представить уравни-тельные переделы между американскими фермерами. Происходившие сто лет назад в Сибири переделы дают модель того, что происходило 400—500 лет назад в Центральной России: на наступле-ние земельной тесноты русская деревня ответила не классовой диффе-ренциацией и не выделением сельских наемных работников, а уравни-

ренциацией и не выделением сельских наемных расотников, а уравнительными переделами. Делить поровну, в соответствии с образом Святой Руси — напряженное религиозное переживание. Земля в глазах русского крестьянина — Божья. Она не принадлежит никому, не может быть ничьей собственностью. Но в то же время она пребывает в пользовании любо-

го, кто поселится на ней и обрабатывает ее. Право на землю появляется, если в нее вложен труд. Ценность труда в крестьянском сознании превосходит ценность земли. То, что сделал человек — его собственность, то, что дала земля без участия человека, — ничье. Урожай, продукты промыслов неприкосновенны, но траву на чужой земле можно скосить, ведь она выросла сама. Труд рассматривался как сакральный процесс. Деятельность на земле дает крестьянину особый статус — землепашца, определенное положение в мире, трудовая деятельность для русского человека никогда не индивидуальна.

Сельскохозяйственные работы сопровождались определенными обрядами. Так, например, в Зауралье на всем протяжении XIX в. существовали так называемые «помочи». «Помочи» бывали к различным полевым работам: «жнитве», распашке и пр., если кто хотел поскорее управиться, или у кого не было скота, или рабочих рук. Однако к ним прибегали и в другое время и для других целей – заготовки леса, вывозке его, возведении жилого дома, починки строений. На большую «помочь» (например, жать хлеб) к одному хозяину собиралось до 100 человек и более. И характерным, но не обязательным признаком «помочей» являлось проведение их в праздники и воскресные дни [7. С. 89].

Н.А. Абрамов описывал «помочи» следующим образом: «Ялуторовские крестьяне в летнее время по возможности разделяют между собой труды одни других, когда вдруг поспевают хлеба и снятие его требуется скоро, чтобы зерно не осыпалось, то особенно малосемейные зажиточные крестьяне делают так называемые «помочи», связывают с деревни крестьян с женами, а в особенности молодых парней и девиц человек по двадцать и более, которые вдруг в один день сжинают много хлеба. После этого, вечером, помочане приезжают в дом хозяина и угощаются: мужчины и часто женщины вином, пивом и хлебом-солью, то есть разными яствами, а затем молодцы и девицы начинают пляски, продолжающиеся до самого утра. Такие «помочи» бывают круговые, сегодня у одного, на другое время у других и хлеб своевременно снимается с пашни» [8].

Разновидностями «помочей» являлись капустки, колотухи и супрядки. Капустки устраивались для рубки капусты, копотухи — для мытья льна, супрядки — для прядения. На капустки женщины и девицы созывались в середине сентября для того, чтобы помочь хозяевам быстро управиться с заготовкой квашеной капусты на зиму. Приготовление капусты как окончательной полевой и огородной работы было сопряжено с удовольствием у молодежи: «с капусток начинались сельские вечеринки. Как бы не велико было количество кочанов, к 7—8 часам вечера капуста была изрублена, искрошена, нашинкована, а нередко и спущена совсем готовая в

погребные ямы. Затем начинались под звуки балалаек и гармоний пляска и игры, продолжающиеся до утра. Обед и ужин для всего народа бывал обильный и роскошный» [9. С. 79].

В октябре – ноябре в зауральских деревнях устраивались копотухи – на них собирались для первичной обработки льна. «После Покрова, как уже значит поуправятся, принимаются куделю чесать. Девки собираются по баням с куделькой, если в одной тесно, то и другую истопят, ну и чешут, песни поют. Другой раз ребята соберутся, шутят. Как девки урок кончают, сделают что-нибудь поесть послаще. Самовар поставят, чай пьют, а самовара нету – чугунку вскипятят» [8].

Наиболее многочисленными были супрядки, они устраивались для прядения льна. Если для капусток приглашали только знакомых и в небольшом числе, потому что там не требовалось много рук, то для супрядок число «помочанок» достигало иногда до пятидесяти. Хозяйка раздавала супрядницам сырье для прядения. О назначении супрядки извещала накануне или по утру в один из осенних дней (чаще на святки). К вечеру все супрядницы «в лучших нарядах своих являлись с готовой пряжей нитками» и устраивалось угощение с песнями и плясками [9. С. 81]. Так как основным занятием крестьян Зауралья было земледелие, то и земледельческих обрядов, приуроченных к работам крестьянина, было множество, их принято считать календарными. Выше описанные «помочи» являются одними из них.

Крестьянин осознавал себя членом русского общества не как индивид, а как член конкретной общины, конкретного «мира». «Мир» — это автономная самодостаточная целостность. С правовой точки зрения — это административная единица, с церковной — канонический приход, с точки зрения имущественного права — «мир», поскольку он распоряжался землей, был поземельной общиной. В документах сельских и волостных правлений часто встречается «мир» — правотворческий и управленческий орган общины.

Отличительная черта именно русской общины — ее центральное место в самосознании подавляющего числа членов русского общества. В России человек принадлежал «миру», а «мир» — ему. Таким образом, общину можно рассматривать как основной тип русской социальности. Община — это очень гибкий организм, способный менять свои внешние формы и приспосабливаться к различным условиям жизнедеятельности.

ЛИТЕРАТУРА

 Барг М.А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиевистики. М., 1987.

- 2. История крестьянства в Европе, Т. 1. М., 1986.
- 3. Павлов-Сильванский П.Е. Феодализм в Древней Руси. М., 1997.
- Данилова Л.Е. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV-XV вв. М., 1955.
- 5. Законодательные акты Русского государства в XVI-XVII вв. Л., 1986.
- 6. Кочаровский К.Р. Русская община, Т. 1. М., 1906.
- Миненко Н.А. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVII первой половине XIX вв. Новосибирск, 1989.
- 8. Тобольские губернские ведомости. 1964. № 27.
- Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (конец XVIII первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1975.

И.В. Белоконь

А.Н. КУРОПАТКИН И ЕГО РОЛЬ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ОСВОЕНИИ ЗАКАСПИЙСКОЙ ОБЛАСТИ (1890—1898 гг.)

Рассматривается деятельность А.Н. Куропаткина в качестве начальника Закаспийской области и его роль в хозяйственном освоении края в 1890–1898 гг.

В 1867 г. на карте Российской империи появилось новое административное образование - Туркестанское генерал-губернаторство. Как отмечали с очевидной тревогой западные политические наблюдатели, уже «в первую половину семидесятых годов Россия сделала решительный шаг вперед в сердце Средней Азии и частью присоединила, частью подчинила себе силой значительные пространства» [1. С. 27]. Поступательное движение Российской империи в азиатские пределы продолжалось и далее, поглощая новые пространства и создавая новую периферию. В мае 1881 г. из Закаспийского военного отдела и вновь занятых земель в Ахалтекинском оазисе была образована Закаспийская область, состоявщая из пяти уездов: Мангышлакского, Красноводского, Асхабадского, Тедженского и Мервского. Уезды, в свою очередь, делились на приставства. Каждый уезд обладал своей спецификой в силу географического расположения, экономической специализации и природно-климатических условий. В связи с индивидуальными особенностями каждого уезда предпринимались шаги для развития всех сфер жизнедеятельности. «Однако общим для всех национальных окраин оставалась концентрация властных полномочий в руках центра и лишь дозированное делегирование части этих полномочий местным органам» - справедливо отметила И.Л. Дамешек [2. С. 157].

Южные окраины империи не стали исключением. При формировании органов самоуправления и суда учитывались местные особенности, а традиция поклонения сильной власти ханов и беков послужила фундаментом для установления военно-народного управления. Краем управляла власть военная и действовала по особому специальному положению. Начальники уездов исполняли административную и судебную функции, нередко возглавляли военные формирования. Кроме того, они контролировали, а иногда и председательствовали при разборе судебных дел туземными судьями. Нижние чины, как полицейские, так и административные, народные судьи избирались из местного населения. В одном из приказов по народному управлению от 1 января 1892 г. по Мервскому уезду наглядно отражено ведение судебного производства, устроенного согласно обычаям населения. Отправление суда велось гласно, быстро и

авторитетно. Дела, подлежащие суду по законам империи, разбирались в большинстве случаев помощником уездного начальника. По каждому делу в уездном управлении особая переписка [3. Л. 27]. Сосредоточение всех ветвей власти в одних руках было обусловлено необходимостью создания за короткий промежуток времени нового государственного режима в среднеазиатских городах-ханствах. Учитывая геополитическое положение Закаспийского края, граничившего с Персией, начальник области наделялся более широкими властными полномочиями, чем какойлибо губернатор внутренней губернии России.

Освоение Закаспийской области приобрело ускоренные темпы развития именно в период с 1890 по 1898 г., когда на должности ее начальника находился Алексей Николаевич Куропаткин. А.Н. Куропаткину (будущему военному министру России) довелось не только быть участником походов в Среднюю Азию во времена ее присоединения к России, но и непосредственно самому руководить обустройством края. В 1890 г. он был назначен на должность начальника Закаспийской области и исполнял свои полномочия до 1898 г. Ему приходилось играть роль администратора и хозяйственника, нести бремя ответственности за внешнеполитические шаги империи в районе азиатской границы России. О своем опыте управления азиатской окраиной А.Н. Куропаткин позднее рассказал в фундаментальном труде «Задачи русской армии» (СПб., 1910).

О том, насколько широк был круг деятельности начальника Закаспийской области, можно судить по материалам, которые представлены в различных отчетах: о деятельности Военного министерства в азиатских округах, по Туркестанскому генерал-губернаторству, начальника Закаспийской области за разные годы. В работе «Задачи русской армии» А.Н. Куропаткин писал о преодолении трудностей на различных этапах освоения края. «Туркестанское население, после завоевания его в 1881 г. осело прочнее на земле и к скотоводству прибавило земледелие и посевы ячменя, а также бахчи. Пшеницы не хватало. С большим трудом, частью насильственными мерами, я ввел среди туркменского населения посевы хлопка (выписал инструкторов из Туркестана, выписал вагонами семена, приказал в каждом ауле отделить часть воды для обязательного посева хлопка). Через четыре года дело это пошло так хорошо, что в хлебе население перестало нуждаться, покупая его за деньги, вырученные с хлопка» [4. С. 337]. Много усилий прилагалось к тому, чтобы после военных действий жизнь входила в мирное русло. Показателем активной культуртрегерской деятельности по включению азиатских окраин в общегосударственную хозяйственную систему стало участие Закаспийского края в

среднеазиатской выставке, которая проходила в Москве в 1891 г., и полученные различные награды.

В целях повышения доходности края А.Н. Куропаткин принимал меры, направленные на обустройство быта местных народов и его усовершенствование. Коренные жители, ведущие оседлый образ жизни, в отличие от кочевых племен, рассматривались как более стабильный источник налоговых и таможенных поступлений в российскую казну. Поэтому проблема седентаризации последних стало важнейшим компонентом имперской политики в центрально-азиатском регионе.

В качестве примера рассмотрим план обустройства Красноводского уезда, расположенного на берегу Каспийского моря. В нем рельефно обозначены все сферы, требующие наибольшего внимания со стороны местной администрации. Здесь существовала потребность развития запашного земледелия на правом берегу р. Атрек, так как нужно было освободить туркмен-иомудов от необходимости откочевывать в район Гюргеня на время зимовки. Передвижение кочевников влияло на сохранение численности населения и поступление налогов в российскую казну. Нужно было усовершенствовать пристань для улучшения товарооборота, организовать защиту интересов рыбаков от жесткой эксплуатации держателей ватаг (артелей). Насущной была проблема открытия лавки, где по сходной цене можно было бы приобрести недорогой инвентарь для оснастки рыболовных судов. Необходимо было наладить сбор информации о порядке перекочевок племен по временам года, о распределении районов среди кочевников, собрать данные о количестве скота, выяснить, нужен ли народный суд, уточнить информацию об организации аульных обществ у кочевников, принять меры к упорядочению расселения жителей в аулах, во избежание скученности. А.Н. Куропаткин настаивал на проведении работы, ориентированной на «привлечение на Красноводское побережье русских рыбаков и рыбопромышленников» [3. Л. 47]. Для каждого уезда разрабатывался свой комплекс мер экономических мер. При их составлении учитывались все факторы. При сопоставлении перспективных планов трех уездов области очевидно, сколь разнопрофильными они являлись, насколько обширной была территория, подлежащая обустройству. Важно было грамотно отнестись к подготовке программ освоения Закаспийской области. А.Н. Куропаткин с присущим ему рациональным отношением к административно-хозяйственным делам смог предусмотреть многие направления в реализации социально-экономического комплекса задач.

Военное обеспечение присутствия русской администрации в регионе являлось неотъемлемой частью освоения общирных среднеазиатских окраин. Контроль за боеготовностью войск осуществлялся начальником

области. А.Н. Куропаткин лично инспектировал войска, расположенные в Закаспийской области по следующим направлениям: строевое образование, наличие и состояние обмундирования и снаряжения, обозов и лошадей, готовность помещений различного назначения. Производилась проверка документов, включая ротные и батальонные. Инспекции подлежала финансовая деятельность воинских подразделений, оценивалось состояние походного палаточного лагеря. По итогам проверки 1892 г. военным начальникам была вынесена благодарность.

Помимо всего, А.Н. Куропаткиным заботился о развитии мелкотоварного производства в Закаспийском крае. Он не без основания считал, что «в Туркестане надо помочь мелкому производителю изобретением простого, дешевого типа хлопкоочистительных аппаратов. Необходимо также изобрести приборы для выделки возможно дешевым способом шелковой пряжи» [4. С. 330]. Развитие сети дорог и инфраструктуры требовали больших затрат. Как опытный администратор, А.Н. Куропаткин использовал каждую возможность для повышения экономической эффективности края, в частности, за счет привлечения к общественным работам. А.Н. Куропаткин делился воспоминаниями: «в Закаспийском крае я прибегал в течение восьми лет к следующей мере: время от времени, при содействии войск окружался город Асхабад и производился тщательный осмотр всяких притонов, караван-сараев, трактиров и пр. Каждый раз несколько сот, а иногда и свыше тысячи человек, оказывались не имеющими права жительства в области: то были беспаспортные кавказские бродяги, персидско-подданные бродяги, их арестовывали и затем под охраною направляли в горы на постройку дорог; хорошо работавшим один месяц начинали выдавать небольшую плату, хорошо работавшим несколько месяцев давали право жительства в области; всех пытавшихся бежать охрана из туркмен и казаков имела право убивать. Этим способом несколько тысяч верст дорог в горах Копет-дага до высоты 7000 футов было проложено с весьма небольшим расходом» [4. С. 334]. Подобные меры способствовали не только экономическому процветанию области, но и дисциплинировали население, противодействовали антисоциальным явлениям.

Одной из главных задач управления новой областью, помимо ее административного устройства, стало ее хозяйственное освоение и русская колонизация. А.Н. Куропаткин прогнозировал, что «мусульманское население Средней Азии рано или поздно сделает попытку сбросить господство русского племени. В росте и укреплении, в настоящее время, мусульманства в Средней Азии и в малом приросте русского населения кроется слабая сторона нашего положения» [4. С. 121]. Но, даже не при-

нимая во внимание стратегические цели сохранение влияния России в Азии, переселенческое движение из России на периферию стимулировалось нехваткой свободной земли в центральных районах метрополии. Дополнительные территории, пусть даже в иной географической среде, были весьма востребованы. Об этом свидетельствуют и архивные материалы. В отчете о деятельности военного министерства в азиатских округах приводится ссылка на причины переселенческого процесса «в заключении остается бросить взгляд на колонизационное дело в Туркестане, развитие которого, пока лишь и может служить мерилом степени прочного закрепления приобретенной окраины за Россией. Главными побудительными причинами переселения крестьян являются, как известно, с одной стороны истощение почвы, обусловливающее понижение урожайности, а с другой ограниченность культурных угодий в крестьянском хозяйстве вообще усложнение экономических отношений между крупными и мелкими землевладельцами. Вследствие этого и движение переселенцев направляется в ту сторону, где по слухам и земли много и урожаи надежнее, чем на родине» [5. Л. 28]. Даже из названия архивных дел можно получить представление о миграционных процессах, на азиатском направлении: «О проекте соглашения с эмиром бухарским относительно приобретения русскими подданными земельных участков в Бухарском ханстве» [6]; «По представлению Туркестанского генерал-губернатора о принятии в русское подданство иностранцев из азиатцев» [7]; «Донесение Туркестанского генерал-губернатора о лицах, принятых в русское подданство» [8].

Число переселенцев из России продолжало расти: за два года с 1890 по 1891 г. в Асхабадском уезде русское население увеличилось с 60 до 400 человек. Предпринимались меры различного характера, направленные на развитие и процветание русских селений, производилась хозяйственная съемка Гермаб-Кулкулабской котловины и Фирюзинской долины, на основе которой был составлен план нарезки новым поселенцам подворных участков и наделов. В пользование общины отводились поливные земли, пастбища и земли в горных районах, расчищались родники. Согласно Высочайшему соизволению, всем переселенцам предоставлялись льготы, и выдавалось пособие на водворение в размере 100 рублей на одну семью. Кроме того, пособия выдавались зерном для проведения сева и употребления в пищу. Для строительных работ новоселам был отпущен на льготных условиях «лесной материал - старые телеграфные столбы и шпалы – и разрешена вырубка части леса. Выданы небольшие пособия на посадку деревьев, на устроительство мельниц, на устройство лавки в Гермабе, на покупку небольшой партии овец. Дано небольшое

пособие на устройство в Гермабе молитвенного дома. Открыты в Козельном и Гермабе школы грамотности» [3. Л. 39]. Условия, считал А.Н. Куропаткин, для развития экономики края были благоприятными. Природно-климатические условия позволяли продуктивно заниматься такими отраслями, как птицеводство, садоводство, молочное производство, огородничество, сбор орехов. Положительную роль в обустройстве края играли дороги, соединяющие Закаспийскую область с Персией. По ним продукция российских производителей попадала на рынки в Персию в обмен на зерно, шерсть и другие необходимые товары. Таким образом, возрос приграничный торговый обмен. Санитарные условия в области оценивались как удовлетворительные. Из-за обильно орошаемых земель в оазисах распространенной болезнью являлась лихорадка. В этой связи уездному врачу было поручено разработать инструкцию по профилактике этой болезни и распространить ее среди населения через старост. Кроме того, уездный врач должен был совершать объезды и давать больным лекарство.

Во всеподданнейшем секретном отчете об экономическом, политическом и территориальном положении Закаспийской области в 1893 г., особо отмечалось: «За четыре последних года, достигнут заметный успех по привлечению в Закаспийский край лиц русского происхождения...» [9. Л. 86]. Однако переселение русских на южные окраины империи порою принимало бессистемный характер. О стремлении упорядочить расселение русских переселенцев свидетельствует документ, где говорится, «что окончательное введение в действие поземельного устройства на началах Положения 1886 г. об управлении Туркестанским краем прекратит захваты земель казенных, и новые оседлости русских поселенцев будут возникать лишь на участках этих земель, вновь орошаемых по надлежащим правилам» [10. Л. 17]. Земли бежавших беков отдавались новым хозяевам и пускались в сельскохозяйственный оборот. В интересах населения охранялась торговля на базарах и ярмарках. Для русских поселенцев создавались все условия для комфортного проживания в Закаспийской области. А.Н. Куропаткиным было дано указание «...принять меры, дабы русские люди, вдали от своей родины и церкви, нашли здесь не только материальную, но и духовную поддержку» [3. Л. 40]. Процесс заселения новых административно-территориальных образований всячески поощрялся и поддерживался русскими властями на местах и из Петербурга.

По оценке А.Н. Куропаткина, с присоединением Закаспийской области российская империя приобрела территорию более чем 500 000 кв. км с населением свыше 323 000 чел. Появились новые территории для колонизации, следовательно, возможность улучшения благосостояния для

неимущих слоев населения России, а также снизить затраты на содержание имперских окраин. Усилился авторитет империи, получившей статус могущественной колониальной державы. Реализация колониальной политики России на Востоке зависела не только от решений, принимаемых Петербургом, но и от действий местных администраторов, одним из которых являлся А.Н. Куропаткин. Подход к осуществлению имперских задач определялся их личной интерпретацией геополитических характеристик региона, применением колониального опыта других стран и инициативой во внешнеполитических, административных и экономических вопросах, в рамках подчиненной им местности.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Вартенбург Й. Успехи России в Азии. Варшава. 1900.
- Дамешек И.Л. Роль этнического и природно-географического факторов в окраинной политике Российской империи // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск. 2005.
- 3. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1623.
- 4. Куропаткин А.Н. Задачи русской армии. СПб., 1910. Т. 3.
- РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1480.
- 6. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1233.
- 7. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1241.
- 8. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1462.
- 9. РНБ. Отдел рукописей. Ф. 244. (И.Д. Делянов). Оп. 1. Д. 39.
- 10. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1815.

УДК 24/25

3.Н. Берковская

ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕР МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОМСКОЙ ЕПАРХИИ В ПЕРИОД ЕЁ СТАНОВЛЕНИЯ

Вскрыты основные направления деятельности Омской епархии в конце XIX – начале XX вв.

Российская империя конца XIX — начала XX в. являлась полиэтническим и полинациональным государством, где средством интеграции народонаселения выступала Русская православная церковь в соответствии со статусом православия как официальной религии. Миссионерство — одна из форм деятельности православной церкви, направленной на привлечение к православию «инородцев», пропаганду православного вероучения среди «отпавших» от православия в силу исторических причин «диссидентов» церкви, старообрядцев и сектантов, а также среди представителей других «инославных» конфессий: католиков и протестантов. Уникальность Омской епархии в том, что на её территории были представлены практически все перечисленные выше группы. Это связано с особенностями процесса освоения края, население которого, формировалось за счет ссыльных и переселенцев, представлявших различные регионы Российской империи.

Состав епархии был разрознен как по своим природно-климатическим, географическим условиям, так и по светско-административному делению, что создавало определённые сложности в её управлении. Освоение новых территорий нередко приводило к тому, что вновь образовавшийся посёлок находился в нескольких десятков верст от старожильческих приходов и церквей, а «расстояние до церкви в 5-6 верст для переселенцев считалось нежелательным...» [1]. Между некоторыми поселками существовали природные препятствия: реки, болота, горы. С ростом поселков увеличивалось количество приходов и церквей. Несмотря на высокие темпы роста структурных единиц епархии на всех уровнях (за первое десятилетие её существования количество приходов и церквей увеличилось вдвое), рост приходов отставал от темпов роста паствы и не соответствовал реальным потребностям. К тому же, вновь открытые приходы нуждались в обустройстве, а церкви в обеспечении их квалифицированным причтом. Анализ кадрового состава показал наличие постоянной текучести кадров, дефицита образованных квалифицированных лиц в епархии, что препятствовало эффективной организации управления. По уровню образования западносибирское духовенство было крайне разнородно. Менее половины процента от общего числа священно- и церковнослужителей имело высшее богословское образование. Круг духовных лиц с полным семинарским образованием был также невелик. Так, в Омской епархии в 1908 г. такое образование имело около 43% [2. Л. 21]. Образовательный уровень остальной части священно и церковнослужителей был весьма разнообразным: неоконченное среднее богословское образование, полный или неполный курс духовного училища, миссионерское катехизаторское училище, различные миссионерские или пастырские курсы, разнообразные светские учебные заведения. Наличие проблем образования служителей церкви в рассматриваемый период связано с недостаточностью духовных учебных заведений. Духовные семинарии действовали только в двух епархиях — Тобольской и Томской. В Омской епархии действовали Ишимское духовное училище и епархиальное женское училище. Предполагалось открытие духовной семинарии, но оно не состоялось в результате первой мировой войны.

заведения. Наличие проблем образования служителей церкви в рассматриваемый период связано с недостаточностью духовных учебных заведений. Духовные семинарии действовали только в двух епархиях — Тобольской и Томской. В Омской епархии действовали Ишимское духовное училище и епархиальное женское училище. Предполагалось открытие духовной семинарии, но оно не состоялось в результате первой мировой войны.

С появлением переселенцев связанно возникновение раскола и различных сект в пределах Омского Прииртышья, которые были представлены широким спектром религиозных направлений и верований. Кроме того, излишняя централизация и ограниченность финансовых возможностей церкви прегитствовали быстрому решению насущных вопросов епархиальной жизни. Распространением православного вероучения среди «иноверцев» и язычников занималось учреждённое в 1869 г. в Москве Православное миссионерское общество, которое осуществляло общее руководство миссионерской деятельностью в епархии. Миссионерскую деятельность в Омской епархии осуществляли комитет Православного миссионерской миссии. Синод, как высший орган духовной власти, разрабатывал правила, положения и уставы миссионерских организаций, проводил миссионерский обратонам и уставы миссионерских организаций, проводил миссионерский ссезды, пропагандировал различные формы миссионерской деятельности. Особая роль принадлежала Всероссийским миссионерской деятельности церкви. По данным И. Голошубина, сектантство и раскол присутствовали в каждом уезде, особенно это было заметно в Омском, Токалинском и Павлодарском уездах [1]. Сектанты селились, главным образом, в близи железнодорожных станций, занимались скупкой и продажей хлеба, масла и зерна. В 1900 г. в приходах омских церквей их насчитывалось 243 человека. В Омском уезде проживало около 3,52 тыс. баптистов, молокан, штундо-баптистов, пашковцев. В Тюкалинском уезде насчитывалось 4,5 тыс. раскольников, а в Бухтарминском крае в деревне Богатырёва они составляли половину населения — 600 человек. Из 46 прихо-

дов Кокчетавского уезда половина были «заражены» расколом и сектантством. Эти неполные данные позволяют определить размах распространения сектантства и раскольничества в Омской епархии. Раскол представлял реальную угрозу православной церкви. В материальном отношении раскольники жили лучше своих соседей православных, в случае необходимости помогали друг другу, вели замкнутый образ жизни, своих детей воспитывали сами, если и отдавали в школу, то ограничивали их знания умением читать и писать. Только нужда и крайность заставляли их иметь дело не со своими единоверцами. Их влияние особо сказывается там, где они проживали большими поселениями или селились вместе с православными, сливаясь с ними в одно общество. В таких местах раскол действовал сплоченно, стоять на страже своих интересов. Анализ источников показывает ито но, стоял на страже своих интересов. Анализ источников показывает, что наибольшую опасность для православия представлял не столько раскол, сколько многочисленные секты баптистов (штундо, штундобаптизм, духоборство, молокане). Распространением своего учения занимались бродячие сектантские проповедники. Государство и церковь использовали как насильственные, карательные меры, так и меры убеждения, религиозно-нравственного просвещения. В 1900 г. была разработана программа отчет-

сильственные, карательные меры, так и меры уоеждения, религиознонравственного просвещения. В 1900 г. была разработана программа отчетных сведений о состоянии раскола и сектантства для приходских священников и миссионеров. Был принят ряд постановлений, ограничивающих
права сектантов и раскольников, в соответствии с которыми они лишались
права иметь религиозные собрания. Наиболее активные и опасные проповедники-сектанты привлекались к суду и ссылались. В разное время преобладали разные методы борьбы с расколом и сектантством.

Значительная часть Сибири была населена «киргизами». Для распространения православия среди них под управлением Миссионерского общества в 1881 г. была создана Киргизская миссия. Но начало её активной деятельности можно отнести к 1895 г., времени образования Омской епархии.
В составе миссии в 1897 г. насчитывалось 10 станов, в дальнейшем их количество менялось от семи до девяти. Состав миссии насчитывал 27 служащих. Они делились на три категории: 1. Управитель или начальник миссии в сане архимандрита и его помощник в сане иеромонаха; 2. Собственно
миссионеры, восемь человек, два дьякона; 3. Девять псаломщиков, пять
переводчиков и один фельдшер. Организация миссионерского дела требовала наличия в станах храмов, школ, миссионерских приютов. Наиболее
благополучно обстояли дела в Центральном стане, резиденции начальника
миссии, в котором имелось три храма, приют, миссионерская смешанная
школа, где обучались как крещеные, так и некрещеные дети. Жизнь Центрального стана протекала в миссионерско-моностырском ключе. В ведении миссии состояли шесть церквей и молитвенных домов, шесть училищ,

два приюта, три попечительства, несколько школ. Количественный состав миссии не соответствовал огромной территории, населению и тем задачам, которые стояли перед ней. Помимо исполнения причётнических обязанностей, миссионеры должны были регулярно совершать поездки с проповедью Слова Божьего по степным русским селеньям, где жили новокрещеные. Сложность работы миссионеров заключалась, главным образом, в том, что ислам, как составная часть культуры казахского населения прочно удерживал свои позиции. В этот период значительно активизировали свою деятельность проповедники ислама. В степи появляется много мулл из Бухары, Аравии и Казани. Как оценивает ситуацию на примере Буконского стана автор отчета по киргизской миссии за 1899 г. «Трудно и тяжело бороться с исламом и инакомыслием на громадном пространстве в 55 тыс. вёрст при наличии 95 тыс. мусульман с множеством аульных мулл и фанатичных татар из Казани... Если принять во внимание число аульных школ и мулл, имеющихся в каждом малочисленном аульном обществе обширных киргизских степей, то по человеческой немощи просто поражаешься при мысли: что может тут сделать единственный миссионер, живущий около какого-нибудь маленького общества новокрещенных...» [3]. Кроме того, сам образ жизни «киргиза» служил естественным препятствием для принятия им христианства. Кочевнику-скотоводу сложно было стать оседлым земледельцем. Страдает физиология новокрещенного, христианский пост не удобен для него. Он не воспринимает растительную пищу, от ржаного хлеба и твердой пищи болеет. Самым сложным для «киргиза» была не внешняя смена религии, а изменение его духовного уклада и быта.

Большой проблемой являлась «реабилитация» новокрещеных, то есть изменение их образа жизни. Для этого они должны были иметь свой участок земли, селиться отдельной группой с миссионером, храмом и школой. Практически это было невозможно. Приписываться к русским обществам новокрещенным было невыгодно, в результате чего, они должны были платить государству подати и земские сборы. Новокрещеные жили на положении разночинцев, поэтому не имели прав на общественные льготы. Заняться своим хозяйством по бедности они не могли, так как жили в нищете и были вынуждены наниматься в работники к казакам или крестьянам, среди которых они не встречали ни помощи, ни сочувствия, более того ни те ни другие не являлись для них примером служения богу и соблюдения норм православия. Решить эти проблемы можно было только с участием правительства. Не встречали поддержку миссионеры и среди местных чиновников. В результате получается, что до крещения «киргиз» имел свою землю, небольшое хозяйство, поддержку родственников, а с принятием крещения он лишался всего этого. Все эти обстоя-

тельства негативно сказывались на всем строе религиозной и общественной жизни новокрещеных, а также деятельности миссионеров и Киргизской миссии в целом.

Процесс становления Омской епархии был обусловлен высокими темпами роста её структурных единиц и формированием основных институтов. Это отражалось на эффективности деятельности епархии. Киргизской миссии не удалось добиться больших успехов в деле распространения христианства среди казахского населения Степного края. Не было случаев массового обращения их в православие. Борьба миссионеров с расколом и сектантством шла с большими трудностями. В некоторых случаях своей главной задачей миссионер считал необходимость оберегать истинно верующих от их влияния. Религиозная ситуация в Омской епархии отличалась крайней сложностью, наблюдалось падение уровня религиозности среди населения приходов, прихожане неохотно соблюдали, а иногда игнорировали, свои обязанности по поддержанию в порядке церковного имущества, росла активность среди проповедников мусульман и сектантов. Только поддержка государства помогала православию удерживать свои позиции.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914.
- 2. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2287.
- 3. Омские спархиальные ведомости. 1899. № 5.

УДК 057.875

О.В. Ишенко

ТОМСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО И ВРЕМЕННЫЕ ПРАВИЛА ОРГАНИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ 1901 г.

Изучено отношение томского студенчества к правительственному узаконению 1901 г.

Рост студенческих волнений в России в последние годы XIX в. вызвал заметную обеспокоенность властей, результатом чего стало существенное ужесточение правил студенческой жизни. Сохраняя университетский Устав 1884 г., согласно которому студент рассматривался как «отдельный посетитель университета», правительство по-прежнему отказывало вузовской молодежи в праве создания независимых организаций, проведения собраний, формирования представительных органов. Но российское студенчество уже представляло собой особый социальный слой, осознающий свое неполноправное положение в российском обществе. Студенческое движение являло собой важный фактор общественной жизни страны, причем вовлечены в него были даже высшие учебные заведения отдаленной окраины империи, каковыми на тот момент были Томский университет и Томский технологический институт.

Попыткой справиться с охватившими страну в 1898—1899 гг. студенческими волнениями силовыми методами стали Временные правила от 29 июля 1899 г., согласно которым «воспитанники высших учебных заведений, за учинение скопом беспорядков в учебных заведениях или вне оных, за возбуждение к таким беспорядкам, за упорное, по уговору, уклонение от учебных занятий и за подстрекательство к таковому уклонению» подлежали «удалению из учебных заведений и зачислению в войска для отбытия воинской повинности, хотя бы они имели льготу» [1. Л. 15]. Однако введение данных правил породило новую волну молодежного протеста, в стороне от которого не остались и студенты-томичи.

Так, например, в начале 1901 г. в Томске произошел ряд студенческих сходок и выступлений. Требования студентов нашли свое отражение в распространявшейся в городе в марте 1901 г. гектографированной прокламации за подписью «С.О.К.» (вероятно, Студенческий Объединенный Комитет. — О.И.). В ней, в частности, говорилось: «В Москве, Петербурге, Одессе и других городах стреляют в народ, полиция учиняет кровавые бойни над беззащитной толпой; там убито много и наших товарищей; много наказано солдатчиной и ссылкой. Мы требуем: 1) суда над полицией за произвол и насилие; 2) возвращения сосланных без суда и следствия; 3) отмены Временных правил и 4) возвращения

товарищей, наказанных согласно «Временным правилам» солдатчиной» [2. Л. 80].

Текст прокламации вполне подтверждал мнение директора Томского технологического института Е.Л. Зубашева, утверждавшего, что внутренних причин для беспорядков томской вузовской молодежи в февралемарте 1901 г. не было, было только общее недовольство студентов своим положением [3. Л. 115–121]. Эта точка зрения была отражена и в отчете Департамента полиции о состоянии студенческого движения в стране: «В 1900–1901 академическом году Томский университет и технологический институт примкнули к общеуниверситетскому обструкционистскому движению» [4. Л. 1]. Следовательно, и сами студенты, и руководство вузов, и полицейское начальство сходились в главном: причины беспорядков лежали вовне — в общестуденческом движении, а выступления томских студентов были только его составной частью.

Временному успокоению студентов способствовал начавшийся летний каникулярный период, но с наступлением нового 1901—1902 учебного года начальник Томского губернского жандармского управления с тревогой сообщал в Департамент полиции: «Среди студентов Томского университета и технологического института в настоящее время происходит глухое брожение, вызванное слухами о начинающихся беспорядках в других высших учебных заведениях, от которых получаются письма и прокламации, приглашающие к предъявлению «новых требований к Правительству» [5. Л. 6].

Очевидность обусловленности студенческих выступлений отсутствием у данной категории населения элементарных политических и гражданских прав, равно как и невозможность справиться со студенческим движением посредством одних только репрессивных мер признавалась даже правительством, которое вынуждено было периодически пересматривать законодательные положения в этой области. Острое недовольство студентов вызывало ограничение их в возможности создания собственных организаций. Учитывая это как одну из основных причин выступлений вузовской молодежи, 22 декабря 1901 г. министром народного просвещения Ванновским были утверждены Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях министерства народного просвещения.

Согласно данным правилам, начальству вузов по ходатайству студентов разрешалось открытие студенческих кружков для занятий науками, искусствами, физическими упражнениями, а также столовых, касс, библиотек, читален и пр. Для обсуждения вопросов о кружках, выборов студентов в комиссии разрешенных организаций и для выбора курсовых

старост с разрешения начальника учебного заведения, при заранее предоставленной повестке и в присутствии лица из преподавателей или администрации разрешались студенческие собрания, но только по курсам или факультетам, а первокурсникам собрания были разрешены лишь со второго семестра. Присутствующее на собрании должностное лицо получало право закрыть его в случае уклонения от повестки.

Собрание, которое считалось состоявшимся при наличии 2/3 студентов курса, отделения или факультета (если число студентов на нем не превышало 300), избирало курсовых и факультетских старост и иных выборных лиц в соответствующие студенческие учреждения. Списки избранных студентов и постановления собраний предоставлялись на утверждение учебного начальства. При этом в обязанности выборного старосты входило испрашивание разрешения на собрание; наблюдение за тем, чтобы на собрании не было посторонних лиц; доведение до начальства учебного заведения нужд и ходатайств студентов; исполнение поручений учебного начальства по связи со студентами; содействие в помощи нуждающимся студентам; участие в комиссиях по управлению попечительством, кассой, столовой, библиотекой, читальней; распределение по поручению учебного начальства учебно-вспомогательного материала между студентами и распределение студентов на группы для практических занятий. Начальнику учебного заведения давалось право разрешения общего собрания курсовых и факультетских старост.

Согласно Временным правилам, в студенческие учреждения могли входить исключительно студенты данного учебного заведения. Заведование ими поручалось студентам под надзором и руководством учебного начальства, но председательство, например, кружками возлагалось на избираемого Советом и утвержденного попечителем профессора, преподавателя или иное должностное лицо. Руководители студенческих учреждений должны были предоставлять начальнику учебного заведения отчет о деятельности 2 раза в год, причем начальник получал право их внезапных ревизий. Каждая студенческая организация открывалась только с разрешения попечителя учебного округа и должна была иметь особый Устав, который рассматривался Советом и утверждался попечителем. В случае нарушения устава студенческое учреждение могло быть закрыто.

В качестве разрешенных студенческих организаций правила перечисляли студенческие столовые и чайные, студенческие кассы для материальной помощи студентам, «попечительства для приискания занятий недостающим студентам», библиотеки, научные и литературные кружки [6. Л. 16–21].

В целом, данные правила давали возможность создания студенческих организаций, но сразу же ставили их под контроль учебного начальства. Поэтому студенты страны в большинстве не признали правила Ванновского, критикуя их «полицейский характер».

Выход в свет новых правил организации студенческих учреждений был негативно воспринят и в среде томского студенчества. Временные правила стали центральным вопросом обсуждения на ряде сходок. И, как сообщал директор Томского технологического института Зубашев, студенты-технологи, собравшись 23 января 1902 г. на сходку по вопросу о возбуждении ходатайств об открытии студенческих организаций постановили большинством 222 против 52-х никаких ходатайств на основе Временных правил не возбуждать, поскольку студенты ими недовольны [6. Л. 40].

Еще более резко против принятия новых правил высказались студенты Томского университета, обратившиеся в министерство народного просвещения письмом, в котором обосновали невозможность пользоваться Временными правилами, поскольку:

- 1. Временные правила не порождают никаких прав для участников данных организаций; это организации с выборным начальством без компетенции.
- 2. Организации подчинены контролю администрации без всякой гарантии против произвола последней.
- 3. Организации искусственно разбивают студентов на кружки, исключая многолюдные собрания с целью обсуждения общестуденческих дел.
 - 4. Временные правила исключают наши обычные земляческие кружки.
 - 5. Не признают студенческого суда.
 - 6. Цель Временных правил исключительно полицейская.
- 7. Временные правила являются насмешкой над «требованиями» студентов, «мнениями» профессорской коллегии и над пожеланиями лучшей нашей печати.

К такому решению пришли мы, студенты Императорского Томского университета в количестве 389 человек. Причем из 547 человек — общего числа студентов... — за принятие Временных правил высказались 25 человек и неопрошенных осталось 133 человека. Томск. 4 февраля 1902 г.» [6. Л. 30].

В это же время в городе распространялась студенческая листовка, составленная, видимо, студентами университета под заголовком: «Остерегайтесь «Временных правил» генерала Ванновского». В листовке указывалось, что данные правила важны, поскольку этот вопрос, касается «целых студенческих поколений, всего нашего университетского строя». Студенчество должно внимательно отнестись к правилам, чтобы потом не пришлось бороться против них, как против Устава 1884 г., в котором студент назван «отдельным посетителем университета», что было основой всей университетской политики — «это та скала, которая залита кровью сотен наших лучших товарищей».

В новых правилах это положение отменяется, разрешены студенческие кружки, что еще нужно? — вопрошали авторы листовки. И тут же давали ответ: в действительности Временные правила «нисколько не изменяют бесправного положения учащейся молодежи. Студенчество боролось за университетскую свободу, за свободу организаций..., против административного произвола, за свободу совести и неприкосновенность личности», а получило в Правилах право организовываться в кружки и устраивать собрания, но с разрешения полиции, учебной администрации и попечителя. В Правилах нет студенческой самодеятельности, «студентам дозволяется только то, что им предписывается, предлагается или даже приказывается».

В листовке особо подчеркивалось: «Расследования Ванновского показали правительству, что сколько ни пиши правил о том, что студент отдельный посетитель университета, сколько ни преследуй и ни казни за попытки дышать, говорить, мыслить, студенчество все-таки говорит, мыслит, организуется, устраивает кружки, заводит библиотеки и землячества. Без этого невозможно, этого требует сама жизнь...». Но если «жизнь нельзя отменить», то можно разрешить студенческие организации, отдав их под надзор полиции и должностных лиц. На этом основании авторами листовки делался вывод: поскольку правила, это не «синица в руках», а «самая ядовитая гадина», то принимать их нельзя. Нужно требовать нового университетского устава [7. Л. 27–29].

Сходки протеста против Временных правил Ванновского в томских вузах продолжались на протяжении февраля-марта 1902 г. Их основной целью провозглашалось решение вопроса — «как отнестись к поднявшимся в различных высших учебных заведениях студенческим движениям»? А главным пунктом обсуждения стала возможность забастовки в поддержку товарищей в других вузах [7. Л. 23—24]. Таким образом, выступления томских студентов в первой половине 1902 г., как и ранее, не были вызваны частными причинами, а шли в общем русле студенческого движения, развернувшегося по всей стране.

И этот общестуденческий протест имел определенные результаты. Главным стало то, что совещание министров 18 августа 1902 г. по разработке мер предупреждения студенческих беспорядков признало «нежелательность к дальнейшему применению» Временных правил от 22 декабря 1901 г. в силу их существенных недостатков, поэтому с начала нового года в правила вводился ряд изменений [1. Л. 230–240]. Тем не менее, общий курс правительственной политики – разрешение легальных студенческих организаций под контролем учебного начальства и руководством преподавателей остался неизменным. В результате, студенты, с одной стороны, частично смирились с существовавшими правилами студенческой жизни, но, с другой стороны, постоянно нарушали их, пытаясь изменить в более приемлемую для себя сторону.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. ГАРФ. Ф. ДПОО. 1898. Д. 3. Ч. 78.
- 2. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 484.
- 3. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1585.
- 4. ГАРФ. Ф. ДПОО. 1898. Д. 3. Ч. 213. Т. 8. Лит. А.
- 5. ГАРФ. Ф. ДП ОО. 1898. Д. 3. Ч. 150. Т. 12.
- 6. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1461 в.
- 7. ГАРФ. Ф. ДПОО. 1898. Д. 3. Ч. 150. Т. 12.

УДК 347.99

А.В. Астахов

МИРОВОЙ СУДЬЯ В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ В 1899—1917 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОМСКОЙ СУДЕБНОЙ ПАЛАТЫ)

Изучено положение сибирского мирового судьи в системе властных отношений, сложившихся в регионе.

В 1897 г. в сибирских губерниях, а в 1899 г. в степных областях, были введены Судебные уставы с изменениями, о которых неоднократно писалось в литературе. В этих исследованиях разработаны проблемы, связанные с учреждением института мирового судейства, правовыми основами деятельности мировых судей, успешностью их работы, бытового устроения и материального положения мировых судей. Однако в них не нашла отражения проблема места мировых судей в системе государственных учреждений, их взаимоотношения с должностными лицами одного с ними и разных ведомств. Нашей задачей является показать положение сибирского мирового судьи в системе властных отношений, а также некоторые особенности его служебной деятельности.

Выдвижение предложений о разделении губерний и областей на мировые участки было возложено на губернские и областные комитеты, состоящие и каждой губернии и области под председательством местного губернатора, из вице-губернатора, председателя и прокурора окружных судов и городского головы. Предложения губернских комитетов направлялись министру юстиции, а в областях они отправлялись к нему после генерал-губернаторской резолюции. Те же комитеты составляли списки проживающих в данной местности лиц, могущих занять должности почётных мировых судей. При наличии в городе (Омск, Томск и др.) нескольких мировых судей общие собрания отделений окружных судов (ОСООС) занимались распределением между ними судейских и следовательских обязанностей.

Мировой судья в Сибири и Степном крае выполнял множество функций: собственно судейские, следственные, нотариальные, а также заведование опекунской частью [1]. Обязанности непременного члена мирового съезда возлагались, по постановлению общего собрания отделений окружного суда, на одного их членов окружного суда. Общие собрания отделений окружного суда определяли и места постоянного пребывания каждого мирового судьи.

Помимо собственно участковых мировых судей, в сибирских губерниях и степных областях был введён институт добавочных мировых судей.

Функции их были идентичны. Добавочные судьи были введены в связи с громадностью участков для замены участковых мировых судей во время отпусков или временно вакантных мест, а также для помощи последним. Однако количество добавочных мировых судей, предусмотренных штатными расписаниями, было единичным, поэтому их присутствие не снижало остроты проблемы обременённости участковых мировых судей.

Непосредственный надзор за деятельностью мировых судей осуществляли окружные суды. Последние же заменяли собой существовавшие в европейской части России съезды мировых судей – апелляционные инстанции и корпоративные органы обмена служебным опытом. Все крупные шаги, приводящие к каким-либо переменам и не относящиеся к непосредственному решению дел, мировой судья обязан был согласовывать с вышестоящим начальством. Так, прошения о перемещении в другой участок, продолжительном отпуске, назначении пособия и пр. поступали к председателю окружного суда. Последний, составив собственное мнение по данному вопросу, препровождал прошение старшему председателю судебной палаты, а последний – в министерство юстиции. Участковый и добавочный мировой судья мог получить одномесячный отпуск – с разрешения ОСООС; двухмесячный – с разрешения общего собрания департаментов судебной палаты, а на более продолжительный срок – решением самого министра юстиции [1].

За преступления и проступки по должности мировые судьи подлежали суду судебной палаты. Одним из наиболее распространённым проступком было замедление в движении дел, объясняемое, с одной стороны огромными размерами подведомственных участков, а с другой, какимито субъективными личными факторами. Так, в 1910 г. товарищем прокурора Томского окружного суда было возбуждено дело против мирового судьи А.Г. Чернушкина по причине крайнего замедления движения дел. Однако подлинной причиной такого положения была длительная болезнь судьи. Омская Судебная Палата (ОСП) вынесла оправдательный приговор А.Г. Чернушкину [2].

В округе ОСП существовали и почётные мировые судьи. Во многом это была формальная и не требующая специального образования должность, за которую не получали жалованья. Почётные мировые судьи могли занимать любую должность, кроме должности прокурора, товарища прокурора, местных чиновников казённых учреждений и полиции, волостного старшины [3. С. 107–110].

Почётные мировые судьи зачастую приглашались на заседания общего присутствия окружного суда в случае недостатка членов последнего. Такая практика была довольно частым явлением в связи с малыми шта-

тами окружных судов (особенно Акмолинского и Семипалатинского) и частыми выездными сессиями, когда 2—4 члена находились в отлучке. Старшему председателю ОСП было предоставлено право, по усмотрению последнего и по мере надобности, ревизовать делопроизводство мировых судей вверенного округа [4. Л. 1].

На практике обычно эту работу выполняли председатели окружных судов, которые после каждой подобной ревизии отсылали Старшему председателю ОСП отчётные документы соответствующего образца. Как правило, председатели судов наблюдали за ведением дел мировой подсудности и нотариальными обязанностями, в то время как контроль за следственными делами был возложен на товарищей прокуроров. Однако случалось, что председатели судов производили ревизию делопроизводства мировых судей по всем родам дел, что вызывалось отдалённостью мест расположения прокурора. Такой случай, в частности, был отмечен в Тобольской губернии в 1901 г. [5. Л. 86]. Возможно, что имели место и случаи переложения надзора за всеми родами дел на плечи товарищей прокуроров. Во время таких визитов судебное начальство могло высказывать соответствующие похвалы и замечания. При этом ревизовавшие стремились выяснить причины медленности судопроизводства, некомпетентности и других нарушений. Всё это вместе с кратким личностным и профессиональным портретом мирового судьи находило отражения в отчётах старшему председателю ОСП. Порой неправильные действия судей объяснялись их неопытностью и, как отмечал в 1901 г. Председатель Тобольского ОС, отсутствием в Сибири института периодических съездов мировых судей. Отсутствие регулярного профессионального общения не давало возможности выносить на общее обсуждение и добиваться решения по возникающим у мировых судей проблемам [5. Л. 1].

Для контроля за деятельностью мировых судей в округе ОСП использовался в том числе и такой документ как «Сведения об условиях деятельности мирового судьи», представлявший из себя довольно подробную анкету, состоящую из 18-ти пунктов. В частности, в неё были включены вопросы о наличии тех или иных административных учреждений, арестантских помещений, расстояниях от камеры до самых отдалённых мест разбора дел, сведения о местном населении (религиозная принадлежность, хозяйственные занятия, численность и пр.), природных условиях, характере наиболее часто возникающих дел, условиях жизни и материальном положении мировых судей и пр. С помощью этого довольно подробного документа руководство судебного округа могло получать едва ли не полную информацию о деятельности мировых судей, их проблемах и потребностях.

28 октября 1899 г. прокурор ОСП сообщал Старшему Председателю о недостатках надзора за соблюдением приговоров мировой подсудности. Он отмечал, что при громадности расстояний и полифункциональности мировых судей, совмещающих своей деятельностью работу судей, следователей, нотариусов и заведывающих опекунской частью, они не могут контролировать исполнение приговоров по решённым делам. В то же время местная прокуратура в этом отношении не осуществляла должным образом надзор, вследствие неимения сведений о возлагаемых мировыми ооразом надзор, вследствие неимения сведении о возлагаемых мировыми судьями на чинов полиции поручениях по приведению приговоров в исполнение. Прокурор ОСП предложил ввести правило, по которому мировые судьи и их съезды были бы обязаны одновременно с обращением приговоров о заключении в тюрьму к исполнению, сообщать об этом: судьи – местному товарищу прокурора, а съезды – прокурору Суда. Причём в этих сообщениях надлежало указывать звание, имя, отчество и фамилию осуждённого и должностного лица или учреждения, которому поручено приведение приговора в исполнение с обозначением времени отсылки поручения и номера исходящей бумаги. Прокурор ОСП предлагал также, в случае одобрения его инициатив, поручить подчинённым ему прокурорам вести списки осуждённых и отмечать лиц, действительно поступивших в тюрьму. Вследствие реализации этого начинания естественно должны были обнаруживаться все случаи замедления в исполнении приговоров и выясняться причины такого замедления путём требования от чинов полиции надлежащих сведений и объяснений. Все эти инициативы, поддерживаемые в Министерстве юстиции, вскоре были одобрены во всех общих собраниях отделений окружных судов округа ОСП [6. Л. 1-7].

Мировым судьям случалось совершать поездки в населённые пункты, отстоявшие от их камер на 300-800 вёрст. Во время разъездов судьи разбирали дела, как правило, в помещениях волостных правлений. Мировые судьи сносились с волостными старшинами при необходимости собрать сведения о величине участка, количестве населения и т.д. Вручение повесток также осуществлялось посредством волостных старшин. Тяжёлым бременем для судей и населения являлись достаточно частые и продолжительные командировки первых для заведования соседними участками на время болезней и отпусков местных коллег. Во время таких командировок мировой судья не освобождался от заведования собственным участком. В результате он оказывался в положении человека, пытающегося усидеть на двух стульях: судья не успевал решать дела ни у себя в участке, ни в том, куда он был временно командирован. Так, мировой судья 2-го участка Кокчетавского уезда в 1900 г. заведовал с середины мая по

октябрь Атбасарским участком, а с октября по декабрь – 1-м участком Кокчетавского уезда.

Проблемами мировой юстиции зачастую интересовались и генералгубернаторы. В обращении Старшему председателю ОСП степной генералгубернатор указывал на поступавшие к нему во время поездки по Семипалатинской области в 1904 г. жалобы на то обстоятельство, что потерпевшие подолгу остаются в неведении о причинах медленности производства в судебных учреждениях, в то время как по официальным справкам оказывалось, что означенные дела откладываются по уважительным причинам (за неявкою сторон по вызову, невручением повесток и т.п.). Степной генерал-губернатор предлагал, во избежание «нареканий на судебное ведомство и на устранение подачи жалоб» распорядиться, чтобы окружные суды и мировые судьи своевременно объявляли заинтересованным лицам о причинах замедления в производстве их дел [7. Л. 35].

В секретном сообщении председателя Омского Окружного Суда Г.Ф. Ковалевского подведомственным ему мировым судьям и судебным следователям от 30 апреля 1903 г. сообщалось о некоторых инициативах степного генерал-губернатора генерал-лейтенанта Сухотина в отношении мировых судей. Сухотин доложил императору о неудовлетворительности и медленности судопроизводства мировых судей, в особенности по делам о кражах вообще и по конокрадству в частности, и предложил изъять указанные дела из ведения мировых судей и передать их крестьянским начальникам. Ковалевский указал на необходимость мировым судьям и судебным следователям округа, во-первых, поставить дела о конокрадстве, кражах и нарушении санитарных правил на первоочередное рассмотрение и разрешать их без малейших замедлений. Во-вторых, он повелел внимательнее проверять собранные полицией данные, не довольствуясь лишь материалом частных обвинителей, но и собирать сведения путём отдельных поручений полицейским чинам, в любом случае не возвращая не в полицию ни дознаний, ни дел, и в итоге выносить свои приговоры по совокупности всех собранных по делу улик и доказательств [7. Л. 51].

Несколько позднее, в секретном письме от 22 ноября 1903 г. А.А. Кобылину Г.Ф. Ковалевский ссылался на письмо степного генералгубернатора министру юстиции, в котором главный начальник края, помимо вышеизложенных предложений, выдвигал против мировых судей обвинение в пристрастности к киргизам в смысле тенденции к положительному для них решению дел. Председатель ОмОС утверждал, что в своих обвинениях мировых судей генерал-губернатор руководствуется сугубо общими рассуждениями и общими фразами («весьма оскорбительными для чести и достоинства мировых судей»), не приводя доказательств и не ссылаясь на конкретные примеры [7. Л. 29–31].

В ноябре 1903 г. генерал-губернатор поинтересовался у Старшего Председателя ОСП о том, какие должности во вверенном округе нуждаются в освобождении от призыва из запаса в случае мобилизации. Старший Председатель ответил, что желательно освободить от призыва мировых судей и судебных следователей. Мировые судьи были загружены работой настолько, что их мобилизация на театр военных действий привела бы к самым печальным последствиям.

6 февраля 1904 г. из канцелярии степного генерал-губернатора было сообщено, что последний решил ходатайствовать об освобождении от призыва в армию мировых судей и судебных следователей, чтобы их должности не замещались «малоопытными кандидатами и тем не уронить в глазах населения авторитетного значения и силы суда и не допустить застоя в производстве мировых дел и следствий». В то же время было указано, что нежелательно освобождать от военной службы без особой необходимости, в частности, вольнонаёмных служащих, которых в большинстве случаев можно было заместить другими лицами [7. Л. 113].

Таким образом, мировые судьи имели контакты со множеством властных инстанций. В тех случаях, когда эти отношения тем или иным образом прописывались в законе, они носили в большей степени деловой характер и редко выходили за рамки служебных. Так было с теми должностными лицами, которые контролировали деятельность мировых судей — Старшим председателем ОСП, общими отделениями окружных судов, прокуратурой. Другой тип отношений складывался с теми инстанциями, порядок отношений с которыми не был чётко зафиксирован в законе. При этих условиях отношения мировых судей с такими институтами как крестьянские начальники и органы казачьего самоуправления вс многом зависели от личностных качеств контактирующих сторон и, тем самым, не были избавлены от известной степени субъективизма.

Институт мирового судейства был введён для решения мелких дел и был встречен сибирским населением с большими надеждами. Несмотря на проблемы нехватки кадрового состава, полифункциональности мировых судей, этот институт довольно быстро органично вписался в сибирское общество, став посредником между, с одной стороны, стремлением этого общества к справедливости и защите со стороны власти, а с другой стороны, между стремлением власти повысить уровень юридической грамотности и активности населения, способствующий культурной модернизации Сибири. Несмотря на инициативы местной администрации по ликвидации института мирового судейства, а также некоторую функ

циональную несогласованность и «конкуренцию» этому институту со стороны крестьянских начальников, мировое судейство выжило и смогло доказать необходимость своего существования.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. ПС3 3. T. XVI. № 12932.
- 2. Омский телеграф. 1910. № 229. 26 октября.
- Чечелев С.В. Институт почётных мировых судей округа Омской судебной палаты // Вестник Омского университета. 1998. № 4.
- 4. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 6.
- 5. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 32.
- 6. ГАОО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 32.
- 7. ГАОО. Ф. 25. On. 1. Д. 78.

УДК 94(571.6).083

Т.Н. Сорокина

К ВОПРОСУ ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ТОРГОВЛИ КИТАЙСКИМ СПИРТОМ В ПРИАМУРСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Рассмотрена история заключения русско-китайского соглашения 1916 г. о запрещении производства и продажи спирта в пограничной с Россией 50-верстной полосе Маньчжурии.

Приморской области генерал-лейтенант Военный губернатор А.Д. Сташевский во всеподданнейшем отчете за 1914 г. обращал высочайшее внимание на «большую угрозу» со стороны китайцев и корейцев, являвшихся «проносителями контрабандного спирта из-за границы», Губернатор сообщал: «Арестные помещения области заполнены китайцами и корейцами, обвиняемыми в водворении в наши пределы контрабандного спирта. Борьба с этими желтыми спиртоносами крайне затруднительна. Уездной полицейской стражи в области нет, а штаты корчемной и таможенной стражи далеко недостаточны для охраны всей нашей границы с Маньчжурией, на территории которой чуть не через каждый десяток верст вдоль нашей границы имеется или кабак или завод для гонки спирта. Обилие контрабандного спирта, водворяемого в область, и отсутствие средств для борьбы с этим явлением сводят на нет все запретительные меры против пьянства. Приемлю смелость всеподданнейще доложить Вашему Императорскому Величеству, что наилучшим способом для борьбы с водворением в наши пределы контрабандного спирта было бы заключение особого соглашения с китайским правительством, в силу которого последнее обязалось бы убрать с нашей границы вглубь Маньчжурии верст на сто все кабаки и заводы» [1. Л. 8].

С подобной инициативой приамурская администрация неоднократно обращалась в Петербург. Борьба с «неуловимыми распространителями запрещенной водки-ханшина» всегда составляла предмет особой заботы приамурских властей с момента присоединения Приамурья и Приморья к России. Китайскую водку — ханшин (в Уссурийском крае ее называли сули) было запрещено привозить в пределы Российской империи еще «на основании Высочайше утвержденного 2 апреля 1862 г. мнения Гос. Совета» [2. Л. 616]. Тем не менее, в соседних с Маньчжурией Амурской и Приморской областях всегда была чрезвычайно развита контрабандная торговля спиртными напитками с китайской стороны, на что русским властям не раз приходилось обращать внимание цинского правительства

и пограничных чиновников, а также предпринимать различные меры борьбы с этим злом.

Сначала полицейским чинам при поимке какого-либо незаконного транспорта с ханшином было предоставлено право лишь конфисковывать и уничтожать контрабандный напиток и приспособления к его производству, что на практике оказалось совершенно недостаточно. С 1 ноября 1889 г. вступило в силу распоряжение приамурского генерал-губернатора, по которому, кроме уничтожения ханшина, предполагалось отбирать и продавать с аукциона задержанные повозки, лошадей с упряжью, лодки, то есть все средства его транспортировки, а деньги, вырученные от продажи конфискованного имущества, должны были идти на вознаграждение «поимщиков»[2. Л. 616]. Это постановление хоть и несколько усилило контроль, но в целом не оказало существенного влияния на сокращение торговли спиртными напитками. Более того, нередко имели место случаи, когда местные жители, задерживая китайцев с контрабандной водкой, не сдавали ее властям для уничтожения. В станице Игнашино, например, судя по заметке в благовещенской газете, один из жителей задержал у себя в огороде китайца с несколькими четвертными банками спирта. Контрабандист был арестован и «посажен в кутузку», а отобранный напиток исчез неизвестно куда. Газета по этому поводу иронизировала: «...очевидно, отбирающие выпивают сами. Это уже, выходит, не конфискация, а грабеж под предлогом искоренения контрабанды. Для любителей дешевой выпивки теперь стало хорошо. Можно даром достать «спотыкаловки-харбинки», лишь бы поймать «ходичку» с баночкой «сиволдая» [3].

П.Ф. Унтербергер, почти десять лет занимавший пост военного губернатора Приморской области и пять лет приамурского генерал-губернатора, а, стало быть, являвшийся, безусловно, знатоком края, объяснял неэффективность мер борьбы с распространением контрабандного спирта тем, что «ни русское ни тем более китайское население преследованию ханшина не сочувствовало, первое – вследствие того, что ханшин обходится дешевле русской водки и был крепче последней, а второе – потому что оно издавна привыкло у себя дома к употреблению этого напитка» [4. С. 222]. Все усилия местной администрации по ограничению контрабанды спиртом (укрепление границы, учреждение в разных местах края пограничных караулов, таможенных постов и корчемной стражи, разъезды вдоль границы, аресты «спиртоносов», конфискация их товаров и средств их транспортировки, облавы и высылка задержанных беспаспортных китайцев и т.п.), конечно, приводили к некоторому сокращению ввоза спиртных напитков из Китая, но в целом не приносили желаемых результатов. Дешевизна китайского

ханшина и его большая крепость по сравнению с русской водкой были теми препятствиями, о которые разбивались все попытки по искоренению пьянства среди русского населения и инородцев. При заинтересованности русского населения в дешевой китайской водке торговля контрабандным спиртом оказывалась неистребимой.

Спиртом оказывалась неистреоимои.

Особенно остро встал вопрос о контрабандной торговле спиртными напитками в начале XX в. со строительством Амурской железной дороги, когда напротив русских пристаней на Амуре, на китайском берегу, стали возникать целые поселки, в которых сосредоточивалась торговля спиртом. Маньчжурская водка, по мнению инженеров-строителей, была «заклятым врагом» Амурской дороги. Начальник Амурской экспедиции Н.Л. Гондатти телеграфировал в Петербург в октябре 1910 г., что из-за контрабандной торговли китайской водкой по линии строившейся железной дороги «спивается все русское население, как пришлое, так и коренное — казачье и крестьянское». Тогда он и предложил в качестве одной из мер, «могущей облегчить борьбу с развитием пьянства в среде русского населения Приамурского края», соглашение с пекинским правительством «о воспрещении торговли спиртными напитками на правом берегу Амура» [5. Л. 48]. Это предложение Н.Л. Гондатти было одобрено правительством.

Таким образом, региональные и центральные власти, испробовав, казалось бы, все меры, пришли, наконец, к выводу, что при большой протяженности пограничной линии и многочисленности пунктов производства и продажи ханшина, едва ли можно было пресечь деятельность китайских «спиртоносов» одним учреждением таможенной и корчемной стражи. Гораздо большее значение имело бы соглашение с китайскими властями о запрещении производства и продажи спирта в пограничной полосе на китайской стороне. Для такого соглашения имелась благоприятная почва. Если приамурская администрация и правительство России были обеспокоены распространением пьянства среди русского населения, то китайские власти были озабочены курением их подданными опиума, значительная часть которого выделывалась на плантациях Приамурского края. Запрещение посевов мака и производства опиума русским правительством могло бы стать компенсацией за запрещение производства и продажи спиртных напитков в пограничных с Россией провинциях Китая.

часть которого выделывалась на плантациях Приамурского края. Запрещение посевов мака и производства опнума русским правительством могло бы стать компенсацией за запрещение производства и продажи спиртных напитков в пограничных с Россией провинциях Китая.

Путь к заключению соглашения оказался очень длинным и трудным. Соединение спиртовой и опиумной проблем, когда решение одной зависело от другой, сильно осложняло дело. Проект закона по борьбе с опиекурением не был одобрен в Государственной Думе, не говоря уже о местном населении, получавшем значительные выгоды от сдачи земли в аренду китайцам под посевы мака, а китайские власти отказывались

предпринимать какие-либо меры и идти на подписание соглашения, пока русские власти не запретят посевы мака и производство опиума. Кроме того, на ходе переговоров сказывалась и политическая ситуация в Китае, связанная с событиями Синьхайской революции, сменой власти, политической нестабильностью в стране и т.п. В итоге до первой мировой войны соглашение так и не было подписано. Единственное, что удалось осуществить до ее начала в качестве одной из мер борьбы с контрабандным водворением спирта из Маньчжурии в соседние русские области, — с 1911 г. было запрещено открывать винокуренные и водочные заводы, а также склады спирта в полосе отчуждения КВЖД, но только около границы, на остальную территорию это ограничение не распространялось.

Возобновление переговоров с китайским правительством произошло уже во время войны по инициативе русской стороны. Кроме выше процитированных опасений губернатора А.Д. Сташевского, в Генеральный штаб стали поступать тревожные сигналы от командующего войсками Приамурского военного округа о том, что в пределы округа в большом количестве проникает контрабандный алкоголь. В телеграмме военному министру командующий сообщал: «...в то время, когда повсеместно в России воспрещена всякая продажа спиртных напитков, на территории КВЖД такая торговля разрешена и производится в больших размерах, а так как дорога эта граничит с Приамурским военным округом, то спирт и водочные изделия в огромных количествах проносятся в пределы округа, почему по всей линии, от Пограничной до Никольск-Уссурийского, кишат контрабандисты, особенно китайцы. Спирт свободно проникает к нижним чинам в округе не говоря уже про воинские эшелоны, следующие по КВЖД, ибо несмотря на обязательное постановление Управляющего дорогой о воспрещении отпуска нижним чинам спиртных изделий из заведений, производящих раздробительную продажу, нижние чины всегда найдут возможность приобрести спиртные напитки через посредство частных лиц» [6. Л. 33].

Таким образом, по инициативе приамурской администрации, уже в условиях военного времени, «в связи с повсеместными мерами в империи по искоренению пьянства и продолжающимся провозом спирта в Приамурье», активизировалась деятельность по заключению соглашения с китайским правительством. Все перипетии переговоров по выработке проекта русско-китайского соглашения и дипломатические коллизии, сопровождавшие эти переговоры, отражены в документах, составивших объемное (в 663 листа) дело в фонде «Китайский стол» Архива внешней политики Российской империи [6].

В декабре 1914 г. приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти обратился к министру земледелия А.В. Кривошенну с ходатайством ускорить издание закона о мерах борьбы с производством опиума, проект которого был разработан Комитетом по заселению Дальнего Востока еще в ноябре 1912 г., но, не получив одобрения в Государственной Думе, был положен под сукно. Н.Л. Гондатти подчеркивал, что задержка в издании закона не только «пагубно отражается на развитии сельского хозяйства, а также на борьбе с хунхузами, которых привлекают маковые плантации». но, главное, этот закон был совершенно необходим как инструмент в деле борьбы с распространением пьянства, так как, несмотря на запрещение продажи спиртных напитков в условиях военного времени, население пограничных областей продолжало потреблять контрабандный китайский спирт [7. Л. 101]. Китайское правительство, со своей стороны, не собиралось принимать никаких мер против контрабандной торговли спиртом, пока русские не проведут аналогичных мер в отношении опиумной контрабанды, а у приамурской администрации не было законодательной базы для проведения решительных мер против производства опиума в крае. Более того, многие казаки считали, что, запрещение сдавать землю в аренду китайцам под посевы мака, в условиях, когда из-за мобилизационных мероприятий половина семей в станицах осталась без работников, приведет к разорению их хозяйств. Даже слухи о том, что скоро будет принят закон, воспрещающий производство опиума, вызвали множество жалоб с их стороны, примером которых может служить докладная записка отставного войскового старшины Алексея Шестакова, представленная генерал-губернатору в феврале 1915 г. В ярких красках описывая ухудшение положения казачьих хозяйств в станице Полтавская в связи с мероприятиями местных властей по ограничению китайской аренды земли, старшина, выражая общее мнение своих односельчан, писал: «Если теперь будет запрещен желтый труд и посев мака, то как будут чувствовать себя бойцы, зная, что их хозяйства разоряются», и просил остановить «разорительную ломку до возвращения казаков домой» [8. Л. 1-5].

Тем не менее, жалобы не поколебали решимости приамурской администрации и, в конце концов, в результате настойчивых ходатайств генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, Министерство земледелия сочло возможным забрать из Государственной Думы законопроект о мерах борьбы с опиекурением на Дальнем Востоке, «в связи с настоятельностью спешного его проведения». Министр земледелия А.В. Кривошеин телеграммой уведомил Н.Л. Гондатти, что 22 мая 1915 г. Совет Министров принял «представление о мерах борьбы с опиекурением в редакции известного

законопроекта» [7. Л. 137], которое 7 июня было подписано царем. После высочайшего утверждения закон «О мерах борьбы с опиекурением» был опубликован в собрании узаконений от 17 июня 1915 г. под номером 170. Кроме того, спустя некоторое время, были изданы два обязательных постановления управляющего КВЖД (от 19 декабря 1915 г. и 3 февраля 1916 г.), преследующих ту же цель — «борьбу с опиекурением в полосе отчуждения вверенной ему Дороги» [6. Л. 366]. С принятием закона против опиекурения в Приамурье (О мерах по борьбе с опиекурением на Дальнем Востоке см. подробнее: [9. С. 39–46]) у русских дипломатов появился крупный козырь в переговорах с пекинским правительством по выработке соглашения о запрещении производства и продажи спирта в пограничной полосе.

22 августа 1915 г. в Пекине произошел обмен нотами между российским императорским посланником и министром иностранных дел Китайской Республики. Китайское правительство, в ответ на запрещение русских властей в Забайкальской, Амурской, Приморской областях и на территории КВЖД культуры мака и ввоза в Китай опиума, изъявило согласие на принятие следующих мер: «1) В 50-верстной пограничной полосе Гиринской и Хэйлунцзянской провинций запретить всякую торговлю, ввоз и вывоз спирта и спиртных напитков иностранного производства, равно как и продажу русским и ввоз в русские пределы спиртных напитков, а также не допускать устройства новых винокуренных заводов и винных лавок; 2) принять аналогичные меры в полосе отчуждения КВЖД» [6. Л. 37–38]. Выработка же всех деталей соглашения, а также контроль за исполнением китайцами своих обещаний были возложены на генерального консула в Харбине «по соглашению с китайскими властями».

Эти пекинские ноты и были положены в основу двустороннего соглашения, работа над которым продолжалась еще почти целый год. Выработка окончательного текста соглашения затягивалась из-за, с одной стороны, бесконечных препирательств с китайской стороной по каждому пункту, а с другой, — негативного отношения к этому мероприятию управления КВЖД.

Управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д.Л. Хорват фактически сразу после достижения договоренности о выработке соглашения (в октябре 1915 г.) высказал ряд сомнений в возможности его претворения в жизнь. К чему сводились его аргументы? Основной целью соглашения являлось прекращение доступа спирта и изделий из него в русские области. Управляющий КВЖД опасался, что ограничительные меры будут «непопулярны среди населения Маньчжурии, нанесут ущерб китайскому населению, так как большинство культурных злаков — гаолян, чумиза, пере-

рабатываются на спирт». Кроме того, еще осенью 1914 г., когда министр финансов распорядился, чтобы управление КВЖД запретило открытие новых винокуренных заводов и складов в пределах всей полосы отчуждения дороги, приходилось считаться с тем, что на дороге расположен ряд открытых для международной торговли пунктов (Харбин, Маньчжурия и др.). Управление дороги засомневалось, имеет ли оно право запрещать торговлю спиртными напитками проживавшим здесь иностранцам, и запросило по этому поводу внешнеполитическое ведомство. Министр иностранных дел С.М. Сазонов тогда ответил, что «иностранцы с правами экстерриториальности имеют несомненное право открывать в полосе отчуждения КВЖД винокуренные заводы» [6. Л. 34]. Поэтому Д.Л. Хорват склонен был считать соглашение с китайским правительством «лишенным серьезного практического значения», полагая, что в деле борьбы с пьянством в Приамурье и Забайкалье реальных результатов можно достичь лишь в том случае, «если бы Китайское Правительство и все державы, подданные которых живут в Китае по законам своих стран, согласились запретить выделку и употребление спирта по всей Маньчжурии и ввоз его в Маньчжурию, без этого все мероприятия в этой области не могут быть с успехом проведены в жизнь». Сомневаясь в возможности прекратить в Маньчжурии иностранную торговлю спиртными напитками, генерал отмечал: «Трудно предполагать, чтобы национальности, кои признали для себя обязательным помянутый договор, сочли бы для себя возможным отказаться от продажи и употребления спиртных напитков, ибо не участвуя в данном соглашении с Китаем, они едва ли пожелают принести в жертву интересы подданных своих стран ради одной только пользы русского населения; а при таких условиях полного прекращения продажи спирта и спиртных напитков как на территории дороги, так и в полосе отчуждения, невозможно будет достигнуть и мера эта, не достигая своей цели, сведется лишь к нанесению крупного ущерба местным русским промышленникам и торговцам, благосостоянию Харбина и других линейных поселков, являющимся оплотом нашей колонизации Маньчжурии - в пользу коих поступают значительные суммы от обложения соответствующих предприятий». Следовательно, соглашение было невыгодно ни китайскому, ни русскому населению Маньчжурии.

В целом, прогноз управляющего КВЖД был неутешительным — он предвидел, что практическое осуществление соглашения цели не достигнет, но зато вызовет значительные расходы «на усиление с нашей стороны местного полицейского надзора», приведет к созданию контрабандных органов и значительно «осложнит задачи нашей местной администрации и отношения с Китаем» [6. Л. 38—40-а].

Много разногласий приходилось преодолевать и в переговорах с китайским правительством. Текст соглашения вырабатывался на русско-китайском совещании в Харбине весной 1916 г., где русскую делегацию возглавлял императорский российский генеральный консул в Харбине В.В. Траутшольд, а китайскую – биньцзянский даоинь и комиссар по иностранным делам Ли Хунмо. Российская сторона была заинтересована в скорейшем заключении соглашения, чтобы успеть до начала навигации по Амуру, а китайцы, напротив, «тянули резину». Протоколы заседаний (от 5 марта, 2 апреля и др.) этого совещания и переписка В.В. Траут-шольда с российским посланником в Пекине и Министерством иностранных дел свидетельствуют о довольно трудном, подчас драматичном ходе работы совещания. Достаточно сказать, что после длительных, сложных переговоров, жарких споров, бесконечных препирательств с китайской стороной, когда наконец-то, казалось бы, проект соглащения был готов и уже получил одобрение в Петербурге и в Пекине, на заключительном заседании совещания, в последний момент, после предложения В.В. Траутшольда приступить к подписанию проекта, китайцы отка-зались это сделать. Ли Хунмо заявил, что он получил инструкции от своего Министерства иностранных дел «пересмотреть некоторые из статей для внесения поправок». Поскольку русские участники совещания уже подписали проект, В. Траутшольд «категорически» отклонил мотив китайской стороны, заявив, что поправки надо было вносить во время обсуждения проекта в Пекине. Тогда Ли Хунмо выдвинул второй мотив: так как пекинскими нотами предусматривалась выработка «взаимного соглашения о спирте и опиуме», то работы совещания не могут считаться законченными, пока не будет выработан проект соглашения об опиуме, и предложил немедленно приступить к его обсуждению. В. Траутшольд отказался и от рассмотрения этого вопроса, ссылаясь на то, что Россия уже оказывает Китаю «самую деятельную помощь» в деле борьбы с опиекурением. В своем донесении в МИД о заключительном совещании В.В. Траутшольд очень ярко описывал, как они парировали «атаки китайцев», «перешли в наступление и стали стыдить их», убеждая, что «отказаться от подписания статей ими же принятых - это равносильно отказу от честного слова», как это «недобросовестно и неблаговидно» [6. Л. 277–289]. В конце концов, китайцы пообещали подписать проект од-

л. 277-269]. В конце концов, китаицы поосещали подписать проект одновременно с протоколами совещания, когда те будут готовы.

Результатом работы харбинского совещания стало подписание 8 мая (здесь и далее все даты даны по старому стилю) 1916 г. русско-китайского соглашения «о запрещении производства и торговли спиртом в пограничной с Россией 50-верстной полосе Маньчжурии». Соглашение

это состояло из 14 статей, в которых самым подробным образом оговаривались различные запретительные мероприятия по пресечению торговли алкоголем. Правда, вместо пятой статьи, самой спорной, об окончательной редакции которой не удалось договориться, пока был прочерк с пометкой в скобках: «Эта статья имеет быть установлена по соглашению между Вайцзяобу (МИД Китая. — Т.С.) и Императорской Российской Миссией в Пекине».

Первые четыре статьи касались ввоза, вывоза, производства и торговли спиртом в пограничной полосе. В прилегающую к русской границе порубежную 50-верстную полосу Гиринской и Хэйлунцзянской провинций запрещалось ввозить любые спиртные напитки («безразлично какого изготовления») за исключением ханшина. В Россию же запрещался ввоз вообще всех алкогольных напитков («всяких: спирта, спиртных напитков и вин»), в том числе и ханшина. В пограничной полосе запрещались также покупка, продажа, хранение, перевозка и переноска спиртных напитков, и не допускалось их изготовление, а все существовавшие здесь винокуренные и водочные заводы, винные склады и лавки подлежали закрытию. Имевшиеся к моменту закрытия запасы спирта могли быть беспрепятственно вывезены за 50-верстную полосу в пределы Китая в шестимесячный срок. Статья 6 предусматривала ответственность виновных в нарушении соглашения и вознаграждение «в установленном размере» лиц, способствовавших обнаружению виновных. Найденные спиртные напитки «со всеми служащими для изготовления, хранения и перевозки аппаратами и принадлежностями», подлежали конфискации и направлялись «в ближайшие соответствующие правительственные учреждения для уничтожения».

Следующие четыре статьи (7–10) касались производства и торговли ханшином. В соглашении оговаривалось, что объемы производства ханшинных заводов, уже существующих в пределах пограничной с Россией 50-верстной полосы Гиринской и Хэйлунцзянской провинций, должны быть строго ограничены количеством, потребным для нужд китайского населения. Причем список заводов, с указанием размера производительности каждого из них, китайское правительство должно дополнительно представить в шестимесячный срок со дня вступления соглашения в силу. Открытие же новых ханшинных заводов, кроме перечисленных в этом списке, не разрешалось. Не допускалось также и открытие новых ханшинных лавок и складов, а объемы торговли китайской водкой могли увеличиваться лишь в соответствии с ростом населения пограничной полосы, «не выходя из пределов нормы душевого потребления в 12 гинов на душу ежегодно». Запрещался не только вывоз ханшина из 50-верстной

полосы в Россию, но и продажа его русским подданным в пределах пограничных китайских провинций. Надзор за точным исполнением этих статей соглашения возлагался на китайские правительственные учреждения, в чьем ведении находился контроль над ханшинными заводами, складами и лавками; они должны были не только вести точный учет привозному и производившемуся на месте ханшину, но и «установить внешние признаки, отличающие поступающий в продажу ханшин от алкоголя всякого другого изготовления».

Китайское правительство брало на себя обязательство провести аналогичные меры «против алкоголизма» в зоне отчуждения КВЖД, по мере получения надлежащего уведомления от управления дороги. Чтобы распространить положения соглашения на иностранных подданных в зоне отчуждения КВЖД, открытой для иностранной торговли, российское и китайское правительства договорились сначала обсудить этот вопрос с правительствами иностранных держав.

В заключение китайские власти брали на себя обязательство не препятствовать, а, напротив, оказывать всяческое содействие русским чинам, если возникнет необходимость посетить пограничные районы указанных в соглашении провинций для получения каких-либо сведений. Русские же власти, со своей стороны, обещали сообщать о том заблаговременно. Кроме того, по просьбе русских властей ответственные китайские учреждения должны были предоставлять в их распоряжение все необходимые подробные справки «по делу борьбы с алкоголизмом» и «следить за тем, чтобы постановления настоящего соглашения никем не нарушались» [6. Л. 454—457].

Соглашение было подписано императорским российским генеральным консулом в Харбине В. Траутшольдом и комиссаром по иностранным делам Ли Хунмо.

Спустя некоторое время, 27 июня 1916 г., российский посланник в Пекине и китайский управляющий Министерством иностранных дел обменялись нотами, из которых следовало, что русское и китайское правительства утвердили харбинское соглашение и договорились, что оно вступит в силу через два месяца, то есть 27 августа. Здесь же содержался и окончательный вариант пятой статьи, которая была отредактирована следующим образом: «Перевозка на судах по р. Сунгари от Харбина до впадения ее в Амур в качестве товара всякого спирта в каких бы то ни было количествах воспрещается. Воспрещение это не распространяется ни на ханшин, ни на остальные вина» [6. Л. 455]. Именно такую редакцию статьи, считая упоминание о Сунгари очень важным, упорно отстаивал В. Траутшольд в спорах с китайцами, которые предлагали такой ва-

риант: «Всякая перевозка по рекам Амурского бассейна, севернее Китайской Восточной железной дороги, спирта, водки и водочных изделий в каких бы то ни было количествах, как на судах, так и всякими другими способами, как в летнее, так и в зимнее время воспрещается» [6. Л. 145].

В. Траутшольд был очень доволен итоговыми результатами. Получив от посланника в Пекине тексты обменных нот, он написал в МИД: «Очень рад, что наша работа, наконец, получила санкцию обоих правительств, что она одобрена целиком без изменений и что единственная спорная статья, пятая, принята в желательной для нас редакции, на которой мы настаивали. Если Харбинское соглашение является лишь детальной разработкой Пекинских нот от 22 августа 1915 г., то 5 статьей мы безусловно приобрели нечто совершенно новое, не предусмотренное теми Пекинскими нотами. В них ведь о р. Сунгари вовсе не упоминалось. ... Одним словом, мы все свое получили, ничего не уступили и остается только надеяться, что соглашение останется не только на бумаге, но принесет те плоды на деле, которых мы от него ожидаем» [6. Л. 48–49].

Позднее это соглашение вошло в «Собрание Узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате» от 19 августа как 1791 статья.

После утверждения соглашения необходимо было довести его содержание до всеобщего сведения. С этой целью для русских подданных в пограничной полосе были изданы консульские обязательные постановления в Айгуне, Харбине и Гирине. Китайское население и китайские суда по Сунгари оповещались распоряжениями китайской администрации, причем договорились, чтобы на китайских нарушителей налагалось взыскание не меньше, чем предусматривалось российскими консульскими постановлениями.

Чтобы судить о том, в каком виде информация о запретах и размерах штрафов доводилась до населения, к качестве примера, приведем полностью содержание обязательного постановления вице-консула в Айгуне от 10 августа 1916 г.: «Императорское Российское Вице-Консульство в Айгуне доводит до всеобщего сведения о нижеследующем: 1) В пределах входящей в Айгуньский консульский округ 50-верстной пограничной с Амурской областью полосы Маньчжурии русским подданным воспрещается: выделка, покупка, продажа, хранение, перевозка и переноска какими бы то ни было способами спирта, спиртных напитков и вин, безразлично какого изготовления; 2) Имеющиеся ко времени сего запрещения в пределах означенной полосы запасы спирта, спиртных напитков и вин, принадлежащие русским подданным, должны быть вывезены за эту полосу в пределы Китая за шестимесячный срок со дня опубликования на-

стоящего обязательного постановления; 3) Подвоз на русских судах в ту же полосу всяких спирта, спиртных напитков и вин, в каких бы то ни было количествах и безразлично какого изготовления, также воспрещается, равно как и всякая перевозка таковых по пограничному водному пространству какими бы то ни было способами, как в летнее, так и в зимнее время; 4) Виновные в нарушении сего русские подданные подвергаются денежному штраф не свыше 500 руб. или аресту до трех месяцев; 5) обнаруженные в нарушении сего постановления: спирт, спиртные напитки и вина, со всеми служащими для изготовления и перевозки аппаратами и принадлежностями, подлежат конфискации и уничтожению; 6) Настоящее постановление вступает в силу с 27 августа (9 сентября) 1916 г. Императорский Российский Вице-Консул В. Никитин» [10. Л. 14].

Подписанное соглашение современники восприняли неоднозначно. Одни скептически относились к нему, в духе Хорвата, не верили в возможность его практического осуществления, считая, что «ограничительные меры ущерб нанесут, но не дадут реальных компенсаций». Другие понимали, что это соглашение, конечно, не сможет «вполне гарантировать нас, что контрабандного водворения спирта в наши пределы из Маньчжурии более не будет», но надеялись, что оно хотя бы «затруднит доставку» алкоголя, а самое главное - с помощью усиления уездной полиции и увеличения штатов корчемной стражи откроет возможность «успешной борьбы с этим злом». Трудно судить о реальных последствиях соглашения и эффективности предпринятых на его основе ограничительных мероприятий, поскольку история не отпустила времени, чтобы проверить, чья оценка оказалась ближе к действительности. Во всяком случае, даже несмотря на то, что соглашение опоздало к началу навигации, по свидетельству земельного отдела КВЖД, количество спирта, отправленного на Амур весной-летом 1916 г., значительно сократилось по сравнению с прежними годами благодаря одному только слуху о том, что в течение лета может последовать запрещение перевозки спирта и торговли им в пограничной полосе. Как справедливо на это отреагировал В. Траутшольд: «Вот уже первый благой результат нового соглашения» [6. Л. 49].

ЛИТЕРАТУРА

- 1. РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 923.
- 2. РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1153.
- 3. Амурский край. 1909. 7 окт.
- 4. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1865-1898. СПб., 1900.
- 5. ГАХК. Ф. И-13. On. 1. Д. 1.
- АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1754.
- 7. РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 24.

- РГИА. Ф. 395. Оп. 2. Д. 3169-д.
 Сорокина Т.Н. Из истории борьбы с опискурением на русском Дальнем Востоке в 1910–1915 гг. // Исторический ежегодник. Омск, 1996.
 ГААО. Ф. 53-и. Оп. 1. Д. 12.

УДК 321.6

Ю.П. Родионов

УЧАСТИЕ СИБИРСКИХ ДЕПУТАТОВ В РАБОТЕ ІІ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

Показаны основные составляющие работы сибирских депутатов во II Государственной думе.

Выборы во II Государственную думу в 1907 г. проходили по тому же избирательному закону, что и в I Думу, а следовательно, не изменилась норма представительства от Западной и Восточной Сибири. Население Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Забайкальской и Акмолинской областей, в том числе бурятское и киргизское (казахское), станиц Забайкальского и Сибирского казачьих войск имели право послать в Думу 20 депутатов. Для такого огромного края, каким была Сибирь, представительство мизерное. Пренебрежительное отношение к восточной окраине со стороны центральной власти проявилось не только в этом. Сроки выборов определялись таким образом, что высшее законодательное учреждение страны начинало свою работу в отсутствие основной части «депутатского корпуса» от Сибири. Если применительно к I Государственной думе несинхронность выборных кампаний в Сибири, на Дальнем Востоке, в Средней Азии (т.н. степных областях) и в Европейской России в определенной мере можно объяснить запоздалым обнародованием нормативной базы выборов для азиатской части империи, то в 1907 г. и это, в целом малоубедительное, объяснение лишалось оснований. Совершенно очевидно, что выборы в Государственную думу логично вписывались в общее направление национально-региональной политики царского правительства.

К началу апреля 1907 г., т.е. спустя полтора месяца со дня открытия думских заседаний, в Петербург приехали 10 депутатов от Сибири — половина состава: четверо из Тобольской губернии: Т.В. Алексеев, Ф.И. Байдаков. В.В. Колокольников, Н.Л. Скалозубов; двое — из Акмолинской области: А.К. Виноградов, Ш. Кощегулов; один — из Семипалатинской области как представитель войскового населения Акмолинской, Семипалатинской областей и Томской губернии: И.П. Лаптев; двое — из Енисейской губернии: А.И. Бриллиантов, И.К. Юдин; один — из Иркутска: В.Е. Мандельберг. Всего в Государственную думу, по данным на 6 апреля 1907 г., прибыли 505 депутатов из 524 [1. Л. 1].

В Петербурге депутаты-сибиряки рассредоточились по разным квартирам, причем бывшие чиновники В.В. Колокольников и Н.Л. Скалозубов поселились вместе; их примеру последовали крестьяне Т.В. Алексеев

и Ф.И. Байдаков. И только священник А.И. Бриллиантов предпочел гостиничные апартаменты, прописавшись на Невском проспекте в гостинице «Париж». В течение апреля—мая прибыли другие депутаты края, за исключением томичей Е.Ф. Шишкина и П.В. Вологодского, так и не переступивших порога Таврического дворца до второго июня 1907 г., когда при закрытых дверях состоялось последнее, 53-е заседание ІІ Государственной думы.

Согласно установившейся в І Думе процедуре, депутаты по прибытии должны были заявить о своей партийной принадлежности или сочувствии той или иной политической партии, равно как и о своей беспартийности. На основании сообщенных парламентариями сведений канцелярия Государственной думы подготовила список депутатов, распределив их по фракциям. Сибирские депутаты были включены в состав восьми официально зарегистрированных думских объединений: «Социал-демократическая фракция и примыкающие к ней» (численность 65 чел.) — А.К. Виноградов. В.Е. Мандельберг, И.К. Юдин; «фракция социалистов-революционеров и примыкающие к ней» (37 чел.) — А.И. Бриллиантов; «народно-социалистическая фракция и примыкающие к ней» (16 чел.) — В.В. Колокольников, Н.Л. Скалозубов; «трудовая группа и фракция всероссийского крестьянского союза и примыкающие к ним» (104 чел.) — Т.В. Алексеев, Ф.И. Байдаков. А.Г. Мягкий (Томская губерния), К.И. Иванов (Иркутская губ.); «мусульманская фракция» (30 чел.) — П. Кощегулов; «конституционно-демократическая партия и примыкающие к ней» (98 чел.) — Д.А. Кочнев, Б.-Д. Очиров. С.А. Таскин (все Забайкальская обл.). Н.Н. Розин (Томская губ.); «казачья группа» (17 чел.) — И.П. Лаптев (Сибирское казачье войско); «группа беспартийных» (50 чел.) — Я.А. Ревякин, Д.М. Тобоков (Томская губ.).

По инициативе ряда сибирских депутатов была сформирована си-

По инициативе ряда сибирских депутатов была сформирована сибирская парламентская группа, не получившая, правда, статуса фракции. Но в этом были и преимущества, на которые указывал И.П. Лаптев в своих «письмах», помещенных в журнале «Сибирские вопросы» (12 писем опубликованы за подписью «И.П.», но не вызывает сомнений, что их автором являлся Иннокентий Павлович Лаптев, использовавший в качестве литературного псевдонима собственные инициалы). Сибирские депутаты, отмечал он во втором «письме другу» от 25 марта 1905 г., богаче интеллектуальными силами, чем депутаты Европейской России, и поэтому представлены в большинстве комиссий. Если бы сибиряки объединились во фракцию по критерию землячества, то их представительство в думских комиссиях, по установленным правилам, сократилось [2. С. 34].

Депутаты от Сибири оказались избранными на общем собрании Государственной думы в состав 12 комиссий, некоторые — в несколько комиссий. Н.Л. Скалозубов удостоился чести работать в бюджетной комиссии, В.В. Колокольников и И.П. Лаптев — в финансовой, А.К. Виноградов — в библиотечной, имевших статус постоянных комиссий Государственной думы. Из временных комиссий (их было 9) сибирские депутаты работали как равноправные члены в 7, созданных для рассмотрения ряда важных законопроектов: о неприкосновенности личности (Виноградов); о преобразовании местного суда (Байдаков); законопроектов, направленных к осуществлению свободы совести (Алексеев, Скалозубов); по церковному законодательству (Бриллиантов, Кочнев); об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых и ремесленных заведениях (Мандельберг, избран секретарем комиссии; по народному образованию (Иванов, Таскин); в аграрную комиссию вошли И.П. Лаптев и Н.Л. Скалозубов. Кроме того, сибирские депутаты были включены в состав двух комиссий, созданных для выполнения специальных поручений Государственной думы: продовольственной (Виноградов) и для рассмотрения вопроса о приемлемости обсуждения Государственной думой законопроекта об амнистии (Розин). Активностью своих членов отличалась бюджетная комиссия, провед-

Активностью своих членов отличалась бюджетная комиссия, проведшая 16 общих заседаний, 50 заседаний подкомиссий (их было образовано 8). Комиссия поручила Н.Л. Скалозубову выступить на пленарном заседании Государственной думы в качестве докладчика. Такое выступление состоялось 18 мая 1907 г. вечернее пленарное заседание превратилось в «думский бенефис» Н.Л. Скалозубова, который 7 раз поднимался на трибуну. Он, в частности, сказал: «Наша отдаленная Сибирь не виновата, что не имеет самоуправления, что она сама не может управиться своими собственными средствами, не может сама свои собственные хозяйственные нужды удовлетворять; не виновата она, что эти вопросы мелкие, чисто местного значения, разрешаются за пять тысяч верст от того места, для которого они имеют значение» [3. Стб. 875].

которого они имеют значение» [3. Стб. 875].

Докладывая Государственной думе о результатах обсуждения в бюджетной комиссии законопроекта Министерства путей сообщения о судоходстве по Байкалу, Н.Л. Скалозубов сообщил, что комиссия отклонила законопроект (9 голосами против 6). «Но я должен сказать, что после окончания работы бюджетной комиссии одним из членов Думы, представителем из Сибири, получены некоторые дополнительные сведения, которые, вероятно, будут здесь оглашены» [3. Стб. 875]. Представителем оказался Д.А. Кочнев из Забайкальской области, пожелавший выступить сразу после доклада Н.Л. Скалозубова. Депутат Кочнев изложил содержание полученной им телеграммы и призвал парламентариев «в видах

интересов местного населения» поддержать предложение Министерства путей сообщения о выделении сибирякам кредита. Все «пароходные» законопроекты передавались в редакционную комиссию, откуда они вновь вернулись в общее собрание Думы и были утверждены 29 мая 1907 г.

В вопросе о выделении кредитов на организацию срочного пароходного сообщения не все сибирские депутаты занимали такую позицию, как Н.Л. Скалозубов и Д.А. Кочнев. Особого подхода придерживались социал-демократы. На заседании 18 мая 1907 г. депутат от Иркутска В.Е. Мандельберг выступал не от своего имени, а по поручению социалдемократической фракции. Он заявил: «...мы должны заключение такого рода контрактов предоставить органам местного самоуправления». Прерывая оратора, из зала прозвучала реплика, что в том-то и дело, что в Сибири отсутствует земство. (Именно отсутствие земства имел в виду Н.Л. Скалозубов, предлагая согласиться с министерскими проектами). Но В.Е. Мандельберг был невозмутим: «Я обращаю внимание Государственной Думы на то положение, в которое нас ставит наше правительство путем внесения таких контрактов, таких мелких дел в тот момент, когда уже действительно налицо является серьезная потребность населения. Это обстоятельство заставило нас, социал-демократов, воздержаться при голосовании кредита...» [3. Стб. 858].

По части риторики В.Е. Мандельберг оказался самым активным сибирским депутатом. Причем, он просил слова в основном в пропагандистских целях; конструктивной критикой его выступления не отличались. Разве не популистским являлось предложение Мандельберга создать комиссию, «которая бы взяла в свои руки все переселенческое дело», прозвучавшее на общем собрании Думы 24 мая 1907 г., посвященном разъяснениям главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Б.А. Васильчикова по существу депутатского запроса от 17 апреля и думской дискуссии об организации правительством переселенческого движения?!

Приемы защиты народных интересов, использовавшиеся В.Е. Мандельбергом, не были типичными для представителей сибирских губерний и областей. Нагляднее всего их солидарность в отстаивании социальноэкономических прав местного населения проявилась в вопросе о переселенческой политике правительства. 6 апреля 1907 г. на имя председателя Государственной думы поступило срочное заявление, под которым стояли подписи 36 депутатов. Инициаторами его принятия стали депутаты Тобольской губернии (Скалозубов, Байдаков, Алексеев, Колокольников), Сибирского казачьего войска (Лаптев), Акмолинской области (Кощегулов, Виноградов) и Семипалатинской области (Коншин). Депутаты не ставили под сомнение целесообразность переселенческого движения в восточные районы страны. В запросе была поднята другая проблема: сбалансированного подхода к задаче переселения, максимального учета интересов старожильческого населения в местах водворения новоселов из Европейской России. Позиция сибирских депутатов не была понятна и многим их «парламентским коллегам». Не случайно, Н.Л. Скалозубов, поднявшись на трибуну для критики разъяснений Б.А. Васильчикова, находился на ней значительно больше времени, чем его высокопоставленный оппонент. Николай Лукич заявил, что ему и его товарищам обидно слышать в кулуарах Думы вопрос: «Неужели вы, сибиряки, протестуете против переселения в Сибирь? Неужели в Сибири тесно? Неужели переселение должно прекратиться?» [3. Стб. 1113].

Обвинения в региональном эгоизме тобольский депутат отвел от себя и своих земляков, работавших в Государственной думе, как беспочвенные: «...мы, сибиряки, протестуем не против правильной колонизации, она необходима для Сибири, она ее оживит, - мы протестуем против того беспорядочного, хаотического переселения, которое в настоящее время ведется.... теперь происходит устройство в Сибири не переселенцев, а переселенческих чиновников» [3. Стб. 1113]. Широко распространенное мнение об огромных площадях никем не занятых земель в крае Н.Л. Скалозубов назвал легендой. Со знанием дела вчерашний губернский агроном на конкретном материале убеждал парламентскую аудиторию (не князя же Васильчикова!) во взвешенности и обоснованности такого вывода. По глубине анализа ситуации это было не рядовое участие в прениях, а выступление на уровне доклада. В конце продолжительной речи Н.Л. Скалозубов в качестве квинтэссенции прозвучавших из его уст рассуждений отметил, что «нормальная колонизация Сибири будет возможна лишь с организацией общественной жизни в Сибири, с введением здесь земского самоуправления, уже обещанного Высочайшим рескриптом на имя графа Кутайсова» [3. Стб. 1132].

Свое отношение к разъяснениям главноуправляющего землеустройством и земледелием по запросу успели выразить трое депутатов, двое из них — представители Сибири (Н.Л. Скалозубов и В.Е. Мандельберг). Но в конце концов Мандельберг не удержался и поспешил напомнить о себе как социал-демократе: «Пока этот строй будет существовать, пока будет капиталистический строй, до тех пор будет и переселение, до тех пор будет и эмиграция, до тех пор безработные и безземельные будут искать в далеких странах работы и земли» [3. Стб. 1135—1136]. Поскольку капитализм не собирался уйти с исторической арены даже под напором революционных сил 1905—1907 гг., В.Е. Мандельберг счел уместным выдви-

нуть идею (абсолютно бесперспективную) создания парламентской комиссии, ответственной за организацию переселенческого дела.

Согласно регламенту, после выступления того или иного члена правительства по существу депутатского запроса и непродолжительной дискуссии принималась одна из нескольких предложенных думскими объединениями «формул перехода к очередным делам». На 46-м заседании 24 мая 1907 г. на голосование были вынесены две «формулы». Первым поступило следующее предложение: «Признавая объяснения, данные представителем правительства, удовлетворительными, Государственная Дума переходит к очередным делам». С такой оценкой переселенческой политики правительства Столыпина депутаты-сибиряки не согласились. В их «формуле» акценты расставлены иначе: «Признавая разъяснения, данные главноуправляющим земледелием и землеустройством по вопросу относительно мер, принятых к ускорению образования переселенческих участков в Сибири, недостаточными, а мероприятия главного управления по организации переселенческого дела не обеспечивающими интересы переселенцев и нарушающими интересы коренного сибирского населения, Государственная Дума переходит к очередным делам» [3. Стб. 1137-1138]. Принятие предложения сибирских депутатов справедливо было воспринято самими депутатами и общественностью Сибири как моральная победа, пусть и небольшая, народных представителей огромной окраинной территории России.

По поручению бюджетной комиссии II Государственной думы Н.Л. Скалозубов подготовил проект доклада по смете Переселенческого управления ГУЗиЗ, который, однако, не был внесен на общее собрание по причине роспуска Думы 3 июня 1907 г. Документ разработан основательно, о чем свидетельствует и внешний показатель: количество страниц, отпечатанных типографским способом, - свыше 35. Н.Л. Скалозубов называет источники бюджетной экономии: сокращение чиновничьего аппарата переселенческого ведомства, прекращение финансирования изданий справочного характера по переселению и плакатной продукции, так как в них содержалась информация о якобы свободных участках, вводившая в заблуждение многих переселенцев. В настоящее время, убеждает автор, устройство новоселов совершается в порядке опеки над ними: людей устраивают вместо того, чтобы помогать им устраиваться. «Отрицательные результаты такой системы сказываются громадным процентом фактически неустроенных переселенцев» [4. С. 295]. Н.Л. Скалозубов вновь высказывает убеждение в необходимости привлечения земств к организации переселений. В связи с этим, по его мнению, актуализируется проблема введения земских учреждений в Сибири: «будущие земства Сибири должны, при содействии правительства, принять на себя заботы о водворении новоселов и организовать им помощь, кредитную, агрономическую и врачебную» [4. С. 330].

Интересной и показательной представляется практическая рекомендация Н.Л. Скалозубова, сформулированная в конце его проекта. Государственной думе предлагается законодательно оформить создание специальной парламентской комиссии по переселенческому делу. Не заимствовал ли Скалозубов идею, озвученную Мандельбергом 24 мая 1907 г.? Соображения тобольского и иркутского депутатов схожи только внешне. Н.Л. Скалозубов в компетенцию комиссии включал не «все переселенческое дело», как настаивал социал-демократ В.Е. Мандельберг, а две задачи: выяснение объективного положения дел в этой сфере и разграничение полномочий правительства и местных органов самоуправления, а также определение тех мероприятий, которые «можно предоставить с успехом для дела частной инициативе» [4. С. 330]. Предложения Скалозубова, таким образом, вписываются в то направление деятельности депутатов, которое квалифицируется как «органическая работа», а заявление Мандельберга подходит в качестве иллюстрации использования думской трибуны в пропагандистских целях политической партии.

II Государственная Дума просуществовала 103 дня, а парламентский отрезок биографии сибирских депутатов оказался короче этого небольшого периода. Правда, опыт думской работы Н.Л. Скалозубова и А.Г. Мягкого получил продолжение в следующей, III Думе. С.А. Таскин вернулся в залы Таврического дворца спустя 5 лет, имея мандат депутата Государственной думы четвертого созыва. И.П. Лаптев не оставил общественной деятельности и в 1915 г. стал выборным членом Государственного совета. «Думская школа» 1906—1907 гг. (I и II Государственные думы) явилась важным этапом в формировании Иннокентия Павловича Лаптева как политического деятеля.

Провокация в отношении социал-демократической фракции, обвиненной в подготовке антиправительственного военного заговора, не только разрушила общественную карьеру А.К. Виноградова. И.К. Юдина и В.Е. Мандельберга, но и лишила их права распоряжаться собственной судьбой. По решению суда бывшие депутаты оказались на каторге. «Вы знаете, что Виноградов... в Сибири, в Александровской каторжной тюрьме? – спрашивал в письме житель Омска, некий «Е.В.Б.» своего знакомого, студента Томского технологического института в феврале 1910 г. – туда послали его мы, прогрессивные люди. Мы изуродовали ему жизнь. Благодаря нам, его жена и мать его ребенка голодала».

Яркий след в памяти многих современников, депутатов II Государственной думы и журналистов, аккредитованных в парламентском прессцентре, оставил священник А.И. Бриллиантов. Его обличение карательной политики царского правительства, произнесенные 7 мая 1907 г. при обсуждении разъяснений министра юстиции по запросу об истязаниях политических заключенных Алгачинской тюрьмы, взбудоражили и правую, и левую части зала заседаний. «Мой сан и крест, принятый мною на себя, - отметил депутат Енисейской губернии, - заставляют сказать господам министрам, что всякое правительство, не считающееся ни с требованием народных представителей, ни с общественным мнением, всякое правительство, основанное только на насилии и произволе, правительство, мстящее своим пленникам, такое правительство непрочно: его сила, его оружие могут обратиться против него самого. Но и тогда, когда роли переменятся, - когда, быть может, угнетаемый народ станет господином, получит свои права, и тогда народ не будет мстить своим притеснителям за все их злодеяния. (...) Пусть министры не боятся народа» [3. Стб. 272-273]. Священник А.И. Бриллиантов, записавшийся в Думе во фракцию социалистов-революционеров, отказывался, как явствует из его выступления, приносить нравственные принципы на алтарь партийной борьбы.

Сибирские депутаты, получившие от избирателей пропуск в Государственную думу второго созыва, оправдывали народное доверие поразному, в силу своих природных способностей и своего понимания приоритетных направлений парламентской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. (П Созыв). Д. 141.
- 2. Сибирские вопросы. 1907. № 4.
- Государственная дума. Стенографические отчеты. Второй созыв. Сессия вторая. Т. II. СПб., 1907.
- Доклады бюджетной комиссии второй Государственной Думы (нерассмотренные Думой вследствие ее роспуска). СПб., 1907.

УДК 1.32

Э.Р. Кадиков

ПРОТИВОБОРСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ И СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В ОМСКЕ В 1911 г.

На примере Омска рассматривается специфика взаимоотношений органов политического сыска и социалистов-революционеров в 1911 г.

Сохранившиеся в Государственном архиве Омской области документы жандармского делопроизводства свидетельствуют о непростом характере взаимоотношений политической полиции и местных представителей партии социалистов-революционеров (ПСР) в 1911 г. После ликвидации организации социалистов-революционеров в Омске в июле 1909 г. (признанной «охранкой», несмотря на арест 36 человек, неудачной вследствие действий секретного сотрудника «Ивана», который будто бы предупредил товарищей по партии о предстоящих обысках и арестах [1. Т. І. Л. 98] жандармы продолжали следить за лицами, разделяющими идеологию ПСР. В течение всего последующего 1910 г. полиция контролировала ситуацию с помощью наружного наблюдения и внутренней агентуры в лице секретных сотрудников «Львова», «Омича» и «Владимирова» [1. Т. І. Л. 24, 86, 118, 137, 143; Т. И. Л. 294, 296]. Год для властей прошел спокойно, само наружное наблюдение за отсутствием необходимости велось изредка. Однако жандармы не смогли предотвратить активизацию деятельности эсеров. В феврале 1911 г. начальник Омского жандармского управления (ОЖУ) полковник Отдельного корпуса жандармов А.П. Орлов получил от своих секретных сотрудников сведения, что к пятидесятилетию освобождения крестьян от крепостной зависимости местные эсеры предполагают выпустить прокламации. Благодаря принятым мерам никаких выступлений противоправительственного характера в общественных местах (городском театре, общественном собрании, коммерческом клубе) не произошло, однако под утро на улицах города были разбросаны и частью расклеены в небольшом количестве прокламации издания Омского комитета ПСР «19 февраля». Причем до этого они уже распространялись в Пушкинской библиотеке [2. Л. 91. Большая же часть листовок была распространена на танцевальном вечере в Омской Центральной фельдшерской школе. По заявлению секретной агентуры, директором школы доктором медицины К.И. Тарутиным было отобрано около 100 экземпляров прокламаций, которые он приказал сжечь [3. Л. 52].

В целях обнаружения виновных жандармы произвели обыски у отдельных лиц, задействовали секретную агентуру и выявили связь социа-

листов-революционеров с редакцией газеты «Омский Вестник» и типографией «Иртыш». Стало известно, например, что листовка была отпечатана там в ночь на 17 февраля 1911 г. после окончания работ [3. Л. 45, 53]. В ночь же с 11 на 12 марта из «Сибирской типографии» рабочим наборщиком П.П. Касенко были похищены типографские принадлежности. Одновременно в Омске была распространена гектографированная прокламация под заглавием «Хлеб и Воля», адресованная ко всем гражданам. И хотя листовка была выпущена от имени «труппы анархистов коммунистов», полковник А.П. Орлов усмотрел, что почерк писавшего прокламацию схож с почерком одного из активных деятелей эсеровского подполья М.М. Федорова, скрывшегося из своей квартиры после выпуска прокламаций «19 Февраля». По объяснению его матери, он уехал в Петербург, между тем агентура указала, что М.М. Федоров скрывался на Атаманском хуторе и, как только становилось темно, приезжал по ветке в город и почти ежедневно бывал в квартире служащего сотрудником в газете «Омский Вестник» П.Ф. Михайлова [2. Л. 9]. Также полицией были получены сведения, что непосредственное участие в печатании прокламаций «19 Февраля» принимал наборщик типографии «Иртыш» В.А. Шевелев.

В.А. Шевелев.
Опираясь на полученные данные, 14 марта полковник А.П. Орлов на основании «Положения об усиленной охране» постановил произвести в квартирах М.М. Федорова, П.Ф. Михайлова и В.А. Шевелева обыск [2. Л. 9], который состоял вечером того же дня. Во время обыска у П.Ф. Михайлова агентура дала знать начальнику ОЖУ, что в городе предполагается разбрасывание новой прокламации, а прибежавшие филеры передали ему листовки «К молодежи». Тогда же агентура указала на лиц, причастных к данной акции: рабочий-наборщик В.А. Шевелев с землемером А.Л. Бессоновым печатали, учитель Н.П. Басов составлял текст прокламации, нелегальный Г.П. Михайлов разбрасывал их, а П.П. Касенко с И.А. Горошковым, служащие в «Сибирской типографии», украли типографские принадлежности [2. Л. 32]. Прокламации не расклеивались, а были в количестве до 100 штук разбросаны в основном в той части города, где и проживали местные эсеры. На основании новых агентурных сведений и добытых филерскими наблюдениями данных жандармы продолжили обыски, расширив круг обыскиваемых лиц. В результате у В.А. Шевелева была найдена совершенно свежая типографская краска и написанный «Устав союза рабочих печатного дела», у живущего с ним в одной комнате Г.П. Михайлова ничего преступного не было найдено, но «он с 8 часов вечера до 12 часов ночи неизвестно где был, хотя и представил доказательства, но таковые не заслуживают доверия». У землеме-

ра Переселенческого Управления Акмолинского района А.Л. Бессонова была обнаружена партийная библиотека социал-демократов и социалистов-революционеров в количестве 119 тенденциозных и запрещенных книг и брошюр. А.Л. Бессонов объяснил, что книги покупал из любви к чтению, на самом же деле, по мнению А.П. Орлова, он имел намерение во время летних работ в области распространять их среди населения. Занимающийся преподаванием Н.П. Басов оказался нелегальным и назвался поначалу Ф.А. Вольфовичем, но затем выяснилось, что он является скрывшимся с места водворения ссыльнопоселенцем А. Брудерером. У П.П. Касенко и И.А. Горошкова похищенных типографских принадлежностей найти не удалось, между тем сторож «Сибирской типографии» Остапчук утверждал, что именно они украли принадлежности [2. Л. 32]. В итоге названные 6 человек были 15 марта арестованы, на следующий день был задержан также подозреваемый в печатании и разбрасывании прокламации М.С. Трофимов. 21 марта М.С. Трофимов и Г.П. Михайлов были отпущены.

По делу о распространении эсеровских листовок омской «охранкой» были возбуждены формальные дознания: 1) «об обнаружении виновных в составлении и разбрасывании прокламаций ПСР под заглавием "19 Февраля"», 2) «об обнаружении виновных в составлении и разбрасывании прокламации 14 Марта текущего года ПСР под заглавием "К молодежи"». Однако собравшееся 5 апреля 1911 г. Акмолинское губернское совещание, поочередно рассмотрев внесенные начальником ОЖУ по предложению прокурора Омского окружного суда дознания, постановило их дальнейшим производством прекратить. Первое — за необнаружением виновных [3. Л. 94], второе — за совершенною недостаточностью фактических данных, собранных против заподозренных В.А. Шевелева, П.П. Касенко, А.Л. Бессонова, И.А. Горошкова и Ф.А. Вольфовича [2. Л. 88]. Все они подлежали освобождению из-под стражи. Между тем, имевшиеся в распоряжении жандармов сведения подтверждали, что первые трое принимали самое деятельное участие в печатании и разбрасывании прокламаций. Поэтому полковник А.П. Орлов обратился к Акмолинскому губернатору с просьбой о возбуждении ходатайства об административной высылке их из пределов Степного генерал-губернаторства на два года [2. Л. 89]. Ходатайство было удовлетворено — по распоряжению министра внутренних дел все обвиняемые были в административном порядке высланы сроком на три года в северные уезды Тобольской губернии под гласный надзор полиции [2. Л. 174].

Таким образом, жандармам все же удалось нанести ощутимый удар по местной организации ПСР. Вследствие действий «охранки» между ос-

тавшимися не арестованными членами подполья «произошел переполох» и предназначенные к выпуску прокламации под заглавием к «Рабочим», «Крестьянам» и «Солдатам» не были выпущены [4. Л. 160]. Немалую «Крестьянам» и «Солдатам» не были выпущены [4. Л. 160]. Немалую роль в дезорганизации местных эсеров сыграло также взятие партийной типографии. Как только полиции стало известно, что омские мещане братья Лавровы, принадлежа к ПСР, предполагают выкопать зарытую в лесу в 3-х верстах от города типографию и с 1 мая начать выпускать прокламации [4. Л. 66, 67], силы ОЖУ были брошены на ее поиск. И уже 8 апреля служба наружного наблюдения, разрабатывая данные сотрудника «Белого», обнаружила типографию. Вместе с тем подобные неудачи не смогли полностью парализовать деятельность социалистов-революционеров. Оставшийся на свободе омский мещанин М.М. Федоров продолжил постепенно формировать местную организацию ПСР новыми лицами, преимущественно из молодежи [4. Л. 160]. Именно на его квартире вечером 13 апреля состоялась партийная схолка, на которой, вероятно ми, преимущественно из молодежи [4. Л. 160]. Именно на его квартире вечером 13 апреля состоялась партийная сходка, на которой, вероятно, обсуждалось взятие жандармами типографии и возможные дальнейшие действия [5. Л. 28–29]. Спустя некоторое время М.М. Федоров написал черновую прокламацию под заглавием «К рабочим» и передал ее товарищам для прочтения и одобрения [6. Л. 23], настаивая на выпуске к 1 мая. Он также предполагал поехать в Томск для получения указаний от Областного комитета ПСР относительно ведения пропаганды в Омске летом 1911 г. по случаю предстоящей Западно-Сибирской торговопромышленной выставки, на которую ожидался большой съезд партийных лиц [5. Л. 44–45].

ных лиц [5. Л. 44—45].

В ходе проведенных операций «охранкой» была приобретена новая секретная агентура. Буквально сразу же согласился сотрудничать с жандармами крестьянин Курганского уезда Тобольской губернии М.С. Трофимов, работавший типографским наборщиком и переплетчиком в убежище для бедных детей. Мотивы его поступка неизвестны. Можно лишь предположить, что, во-первых, 26-летний М.С. Трофимов был далек от столь свойственного молодому поколению радикализма, во-вторых, ему, в отличие от большинства товарищей по организации, было что терять он был женат и имел двоих детей [7. Л. 8]. Благодаря М.С. Трофимову, получившему жандармскую кличку «Защитник», ОЖУ было информировано не только о деятельности, но и обо всех намерениях Омской организации ПСР. Однако работа этого сотрудника была далеко не идеальной. Начальник Томского охранного отделения ротмистр Д.И. Знаменский замечал полковнику А.П. Орлову, что «Защитник» порой преувеличивает сведения [4. Л. 148], а некоторые получаемые от него данные вообще не отвечают действительности. В частности, 12 августа 1911 г. по поводу

предоставленной М.С. Трофимовым информации об ожидаемой поездке члена Сибирского Областного комитета ПСР в Омск и приезде в Томск нелегального Н.И. Бердюгина ротмистр заявил, что сведения эти ложны и даны «Защитником» с целью показать свое значение как секретного сотрудника, более осведомленного с делами Омской организации ПСР, чем это есть в действительности. По твердому убеждению Д.И. Знаменского, М.С. Трофимов старался «дать сведений более чем он может, и такого содержания, которое для него непонятно, а потому и не достижимо» [4. Л. 171]. После ликвидации эсеровского подполья в Омске в декабре 1911 г. «Защитник» был разоблачен. В январе 1912 г. в городе были распространены составленные А.К. Поповым гектографированные прокламации «На суд общества», в которых сообщалось о провокаторской роли М.С. Трофимова [8. Л. 3].

Секретным сотрудником стал и арестованный А.Л. Бессонов, доставлявшийся на допросы в ОЖУ восемь раз [2. Л. 79, 84, 104, 108, 120, 124, 128, 131]. О чем на этих встречах шел разговор и как «охранке» в конце концов удалось сломать «хранителя» партийной библиотеки – неизвестно. Но именно в это время А.Л. Бессонов пошел на сотрудничество с полицией, получив псевдоним «Спокойный» [9. С. 78], и был выслан в административном порядке не в северные уезды Тобольской губернии, как официально заявлялось, а в находящийся в непосредственной близости от Омска Тюкалинский уезд, в связи с чем уже после высылки в Нарымский край М.М. Федорова воспринимался оставшимися эсерами в качестве «главы партии» [10. Л. 36]. В борьбе с социалистами-революционерами ОЖУ помогала также томская агентура, в первую очередь в лице активнейшего члена Сибирского областного комитета ПСР Г.П. Плотникова, осуществлявшего координацию связей местных эсеров с организациями в других городах края [11. С. 113]. Благодаря ему омские жандармы оказались хорошо осведомлены о поездке М.М. Федорова в Томск в начале мая 1911 г. Ротмистр Д.И. Знаменский сообщал полковнику А.П. Орлову, что М.М. Федоров поведал томским эсерам о бывшем и настоящем составе Омской организации ПСР, обращался к ним с просьбой оказать денежную помощь, обеспечить литературой и содействовать в дальнейшей деятельности путем командировки для работы в типографии партийных людей [4. Л. 155–156]. Однако поездка эта закончилась провалом: представитель Омска произвел весьма плохое впечатление на членов Томской организации ПСР, вследствие чего к нему отнеслись с недоверием и отказались от активного участия в деятельности омского эсеровского подполья [4. Л. 148]. Помимо названных выше секретных агентов в следующем, 1912 г., информацию о деятельности местных социалистов-революционеров жандармы получали также от сотрудников «Одинокого» (жандармская кличка О.П. Орлова) и «Дальнего».

Безусловно, местные эсеры не желали мириться со складывающимся положением и не могли спокойно смотреть на столь активную деятельность начальника ОЖУ. По донесению «Защитника», если поначалу социалисты-революционеры предполагали использовать легальные возможности, сотрудничая в органах печати, то впоследствии, «озлобленные» репрессиями против прессы (редактор газеты «Омский Вестник» Корвин-Курковский за напечатанную 19 февраля статью постановлением Степного генерал-губернатора был посажен в тюрьму на 3 месяца, часто на него налагались денежные штрафы, грозили закрытию газеты и типографии «Иртыш») и отсутствием возможности «путем печати вооружить население против правительства», они решили постепенно выпускать прокламации под заглавием к «Молодежи», «Рабочим», «Солдатам» и «Крестьянам» [6. Л. 20-21]. Не исключались и попытки дискредитации личности полковника А.П. Орлова в глазах общественности. Так, 29 марта 1911 г. в газете «Речь» было опубликовано письмо в редакцию под названием «Провокация». Автор корреспонденции отставной чиновник И.Л. Симанин обвинял начальника ОЖУ в противозаконных действиях: в попытке подбросить во время обыска П.Ф. Михайлову прокламации, в провокации по отношению к редакции газеты «Омский Вестник», в угрозе насильственно выселить из города евреев, в поддержании связи «с евреем Гольфером, через посредство которого хотел завести рабочие организации, которые Гольфером и были выдаваемы» [12. Л. 132]. Это же письмо было напечатано 15 апреля 1911 г. во владивостокской газете «Родная Даль». Подобного рода обвинение было серьезным и Департамент полиции отреагировал незамедлительно, запросив А.П. Орлова предоставить «надлежащие по содержанию настоящей заметки сведения» [12. Л. 131]. Однако полковник сравнительно легко доказал несостоятельность предъявленных ему обвинений. Дело в том, что именно во время производства у П.Ф. Михайлова обыска А.П. Орлова вызвал на улицу филер и передал найденные им прокламации «К молодежи». Вернувшись в обыскиваемую квартиру, начальник ОЖУ развернул пачку прокламаций и стал их просматривать, что и было замечено П.Ф. Михайловым. Другими словами, никакого дела из «хранения нелегальной литературы» А.П. Орлов создавать не собирался [12. Л. 130]. Впоследствии арестованный М.М. Федоров сознался, что данная статья есть «ни больше как недоразумение» – ее автор был введен в заблуждение, обвинение же жандармского полковника в намерении через некоего Гольфера создавать организации вообще рабочие является «сплошным

[13. Л. 101]. По словам М.М. Федорова, И.Л. Симанин, возмущаясь действиями начальника ОЖУ и считая себя, будучи членом редакции «Омского Вестника», выразителем общественного мнения, написал на него пасквиль в целях подорвать его авторитет, т.к. А.П. Орлов «не давал сгруппироваться лицам, принадлежащим к ПСР, и при малейшем их движении виновных арестовывал», чем так им «насолил», что они вторично намеревались повести против него кампанию, доведя дело до запроса в Государственную думу, предполагая совершенно убрать его из Омска [13. Л. 100].

Таким образом, противоборство политической полиции и социалистов-революционеров, рассмотренных нами на примере Омска, протекало в непростых условиях. «Охранка» в своей борьбе с эсерами вынуждена была действовать строго в рамках существовавшего в Российской империи законодательства. По крайней мере, из проанализированных документов жандармского делопроизводства нельзя сделать вывод о «выбивании» признательных показаний у арестованных революционеров. Хотя, конечно, злоупотребления и провокации со стороны жандармов отнюдь не исключаются. «Служители правопорядка» знали, что их злоупотребления в любой момент могли быть доведены до общественного мнения. Кроме того, определенную «устрашающую» роль играли и многочисленные убийства наиболее ретивых чиновников, в том числе и полицейских. Революционеры чувствовали поддержку со стороны общества и апеллировали к нему, а также к его выборным представителям в Государственной думе. Однако противостояние это все же было неравным, ведь за жандармами стояло государство, вся мощь которого была задействована в борьбе с революцией. К тому же ряды революционеров являлись далеко не крепким монолитом - среди них находилось немало лиц, по разным мотивам согласных сотрудничать с властью. После же приобретения серьезной агентуры «охранка» без особых усилий могла практически полностью контролировать развитие ситуации. Ситуация в Омске подтверждает наш вывод.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 524.
- 2. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 511.
- 3. ГАОО. Ф. 270. On. 1. Д. 510.
- 4. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 529.
- 5. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 530.
- 6. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 526.
- 7. ГАОО. Ф. 270. On. 1. Д. 523.
- 8. ГАОО, Ф. 270, Оп. 1. Л. 59.

- Курусканова Н.П. О состоянии полиграфической базы эсеровского подполья Сибири в период нового революционного подъема (1911 – 19 июля 1914 гг.) // Человек в меняющемся мире. Омск, 2002.
- 10. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 534.
- 11. Толочко А.П. Сибирский Азеф // Вестник Омского отделения Академии Гуманитарных наук. Омск, 1998. № 3.
- 12. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 419.
- 13. ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 527.

О.В. Чудаков

БОРЬБА ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ С ДОРОГОВИЗНОЙ ЖИЗНИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 – ФЕВРАЛЬ 1917 г.)

Рассматриваются основные направления в деятельности органов городского самоуправления Томской губернии в деле борьбы с дороговизной жизни в годы Первой мировой войны.

В числе многочисленных вопросов, поставленных перед городскими самоуправлениями Западной Сибири военным временем, продовольственный, без сомнения, приобрел наиболее серьезное значение. В крупных городах Западной Сибири, где расположились многочисленные военные гарнизоны и разместились раненые, беженцы и военнопленные, наростала дороговизна жизни.

Признаки надвигавшейся проблемы стали заметны еще с начала войны. В Новониколаевске в первые дни войны началось подорожание продуктов и других товаров народного потребления. Так, местные мукомолы повысили цену на муку на 20 коп. за пуд, владельцы керосиновых складов подняли цены на свой товар с 1 руб. 90 коп. до 2 руб. 35 коп. за пуд [1. С. 89]. С лета 1915 г., а особенно зимой 1915–1916 гг., начинаются сбои в работе местных рынков, что проявилось в недостатке или полном отсутствии таких товаров, как ржаная мука, крупчатка 3 сорта, сахар, керосин, спички, кожа и др. Совершенно исчезли к концу зимы такие необходимые продукты, как картофель, морковь, лук и др. Их можно было достать лишь случайно по ценам, превосходящим нормальные на 200–300 % [2. С. 128].

В Томске первые признаки повышения цен проявились в мае 1915 г., когда мукомолы неожиданно подняли цены на муку на рубубль за мешок. К сентябрю перебои в продаже муки 3 и 4 сорта, которую покупало в основном малообеспеченное население, стали вполне ощутимы. Тогда же стал заметен и рост цен. Если пуд ржи в январе — августе 1914 г. стоил в среднем 50 коп., то в июле 1915 г. — уже 75 коп. Цена ржаной муки поднялась соответственно с 69 коп. до 1 руб. за пуд, а пшеничной — с 99 коп. до 1 руб. 20 коп. [3]. Правда печеный хлеб продавали по неизменным ценам, а мясо, сливочное масло и молоко стали даже дешевле, но ненадолго [4. С. 127].

Сложившаяся с начала войны острая ситуация на рынке выдвинула задачу регулирования торговли продовольствием. Создание продоволь-

ственных комиссий поначалу внушало определенный оптимизм и рождало надежды на перемены в решении продовольственного вопроса. Однако вскоре обнаружилось отсутствие у них какой-либо реальной власти и возможности повлиять на ситуацию. Их деятельность ограничивалась сбором сведений о ценах и запасах продуктов.

Согласно циркуляра министра внутренних дел от 31 июля 1914 г., губернаторам надлежало озаботиться изданием постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости [5. Л. 182]. Одним из первых мероприятий в этой сфере стало установление городскими думами такс — фиксированной цены товаров и продуктов. В Томске в июле и августе 1914 г. городской думой были установлены таксы на печеный хлеб и мясо и со своей стороны гласные просили губернатора «воздействовать» на мукомолов, с целью понижения ими цен на муку [6. Л. 467, 470].

мясо и со своеи стороны гласные просили гуоернатора «воздеиствовать» на мукомолов, с целью понижения ими цен на муку [6. Л. 467, 470].

Однако эти административные меры мало способствовали устранению проблемы дороговизны. Таксируемые предметы исчезали с рынка или переправлялись в места, где такс не было, или их ставки были больше. Введение в Томске в 1915 г. таксы на муку стала причиной того, что местные мукомолы повезли хлеб в Новониколаевск, где цены не были ограничены. Вследствие этого, таксу в Томске пришлось отменить [6. Л. 920, 931].

Городские общественные управления не смогли справиться с дороговизной с помощью установления таксы на предметы первой необходимости также и потому, что в большинстве случаев таксу определяли исходя из учета интересов торговцев. Гласные многих городских дум легко шли на повышение ранее установленных цен. Журнал «Городское дело» отмечал, что в Кузнецке (Томская губерния) губернское правление отменило таксу на муку. В тот же день на рынке сразу появилась мука. Вместо 6 3/4 коп. за фунт 1 сорта муки (цена по таксе) стали назначать за эту же муку 9 1/2 коп. за фунт. Редакция журнала предполагала, что в дальнейшем цена на крупчатную муку повысится до 10 коп. за фунт, а может быть и более. Но население все же осталось удовлетворенным отменой таксы на муку, хоть и дорого, но зато можно было купить муку без обязательства покупать другой, не таксированный товар [7. С. 346].

Разрозненные и не объединенные в продовольственном деле действия административной власти не способствовали нормализации положения с продовольствием. Сытрало свою толь и запрешение вывоза ряда продук.

Разрозненные и не объединенные в продовольственном деле действия административной власти не способствовали нормализации положения с продовольствием. Сыграло свою роль и запрещение вывоза ряда продуктов из одной губернии в другую. «Это была крупная несуразица», — говорил один из гласных Новониколаевской городской думы — «при этой мере оказалось, что товар в одном месте задерживается и обесценивается, в другом месте цена его повышается в несколько раз» [8. С. 346].

Сохраняя значение аграрного региона, некоторые районы Западной Сибири в годы первой мировой войны вынуждены были поставлять продовольствие для армии и центральных районов страны. С началом закупок продовольствия для армии началось и новое подорожание основных продуктов. В частности, совещание при экономическом отделе Всероссийского земского союза в декабре 1916 г. отмечало, что «большой отпуск масла на армию вместе с сокращением производства... вызвал местами масляный голод; цены бешено растут в районах маслоделия Европейской России и задерживаются стеной «твердых цен» в районах Сибири. Торговый аппарат работает ненормально, в Сибири он частично разрушен» [9. Л. 4].

Запрещение вывоза и установление таксировки цен на предметы потребления привели к тому, что многие города оказались на грани полного товарного голода. К сожалению, несмотря на почти повсеместное отрицательное отношение к таксировке, последняя по-прежнему играла определенную роль в деле смягчения продовольственного кризиса. Но, тем не менее, чувствовалась необходимость в иных мерах по борьбе с дороговизной жизни.

Высказываясь за отмену такс, городские самоуправления признали необходимым выступить на борьбу с дороговизной путем организации муниципальных заготовок предметов первой необходимости для продажи их населению по заготовительным ценам. Почти повсеместно в Томской губернии были учреждены городские продовольственные организации, на которые возлагалось проведение продовольственных операций. В распоряжение городских управ и специальных комиссий передавались солидные средства, отпускаемым Особым продовольственным совещанием или получаемые от займов, заключенных в частных кредитных учреждениях под гарантию государственного казначейства. Для правильного распределения товаров среди населения городские власти заключали соглашения с кооперативными обществами. Органы городского самоуправления почти всех городов Западной Сибири продавали заготовленные продукты из городских лавок и из лавок потребительских обществ.

Новониколаевская городская дума в августе 1915 г. признала необходимым организовать продовольственной комиссией продажу мяса и муки дешевых сортов (сеянки, пшеничной и ржаной), потребляемых малообеспеченными слоями населения, а также сахара, чая, соли, керосина и др. На организацию продажи предметов первой необходимости в размерах, предложенных комиссией для урегулирования цен на эти предметы, городская дума подсчитала, что потребуется 1 млн 354 тыс. руб., в связи с чем и ходатайствовала перед Главным продовольственным комитетом [10. Л. 5]. В феврале 1916 г. была предоставлена гарантия государственного казначейства Барнаульскому городскому общественному управлению по займам в частных кредитных учреждениях на сумму не более 500 тыс. руб. для заготовки не только хлеба и мяса, но и других продуктов [10. Л. 71]. В этом же году в Барнауле был организован комитет благотворительной помощи, который занимался продажей товаров первой необходимости неимущему населению по заготовительной цене, а некоторым категориям населения раздавал бесплатно [11. С. 194]. Очень активно действовала барнаульская продовольственная лавка, которая имела в продаже кирпичный чай по цене ниже существующей у частных торговцев. Кроме чая, лавка выписала два вагона каустической соды для нужд мыловарения, цена на которую на местном рынке поднялась крайне высоко — на 350—400% [12. С. 61].

Мариинский городской голова в донесении томскому губернатору отмечал: «Вследствие неурожая всех хлебов и трав в 1915 г. в пределах Мариинского, Ачинского и Томского уездов, цены почти на все предметы первой необходимости растут в Мариинском уезде с небывалой быстротой. Дороговизна предметов потребления, в связи с сокращением работ на приисках, призывом многих работников в ряды армии и снижением торговли, буквально вызывает стоны среди населения» [10. Л. 166]. Городские власти, в связи с этим, приняли решение заключить заем в размере 25 тыс. руб. для городских закупок предметов первой необходимости [10. Л. 180].

В Томске деятельное участие в преодолении дороговизны жизни приняли гласные городской думы. На совещании 9 сентября 1915 г. они обсудили состояние потребительского рынка в городе и наметили ряд мер. По материалам этого совещания городская дума постановила приступить к открытию городских складов дров, муки, крупы, соли, сахара, чая и других необходимых продуктов [10. Л. 17]. На заседании городской думы 22 сентября 1915 г. было принято решение открыть городские хлебопекарни, ассигновав на эти и другие мероприятия 400 тыс. руб., а также возбудить ходатайство перед Главным продовольственным комитетом о выдаче городу на возможно льготных условиях ссуды в размере 200 тыс. руб. на мероприятия по борьбе с дороговизной жизни, а другие 200 тыс. руб. занять в Общественном Сибирском Поповых банке в г. Томске [10. Л. 18].

Однако главная задача продовольственных комиссий — «способствовать нормальному положению рынка, путем конкуренции не допускать искусственного взвинчивания цен, понижением стоимости продуктов доминимума побуждать к тому же частных торговцев» — не была выполнена. Действия комиссий превращались в своего рода благотворительность,

когда, например, заготовленный сахар или топливо продавались по довольно низкой цене.

В марте 1916 г. было начато обсуждение возможности введения карточной системы на предметы первой необходимости. Городское самоуправление Новониколаевска, например, уже 15 августа 1915 г. ввело карточки на сахар; в одни руки продавали не более 2 фунтов, а в начале января 1917 г. были введены карточки на отпуск муки [1. С. 97, 107]. К июлю 1916 г. по сравнению с июлем 1915 г. цены в городе на многие продукты и товары повысились достаточно сильно: мука ржаная — на 150%, мука пшеничная — на 158%, крупа гречневая — на 145%, овсяная — на 221%, мясо скотское — на 87%, мясо баранье — на 96%, картофель — на 153%, яйца — на 158%, сахар — на 45%, дрова — на 119%, обувь — на 300% [1. С. 103].

Ввиду неэффективности действий продовольственной комиссии, Томская городская дума в июне 1916 г. также решила ввести карточки на сахар для более равномерного распределения между горожанами. В январе 1917 г. появились карточки на муку [13. С. 47; 12. С. 91].

Наряду с закупками и распределением продуктов городские самоуправления весной 1916 г. приняли меры по наделению горожан огородной землей, рассматривая это как средство борьбы с дороговизной. В Новониколаевске, например, городская управа выделила бесплатно земельные участки в неограниченных размерах всем желающим заняться огородничеством, исключительно для посева овощей (картофеля, капусты, лука, моркови и пр.) [14. С. 93].

В мае 1916 г. в Томскую продовольственную комиссию обратились члены подобной комиссии в Мариинске. Они писали, что, находясь в законодательно ограниченном круге полномочий, органы городского самоуправления почти бессильны достигнуть «...какого-либо результата в смысле удешевления и достаточного подвоза продуктов хотя бы только первой необходимости» [13. С. 81-82]. Поэтому члены Мариинской продовольственной комиссии предлагали созвать в Томске участников продовольственных комиссий всех городов губернии для объединения их «в деле борьбы с дороговизной». Мерами такой борьбы мариинцы полагали запрещение вывоза продовольствия из губернии, нормирование торговли продовольствием.

План борьбы с дороговизной был намечен Новониколаевским городским общественным управлением. В частности, в докладе городской думы «По вопросу о принятии мер против растущей дороговизны» одним из основных мероприятий должно было стать установление общественного контроля над производством и распределением предметов

первой необходимости с правом принудительного повышения производительности тех предприятий, которые способны вырабатывать большее количество продукта, а также с правом реквизиции в необходимых случаях, как самих предприятий, так и вырабатываемых ими продуктов. Кроме того, предполагалось возбудить ходатайство об издании на время войны закона об ограничении прибыли торговых и промышленных предприятий. По мнению Новониколаевской городской думы, осуществление указанных мер должно было быть поручено городскому и земскому самоуправлению при широком участии всего населения в лице кооперативных, профсоюзных и других общественных организаций на местах [15. С. 196–197].

Муниципальные заготовки, несомненно, сдерживали резкое повышение цен, но действия городов были далеки от того, чтобы своей планомерностью и решительностью внести значительные коррективы в местную торгово-промышленную жизнь. Городские продовольственные организации, представленные в большинстве цензовым элементом, далеким от настойчивой борьбы с дороговизной, страдали отсутствием инициативы столь необходимой в деле обеспечения продовольствием народных масс. В результате складывались процессы, вызывавшие у населения все большее недовольство и тревогу: прекращение выпуска товаров первой необходимости, перебои с продовольствием. На рынке изо дня в день усиливалась спекуляция. Реальные доходы рабочих снижались. На этой почве с 1915 г. в России отмечался рост стихийного недовольства малоимущего городского населения, прежде всего женщин-солдаток, а с весны 1916 г. в Западной Сибири широкий размах приобрели продовольственные «беспорядки», которые выражались в погромах магазинов и сопровождались столкновениями с полицией и войсками. «Голодные бунты» приняли широкий характер в Барнауле, Бийске и других городах [16. С. 314].

В условиях стремительного роста цен на продовольствие и другие товары повседневного спроса все большее число сторонников находила потребительская кооперация. В большинстве своем потребительские общества возникали из-за недостатка товаров и растущей спекуляции частных торговцев. В 1915 г. возродилось кооперативное движение в Барнауле. Вместо закрытого кооператива «Труженик» в Барнауле было организовано новое общество потребителей «Сбережение» [17. С. 74].

На 1 июля 1914 г. в Томской губернии функционировало 193 потребительских общества. Во второй половине 1914 г. местной администрацией было разрешено к открытию еще более 20 обществ. Общая годовая закупка товаров всеми обществами превышала 2 млн. руб., всего было объединено в этих кооперативах около 10 тыс. чел. [18]. Таким образом, развиваясь как элемент рыночного хозяйства, кооперация в годы войны играла роль своеобразного буфера. Она попыталась восполнить вызванный войной пробел в рыночных механизмах регулирования экономики — налаживала разрушенные связи, организуя сбыт и закупку определенных товаров. Помимо того, кооперация способствовала защите тех социальных слоев, которые не могли самостоятельно выстоять перед лицом растущей дороговизны и прогрессирующего развала экономики.

Городским общественным управлениям, лишенным права делать фактические проверки товарных запасов и определять себестоимость продуктов, заготовляемых частными предпринимателями, осталась лишь узкая сфера деятельности: производить собственные заготовки и распределять их между потребителями.

Приступив к организации заготовок, городские самоуправления на первых же шагах своей деятельности наладили тесное взаимодействие с кооперативами, имевшими почти повсеместно готовый торговый аппарат. В Томске, Новониколаевске и других городах представители кооперативов были привлечены в состав продовольственных органов. Многие города в своей продовольственной деятельности постарались опереться на потребительские кооперативы, стараясь укрепить последние их финансированием. Так, Мариинская городская дума постановила выдать торгово-промышленному товариществу кооперативов ссуду в размере 25 тыс. руб. и вступила в ряды товарищества с внесением денег за 10 паев. Барнаульская городская дума решила выделить потребительскому обществу «Сотрудник» 10 тыс. руб. на 5 лет. Бийская городская дума приняла постановление о выдаче потребительскому обществу «Общая польза» ссуду в 5 тыс. руб. Не везде, впрочем, кооперативы встречали помощь со стороны городских самоуправлений.

Но несмотря на все принятые меры, к концу 1916 г. ситуация с продовольствием заметно ухудшилась. Действия городских самоуправлений, направленные, главным образом, на таксировку продуктов и на их закупку для перепродажи городскому населению, сталкивались с препятствиями, связанными с отсутствием дееспособного центрального продовольственного органа, с расстройством транспорта, с недостатком городских финансовых средств, необходимых для закупочных операций, с неприспособленностью к борьбе с дороговизной жизни органов городского самоуправления, ограниченных в своей компетенции Городовым положением 1892 г. Попытки же усиления государственного вмешательства в рыночные механизмы, недоверие со стороны властей к обществу привели к тому, что свободный рынок принял искаженные формы и стал восприниматься населением негативно.

Таким образом, первая мировая война с сопутствующими ей явлениями, отразилась на всех сторонах деятельности западносибирских городов. Финансовые затруднения городов переплелись с новыми задачами, возложенными на них переживаемым моментом. Растущая дороговизна жизни, граничащая местами с продовольственным кризисом, громадный наплыв беженцев и военнопленных, помощь раненым и больным воинам, призрение семейств призванных воинов, материальное содействие делу обороны страны и многое другое, взятое вместе, помимо напряжения финансовых сил городских самоуправлений, потребовали приспособления их к новым формам общественной работы, к признанию того, что органы городского самоуправления не в состоянии в должной мере справиться с неожиданно надвинувшимися задачами.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993.
- 2. Сибирские записки. 1916. № 2.
- 3. Сибирская жизнь, 1915, 12 июля.
- 4. О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни Сибири. Пг., 1917.
- 5. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 262.
- 6. ГАТО. Ф. Ф-127. Оп. 1. Д. 2969.
- 7. Городское дело. 1916. № 7.
- 8. Николаев В. Городское дело в Сибири // Сибирские записки. 1916. № 2.
- 9. ГАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 26.
- 10. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 844.
- 11. Городское дело. 1916. № 24.
- 12. Известия Томского городского общественного управления. 1916. № 6.
- 13. Известия Томского городского общественного управления. 1916 № 4.
- 14. Известия Томского городского общественного управления. 1916. № 5.
- Деятельность местных организаций // Известия Всероссийского союза городов. 1915
 № 19.
- 16. Мухин А.А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М., 1972.
- 17. Запорожсченко Г.М. Численность и периодизация развития дореволюционной городской и рабочей кооперации Сибири (конец XIX начало XX в.) // Вопросы краеведения Но восибирска и Новосибирской области. Новосибирск, 1997.
- 18. Омский вестник. 1915. 25 янв.

УДК 1.32

Д.А. Фельдшеров

РАЗВИТИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1989—1990 гг.

Изучена деятельность либеральных клубов региона, а также городского и районных клубов избирателей.

В 1960-е и 1970-е гг. в уральском регионе существовали диссидентские движения, так или иначе исповедовавшие какие-либо либеральные идеи. Но, во-первых, все их программные установки ограничивались либо необходимостью введения гласности при сохранении советского строя, либо необходимостью полной ликвидации этого строя. Причем не было четко сформулированных предложений действий в случае свержения советского строя. Во-вторых, группы эти были столь малочисленны и не имели возможности распространять свои идеи, поэтому сейчас о них помнят только, пожалуй, сами члены этих групп, специалисты - историки, ветераны КГБ и те немногие люди (большинство из которых оказались провокаторами), присутствовавшие на их «кухонных собраниях». Втретьих, как правило, эти движения и группы существовали очень короткий срок. Чаще всего органы госбезопасности прекрасно были осведомлены об их существовании, и, как только диссиденты были готовы перейти к более решительным действиям, их организации тут же ликвидировапись КГБ.

К более или менее активным действиям организации, исповедующие либеральные ценности, перешли только во второй половине 80-х гг. ХХ в. В середине 1988 г. в Перми был создан Координационный совет «Демократического союза». К активным действиям он приступил с начала 1989 г. и громко заявил о себе несанкционированным митингом 8 мая 1989 г. (при участии Союза коммунистов). Это был траурный митинг в память жертв «кровавого воскресенья» в Тбилиси, но еще одной темой митинга стало требование освободить члена пермского «Демократического союза» Сергея Быченкова, задержанного незадолго до этого правоохранительными органами. Вообще лидеры пермского «Демократического Союза» и других политических организаций неоднократно задерживались органами правопорядка, однако к уголовной ответственности никто из них привлечен не был. Численность пермской организации «Демократического союза» в начале 1990 г. составляла 14 гласных членов и несколько негласных. С июля 1988 г. организация выпустила несколько номеров самиздатовского журнала «Альтернатива». «Демократический союз» ярко проявил себя на митингах, однако стать органической частью

демократического процесса в Перми не смог. Деятельность организации не была стабильной, достаточно сказать, что летом она самораспускалась на каникулы. К середине 1990 г. пермский «Демократический Союз» фактически прекратил свое существование [1. С. 308].

Начало широкому демократическому движению в Перми положил возникший при Доме журналиста в мае 1988 г. общественно-политический клуб «Диалог». Основной формой его деятельности были заседания, на которых происходили самые острые и живые дискуссии по актуальным вопросам политики, истории, экологии. Клуб как бы олицетворял особый период общественных дискуссий и фокусировал общественное мнение города. На его заседаниях присутствовало до 100 человек, но постоянного членства не было. Темы, обсуждавшиеся на заседаниях, находили затем свое отражение в местной прессе, на митингах и даже в вузовских аудиториях. После проведенной клубом в августе 1988 г. дискуссии о плюрализме появились критические публикации в официальной прессе, но это только помогло «Диалогу» быстрее самоопределиться. В начале осени того же года были приняты программа и устав клуба, сформированы проблемные секции: общественно-политическая, историческая, экологическая, экономическая, национальных отношений, правовая. Председатели секций составили совет клуба.

Наиболее заметными фигурами в совете «Диалога», организаторами и вдохновителями его работы были писатель В.В. Виниченко и журналист А.М. Калих. Таким образом, «Диалог» превратился в самостоятельную демократическую организацию, актив которой состоял из 20—30 человек, а число участников измерялось уже сотнями. В работе клуба участвовали и Союз коммунистов, и Общественный экологический комитет, и Социал-демократическое рабочее объединение, и «Демократический союз» [1. С. 309]. К началу 1989 г. период широких общественных дискуссий в демократическом процессе заканчивался, одновременно с этим ослабевает деятельность клуба «Диалог». Требовались новые организационные формы. На рубеже 1988—1989 гт. предпринимались попытки на базе «Диалога» создать массовую демократическую организацию. Было заявлено о создании Пермского народного фронта, затем Пермского отделения Свердловского народного фронта, но обе попытки закончились неудачей [2. С. 21].

На весну 1989 г. были назначены выборы народных депутатов Верховного Совета СССР. Для работы во время выборов на основе «Диалога» был создан Общественный избирательный комитет (ОИК). Именно ОИК принял на себя функцию объединения демократической общественности Перми. Некоторые листовки еще имели подпись «ОИК – ОПК

«Диалог», но вскоре ОИК полностью стал преемником «Диалога», заседания которого весной 1989 г. прекратились [1. С. 356]. Благодаря деятельности ОИК, выборы весной 1989 г. стали первыми демократическими выборами в Перми.

Аналогом Народных фронтов союзных республик СССР в столице Прикамья явился созданный единственным депутатом из Межрегиональной депутатской группы на съезде народных избранников СССР С.Б. Калягиным Пермский городской клуб избирателей (ПГКИ). Еще в ходе выборов появилась идея создания городского Клуба избирателей. В течение лета готовились проекты создания такого клуба с различными вариантами названия: «Гражданин», «Народовластие» и др. 29 августа 1989 г. в Перми состоялось городское учредительное собрание избирателей, на котором было принято решение о создании Пермского городского клуба избирателей (ПГКИ) «Пермское вече» [1. С. 310].

Вскоре в клубе сформировалось три группировки: охранительная, центристская и радикально-экстремистская [3. С. 219]. Первую олицетворяли представители постепенно теряющей власть партноменклатуры. Последнюю представляли местные радикалы, пытавшиеся отобрать эту власть на митинговой волне. Уловив слабость позиций тех и других, центристская часть ПГКИ в ходе открывшейся избирательной кампании на съезд народных депутатов РСФСР и в местные Советы предприняла попытку самоорганизации.

В своей повседневной работе Клуб избирателей действительно стал координирующим центром демократического движения. Однако надежды властей на то, что через него удастся контролировать демократическое движение, не оправдались. Поэтому на заседании совета клуба 7 мая 1990 г. некоторые депутаты и представители городских властей предложили ликвидировать клуб. В ответ представители демократической общественности развернули кампанию по его спасению. На 29 мая был назначен митинг. Накануне по городу была расклеена листовка достаточно резкого содержания под заголовком «Кулак партократии занесен над городским Клубом избирателей!». В связи с появлением листовки городские власти митинг запретили. Когда люди все-таки собрались, последовали меры пресечения со стороны милиции. В течение следующих нескольких дней 518 человек поставили свои подписи под документом защиту клуба (для того времени это была значительная цифра). Горисполком вынужден был согласиться с фактом его существования. На санкционированном митинге 12 июня 1990 г. клуб получил самую широкую поддержку собравшихся.
После этого скандала официальные структуры окончательно утратили

контроль над Пермским городским клубом избирателей, и он стал полно-

стью «неформальным». Под эгидой Клуба избирателей в городе проводилась большая работа: организовывались митинги и пикеты, в органы власти направлялись запросы по различным проблемам, проводились социологические опросы и так далее. Клуб активно участвовал в выборах 1990 г.: в Верховный Совет РСФСР, в городской и районные Советы Перми. Через него шла большая переписка с демократическими организациями России и других республик Союза, присылалась и накапливалась масса периодических изданий, шел большой поток информации, минующий официальную цензуру [1. С. 310].

6 января 1990 г. в ДК ВОС (Всероссийское общество слепых) три часа шло первое собрание трех десятков кандидатов и их доверенных лиц, решивших бросить перчатку руководству пермских обкома и горкома КПСС на инициированном М.С. Горбачевым поле парламентской борьбы. Конечно, на фоне двадцати одного места на съезд народных депутатов РСФСР и двухсот мест в областном Совете [4] это было не очень мало. По сути дела пермским демократам удалось закрыть лишь шесть российских округов, расположившихся в областном центре. В ходе трехчасовой дискуссии была создана редакционная комиссия по выработке платформы независимых кандидатов. В ее состав вошли: писатель В.В. Виниченко, социолог И.В. Аверкиев, преподаватель политехнического института К.С. Пустовойт, журналисты А.М. Калих и В.П. Половодов. Владимир Васильевич Виниченко уже на первом собрании предложил назвать блок независимых кандидатов «Демократической альтернативой».

При выработке избирательной платформы окончательно сформировалось мнение, что во главу угла надо поставить «федералов», а саму ее назвать «Гражданским действием». Подразумевалось, что список будет открыт для кандидатов в депутаты областного и городского уровней. Пока же на собрании пермского городского клуба избирателей 10 января [5] была озвучена эта платформа и представлены первые шесть «подписантов»: преподаватель Пермского педагогического института Н.В. Андреев - 63-й национально-территориальный округ; социолог Пермского электротехнического завода И.В. Аверкиев – Индустриальный территориальный округ № 576; драматург В.В. Винниченко - Мотовилихинский территориальный избирательный округ № 578; педагог детской музыкальной школы № 4 А.А. Куюкин – Кировский территориальный округ № 577; преподаватель Пермского государственного университета М.А. Плаксин – Дзержинский избирательный округ № 574; инженерконструктор МКБ Т.В. Снитко – Свердловский территориальный избирательный округ. Как можно заметить, незакрытым оказался Ленинский территориальный избирательный округ. Туда предлагалось пойти К.С. Пустовойту, но он, в конечном счете, не подписал платформу «Гражданского действия» и оказался в соперниках у Н.В. Андреева, который в свою очередь не уступил требованию радикального крыла ПГКИ отдать национально-территориальный округ самому ярому на тот момент антикоммунисту Б.Л. Ихлову.

В итоге родились своеобразные «десять заповедей» пермских демократов-романтиков, куда вошли один рядовой коммунист (Андреев), два комсомольца действующих (Снитко и Куюкин) и один опальный (Аверкиев), двое умеренных беспартийных диссидентов (Виниченко и Плаксин):

- 1. Отменить ст. 6 Конституции СССР и РСФСР. Деидеологизировать государственный аппарат, образование, науку и культуру, а также суд, прокуратуру, армию, МВД и КГБ.
- 2. Осуществить передачу власти Советам на основе многопартийной системы.
- 3. Привести законодательство в соответствие со Всеобщей Декларацией прав человека и другими международно-правовыми актами, гарантирующими каждому гражданину страны реальную защиту от посягательств на его политические, экономические и социальные права.
- 4. Обеспечить равноправие всех форм собственности при последовательной демонополизации экономики. Создать механизм социальной защиты граждан в условиях утверждения рыночной экономики.
- 5. Предоставить возможность каждому желающему взять землю, в том числе в полное владение, и распоряжаться результатами своего труда.
- 6. Соблюдать приоритет экологии при решении экономических проблем.
- 7. Покончить с государственным атеизмом. Обеспечить равенство атеистической и религиозной пропаганды. Вернуть храмы верующим.
- 8. Превратить сталинскую иерархию автономий в свободный союз равноправных народов.
- 9. Установить государственный и экономический суверенитет Российской Республики, возродить культуру и достоинство всех населяющих ее народов.
- 10. Ликвидировать грабительский диктат ведомств на территории региона. Вернуть природные богатства Урала во владение уральцев.

Собрание в ДК ВОС от 10 января 1990 г. обратилось к средствам массовой информации с просьбой опубликовать избирательный манифест шестерки. Таким образом, был дан сигнал к активизации двух других крыльев ПГКИ, в конечном счете, разваливших этот орган творчества народных масс.

Отсеченная от распределения мест в округах, элита КПСС прекратила поддерживать клуб избирателей и пошла на создание своего предвыборного блока, куда, кстати, вошел профессор Е.С. Сапиро, с которым демократы безуспешно хотели договориться о закрытии Ленинского округа, когда туда отказался идти К.С. Пустовойт. Платформа блока независимых кандидатов «Гражданское действие» была опубликована в печати на сутки раньше их оппонентов. В средствах массовой информации Прикамья началась бурная дискуссия между двумя блоками. Обиженные невключением в шестерку Б.Л. Ихлова, радикалы-экстремисты попытались переломить ситуацию митингом 18 февраля 1990 г., где призвали к отставке обкома КПСС и облисполкома. Последние ответили более мощным контрмитингом 25 февраля, который демократы—центристы использовали в качестве пропагандистской трибуны.

Пока шло сражение между партийным и «независимым» блоками, первый тур выборов 4 марта 1990 г. выявил «третью силу» — промышленных генералов, самих двинувшихся во власть или поставивших на своих людей в ней. В Перми рискнул выставиться лишь первый секретарь горкома КПСС В.А. Суркин и не смог пройти даже во второй тур. Однако уже на этом этапе группа «Гражданское действие» понесла потери. В.В. Виниченко уступил право продолжения борьбы таксисту Безвиненко в Мотовилихе, а М.А. Плаксин — лоббисту от оборонки, призвав голосовать во втором туре за профессора ПГУ О.И. Тиунова.

18 марта 1990 г. на пермском электоральном поле сошлись следующие четыре пары: Н.В. Андреев – И.Ф. Залевская; И.В. Аверкиев – В.П. Сухарев; А.А. Куюкин – Попков; Т.В. Снитко – Ю.Я. Антонов. Интеллигенты – романтики, устремившиеся во власть, в Пермской области федеральную планку взять не смогли. Однако сам их порыв убедительным образом опровергает миф о политическом пермском болоте. Эта группа своими действиями снизу показала, что население Прикамья имеет свои приоритеты. В то же время выход во второй тур федеральных выборов четырех из шести кандидатов, членов «Гражданского действия», символично указывал на значительный скачок демократических настроений всего за год в одном из самых консервативных, даже застойных регионов России. Ведь в 1989 г. только Калягин в Перми и Павлов в Кунгуре рискнули примкнуть к Межрегиональной депутатской группе. Проигрыши сначала радикальных демократов, затем и умеренных, их временных союзников, лишь подтвердили известный тезис, что «Урал – опорный край державы».

Таким образом, количество организаций, исповедующих либеральные ценности в Пермской области, их активность, позволяет говорить о лиди-

рующих позициях среди всех других субъектов уральского региона. Антикоммунистическая волна отодвинула на второй план КПСС, на первый план выдвинулись романтики — демократы, которых, в свою очередь, сменят вскоре демократы — прагматики и бывшая партноменклатура э Короткая, но яркая история интеллигентского порыва в Прикамье области в 1989–1990 гг. не пропала даром, она явилась еще одним кирпичиком в развитии политической культуры регионов.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Пермь от основания до наших дней. Исторические очерки. Пермь, 2000.
- Неганов С.В. Неформальные общественно-политические организации Прикамыя (1980 нач. 1990 гг.) // Пермский музей: ученые записки. Вып. 1. Пермъ, 1993.
- Филатов Н.М. Политическая палитра Пермского Прикамья (по итогам избирательных кампаний 1993–1994 гг.) // Страницы истории Урала. Вып. 2. Пермь, 1995.
- 4. Звезда. 1990. 6 января.
- ЦДООСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.

УДК 930. 1

А.В. Якуб

ГИЛЬОМ ЖЮМЬЕЖСКИЙ – ИСТОРИК РАННЕЙ НОРМАНДИИ

Реконструирован взгляд средневекового автора на историю ранней Нормандии.

Возникновение в 911 г. княжества Нормандия в пределах Западнофранкского королевства и дальнейший процесс его институализации заставил первых нормандских князей выступить в качестве инициаторов создания собственных «национальных» историй. У истоков нормандского историописания стоит Дудо Сен-Кантенский, который в период 996–1015 гг. написал первое сочинение, посвященное истории становления княжеского дома Роллонидов. Труд Дудо во многом представлял собой образец пропагандистского сочинения, главная задача которого заключалась в легитимизации поселения норманнов в низовьях Сены [1]. С этой целью Дудо активно использовал легендарный материал, что впоследствии вызывало у профессиональных историков большой скепсис в отношении исторической достоверности тех фактов, которые он приводил [3, 4].

Около 1050 г. эстафету официальных нормандских историков подхватил монах Гильом Жюмьежский, который не только творчески переработал сочинение своего предшественника, но и значительно расширил его. В частности, он включил в свой текст описание событий, имевших быть во времена герцогов Ришара II, Ришара III, Роберта I и Гильома II. Первоначально Гильом Жюмьежский завершил свой труд изложением событий, произошедших до 1060 г. Однако после нормандского завоевания Англии он вновь вернулся к своему сочинению, дополнив его описанием событий, которые сделали герцога Нормандии Гильома II Бастарда английским королем Вильгельмом I Завоевателем. Это произошло около 1070 г. Именно тогда он дал своему сочинению название «Gesta Norman-norum Ducum» [2].

Значение сочинения Гильома Жюмьежского не ограничивается только продолжением историописания деяний нормандских князей в XI в. Болес важным является тот факт, что этот официальный историограф выступил не только в качестве своеобразного транслятора «нормандского мифа» для будущих поколений как историков, так и читающей публики, но и значительно видоизменил само содержание этого мифа.

Гильом использовал сочинение Дудо Сен-Кантенского не только в качестве одного из основных источников своего сочинения, но и предложенную Дудо модель изложения материала. Гильом сохранил традицик деления текста на отдельные «книги», каждая из которых посвящена деяниям одного князя. Однако совсем неправильным будет считать жюмьежского монаха простым копиистом, которых было столь много в тогдашних монастырских скрипториях. Гильом творчески переработал во многих местах текст своего первоисточника. При этом самые значительные разночтения возникали у двух авторов, когда речь шла о ранней истории Нормандии, связанной с именами Роллона, Гильома Длинный Меч и Ришара I.

Приступая к объяснению, откуда собственно пошли будущие норманны, Гильом расширяет круг своих источников. Кроме сочинения Дудо, он широко использовал данные Иордана, содержащиеся в его «Гетике». Согласно Гильому, франкские земли после битвы при Фонтенуа в 841 г. оказались открытыми для вторжений с норвежских и датских территорий, во главе которых стояли Бъёрн Железнобокий и Гастингс [2. Р. 10– 17]. Гильом объясняет происхождение норманнов следующим образом. Готы, которые происходили от Магога, сына Яфета, сына Ноя, завоевали остров Сканза. В дальнейшем они разделились на две группы, каждая из которых отправилась в дальнейшее путешествие самостоятельно. Одна, возглавляемая королем Бертом, отправилась в новую страну, которой они дали название Сканза в честь своей родины. Однако их неудержимо тянуло в новые земли, и они поселились в Дации, или Danamarka, расположенной либо в пределах, либо рядом с германскими землями, где их вождь Антенор стал королем. Само название страны, Danamarka, Гильом объясняет как произошедшее от имени короля Данауса и о котором содержатся сведения у Исидора Севильского в его «Этимологиях». Вероятно, в данном случае Гильом фактически отождествил короля Данауса Исидора с королем Танаусом Иордана [2. Р. 14-17].

Объясняя причины переселения норманнов, Гильом принимает версию Дудо. Оба автора сходятся в том, что причиной подобной миграции норманнов из Danamarka стало перенаселение, связанное с полигамией. Однако Гильом дополнил эту версию одной деталью: отец должен был отправить в изгнание всех своих сыновей за исключением одного. Именно среди таких изгнанников, по версии Гильома, оказался Гильом Железнобокий, изгнанный своим отцом, королем Лотброком [2. Р. 16–19].

Гильом Жюмьежский, описывая вторжения норманнов во франкские земли и их поселение в будущей Нормандии, в отличие от Дудо выбирает себе собственного героя. Если для Дудо ключевой фигурой среди норманнов был Гастингс, то Гильом выпячивает Бьёрна Железнобокого. Гастингс выступает лишь в качестве наставника Бьёрна и средоточием зла, человеком, который толкал Бьёрна совершать самые дурные поступки

[2. Р. 16—19; Р. 22—25; Р. 24—25; Р. 26—27]. Описывая деятельность Бьёрна во франкских землях и впервые называя имя его отца, короля Лотброка, Гильом Жюмьежский, по мнению Э.ван Хоутс, соединил легендарные сведения англо-скандинавского или чисто скандинавского происхождения о викинге Рагнарре Кожаные Штаны со сведениями, имевшимися в распоряжении Дудо. В результате этого и произошло соединение двух фигур — Гастингса и Бьёрна, которые действуют совместно. Они даже вместе отправляются в морскую экспедицию, целью которой был захват Рима, и терпят относительную неудачу, перепутав столицу христианского мира с городом Луна, который они жестоко разграбили. Узнав о своем заблуждении, они делят свои отряды. Бьёрн возвращается в Англию, терпит кораблекрушение у ее берегов и затем отправляется во Фризию, где и умирает. Гастингс же прибывает во франкские земли, где получает от короля Карла Лысого Шартр с окрестностями. По сравнению с Дудо, рассказ Гильома более обстоятелен и подробен, особенно когда речь идет именно о Гастингсе, поскольку Дудо не дает никаких объяснений неожиданному появлению Гастингса в землях Карла [2. Р. 24—27].

Возможно, такая осведомленность Гильома объясняется тем, что, описывая деяния норманнов во франкских землях, он привлекает более широкий круг первоисточников, нежели Дудо. В частности, это могли быть манускрипты из библиотеки самого Жюмьежского аббатства, среди которых жития первых аббатов монастыря, где немало места отводилось описаниям тех разрушений, которые норманны причинили обители [2. Р. 18–21]. Другим источником для Гильома стало сочинение Адревальда из Флёри «Мігасиlae sancti Benedicti», созданное в X в. в аббатстве Сен-Бенуа-сюр-Луар [2. Р. 20–23].

Но особо следует указать на весьма прохладное, по сравнению с Дудо, отношение Гильома к личности Роллона, основателя Нормандского княжества. Он просто исключил из своего повествования большую часть материала, которая содержалась в сочинении Дудо. Особенно жесткой цензуре подверглась та часть, в которой излагались деяния Роллона до принятия им христианства. Однако Гильом попытался объяснить своему покровителю, герцогу Гильому II Нормандскому, почему он поступил подобным образом. Гильом подчеркивает, что его прежде всего интересовали деяния Роллона как христианского князя, а не как предводителя язычников. В итоге сочинение Гильома в этой части приобретает несколько безличный характер: там, где у Дудо действует Роллон, у Гильома на страницах его труда оказываются просто норманны. Первое же упоминание о Роллоне у Гильома появляются лишь когда речь заходит о крещении норманнского вождя [2. Р. 50–53]. Наконец, в отличие от Дудо, который приписывал Роллону

весьма благородное происхождение, что, собственно, и поставило его во главе норманнских отрядов, Гильом Жюмьежский всего лишь упоминает о том, что вождем норманнов Роллон стал согласно скандинавской традиции, по жребию [2. Р. 50–53]. Что же касается деяний Роллона, как первого нормандского князя, то Гильом не вносит чего-либо нового, ограничиваясь подробным пересказом сочинения Дудо. Лишь однажды в это повествование вторгается инородный материал. Речь идет об использовании Гильомом местной шартрской традиции, согласно которой Гастингс продал Шартр графу Тибо [2. Р. 56–59].

Сын и наследник Роллона, Гильом Длинный Меч, также вызвал определенный интерес у Гильома Жюмьежского. Однако и здесь основным источником для Гильома оставался Дудо. Близость содержания между двумя сочинениями официальных нормандских хронистов лежит на поверхности. Фактически лишь однажды Гильом решился на текстуальное расширение своего труда. Это история восстановления Жюмьежского аббатства, которое предпринял Гильом Длинный Меч, для чего он использовал утраченные ныне письменные источники из самого аббатства и восстановительную хартию [2. Р. 84–89].

Для той части сочинения, в которой описываются деяния внука Роллона, Ришара I количество дополнительных источников возрастает, хотя и здесь Гильом продолжает активно использовать текст Дудо. Среди этих источников следует назвать некий эпический рассказ, не дошедший до наших дней, посвященный описанию личных качеств юного Ришара, прежде всего мужества, проявленного им когда он находился в вынужденном изгнании, под фактической опекой западнофранкского короля в Лане [2. Р. 102–105]. Местная традиция Марэ-де-Див, где аббатство Жюмьеж обладало собственностью, наделила Гильома специфической информацией относительно смерти графа Эрлюина Монтрейльского [2. Р. 110–113]. Гильом также обладал весьма большими сведениями о Родульфе Торта, который был наместником короля Людовика IV в Нормандии в юные годы Ришара. Именно этот человек лично приказал разрушить некоторые монастырские постройки в Жюмьеже, а полученный в результате этого камень доставить для строительства в Руан. Забыть такое святотатство жюмьежские монахи конечно же не могли [2. Р. 106–117]. Аналогичным образом, вероятно также из-за утраты какой-то собственности, сохранились весьма подробные сведения о событиях вокруг города Эвре, который был предательски сдан графу Шартрскому неким человеком по имени Гильберт Машель [2. Р. 124–127].

Гильом Жюмьежский перестает использовать текст Дудо тогда, когда он приступает к изложению событий, связанных с периодом правления Риша-

ра II (996–1026). С этого момента текст его сочинения приобретает полную самостоятельность, над которой не довлеют какие-либо авторитеты.

Таким образом, сочинение Гильома Жюмьежского в той части, где речь идет о ранней истории Нормандии, фактически представляет собой дальнейшее развитие версии событий, изложенных Дудо Сен-Кантенским. Однако говорить о полной тождественности двух текстов не приходится. Во-первых, Гильом по мере возможности расширяет свою источниковую базу, иногда пересматривая или же дополняя материал Дудо. Во-вторых, для сочинения Гильома, которое хронологически отстоит от труда своего предшественника всего лишь на несколько десятилетий, характерна смена приоритетов в создании портретной галлереи первых нормандских князей. Если для Дудо главной целью было отобразить процесс превращения языческих вождей в христианских князей, то для Гильома это уже свершившийся факт. Его задача – дать описание процессов становления собственного христианского княжества и доказать полную самостоятельность нормандских князей в событиях политической борьбы Х в., что позволило этим князьям в середине следующего столетия превратиться из вассалов французского короля в помазанников Божьих, королей Англии.

ЛИТЕРАТУРА

- De moribus et actis primorum Normanniae ducum auctore Dudone Sancti Quentini decano. Ed. J. Lair. Caen, 1865.
- The Gesta Normannorum Ducum of William of Jumieges, Orderic Vitalis and Robert of Torigni, Ed. by E. van Houts. Oxford, 1992. Vol. I.
- Prentout H. Etude critique sur Dudone de Saint-Quentin et son histoire des premiers ducs normands. Paris, 1916.
- Shopkow L. The Carolingian World of Dudo of Saint-Quentin // The Journal of Medieval History, 1989. Vol. 15.

УДК 930.1

А.С. Черешнюк

ИЗУЧЕНИЕ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА ЭТАПЕ ЕЁ СТАНОВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 60-х — НАЧАЛА 70-х гг. ХХ в.

Охарактеризованы основные подходы «новой исторической науки» в Англии к решению актуальных проблем англосаксонской государственности на этапе становления.

«Новая история» или «новая историческая наука» XX столетия в Англии «рождалась как интеллектуальное видение, критическое по отнощению к позитивизму и марксизму. Она выступала против событийно-универсальной истории и объяснения событий прошлого действием универсальных закономерностей» [1. С. 288]. Период 1960-х - начала 1970-х гг. является ключевым для становления «новой истории». В английской историографии в этот период можно выделить два течения: традиционная историография и новая историческая наука. Оба течения также распадаются на подходы, на историографические традиции, на типы теоретико-методологических представлений. На то, что новая историческая наука начала играть большую роль в английской исторической мысли именно в этот период, подтверждают качественные работы таких исследователей как Флоренс Хармер [2], занимающийся конкретно-историческими вопросами с позиции лингвиста. Большое количество работ, связанных с культурой, бытом и нравами ранней Англии также указывают на то, что исследователи стали обращать внимание не только на политическую, правовую или экономическую стороны вопроса. Важными элементами, без которых не может обойтись историк, культурный и ценностный подходы к той или иной проблеме. Проблема складывания англосаксонской государственности также изучается на основе более глубокого анализа источников, данных лингвистики, топонимики и культурного наследия.

В период 60-х — начала 70-х гг. наряду с полемикой о старых и новых путях истории, об избавлении от приоритета политической и событийной истории и преодолении методологического кризиса в традиционной историографии развернулась широкая дискуссия об отношениях между историей и социологией. Тенденция к сближению была по сути обоюдной, но в разных странах инициатива проявлялась с разных сторон: в одних случаях она принадлежала историкам, в других — представителям социальных наук. В Великобритании активной стороной в диалоге между

историей и социологией были социологи, в то время как историки упорно сопротивлялись призывам к сближению двух наук. И дискуссия приняла затяжной характер. Но, так или иначе, именно в русле этого широкого интеллектуального движения второй половины XX в. и родилась так называемая «новая социальная история».

Развитие социальной истории в разных странах имело специфические черты, которые отражали, с одной стороны, особенности соотношения различных традиций в национальных историографиях, а с другой — специфику влиявших на ее развитие внешних факторов. Например, в числе факторов, придавших характерные черты социальной истории в Англии, следует назвать авторитет и активность социальных историков марксистской ориентации; вековые традиции различных школ локальной истории и исторической географии, внесших немалый вклад в исследование среды; мощное влияние английской социальной антропологии, обладавшей богатейшим практическим опытом; соединение непреходящей популярности истории семьи, родной деревни, прихода, города у многочисленных энтузиастов-непрофессионалов с развернутым историками-социалистами широким движением за включение любительского краеведения в контекст народной истории, сделавшее «социальную историю снизу» важным элементом массового исторического сознания [1. С. 238].

«История народной культуры, ставшая своеобразным английским эквивалентом французской истории ментальностей, исследовала проблемы обыденного сознания на основе социально-антропологического подхода и использования фольклорных и локально-исторических источников. Она ввела в научный оборот огромный источниковый материал, характеризующий особенности духовной жизни и поведения людей, с локальнорегиональной и социально-групповой спецификациями» [1. С. 238]. Взяв на вооружение проблематику и методы социальной антропологии, английские историки использовали их применительно к собственному объекту исследования — локальным общностям. «Новая локальная история» приходит на смену «локальной истории», которая зарождалась еще в начале XX в. Теперь исследователи берут в рамки своего изучения не просто отдельную область Англии, но и отдельную социальную группу того или иного участка, ограниченного названием и имеющего, либо не имеющего, какие-нибудь границы. Эти локальные общности исследуются как развивающиеся социальные организмы, и при этом используется вся совокупность местных источников, фиксирующих аспекты деятельности индивида.

Главенствующее положение по-прежнему сохраняла политическая и конституционная история. Однако в 1960–1970 гг. ее предмет стал опре-

деляться более емко, существенно расширились проблемные поля, произошла корректировка семантики понятий и терминов. Общей чертой историографии 1960-х гг. М.А. Барг считает постепенный отказ от широких построений синтетического характера, уход в локальную историю. Барг ссылается на пример французских и германских школ — представителей различных направлений современной ему зарубежной историографии раннего средневековья. По его словам, в 1960-е гт. проблема правящих классов, их конституирования и роли в различные периоды истории общества выдвинулась на первый план в буржуазной историографии и социологии. Элита и общество, взаимосвязь между их структурой, элита как фактор прогресса и одновременно как фактор стабилизирующий, формирование элиты в различных типах обществ, наконец, возможно ли вообще мыслить общество без элиты — таковы вопросы, оживленно дебатирующиеся во многих публикациях 1960-х гт. по обе стороны Атлантики. По словам М.А. Барга, ведущей тенденцией современной буржуазной историографии оказывается ярко выраженный этатизм — абсолютизация государства, извечного и творящего свою волю — волю знати по отношению к управляемым — так, что она ими даже не воспринимается как гнет, но отождествляется с «общим благом». Король, знать, церковь — таковы с этой точки зрения истинные пружины средневековой истории [3].

У. Чейни и Д. Уайтлок предпочитают говорить о более сложной взаимосвязи королевской власти и знати в процессе формирования ранней государственности у англосаксов, обращают внимание на органы местного управления, которые своими корнями уходили в общегерманские политические институты и в связи с этим включали не только аристократию, но и свободных общинников [4].

По мнению А.Г. Глебова, в английской историографии, как и в целом на западе, в это время также наблюдается отход от примитивных романизма и германизма и стремление воспользоваться сравнительно-историческим методом исследования с привлечением континентальных материалов [5. С. 16]. Результатом больших изменений и обновлений 1960-х — 1970-х гт. в английской исторической мысли стали работы, вышедшие немного позже, но являющиеся прямым следствием дискуссий предшествующих десятилетий. В работах таких историков как Г.Р. Финберг, М. Уитток, Дж. Берк, Р. Ходжез, Д.П. Кирби, высказываются обоснованные мнения о наличии остатков крупного землевладения позднеримского происхождения в раннюю англосаксонскую эпоху. Приводятся данные об активном участии кельтов в становлении раннесредневекового английского общества, раскрываются его тесные связи с континентальными германцами и скандинавами. Итоги, к которым эти исследователи

приходят, говорят, что проблемы романо-германского синтеза или бессинтезного пути развития, континуитета или дисконтинуитета необходимо, очевидно, решать в комплексе с рассмотрением вопросов социальноэкономического и политического развития англосаксонского общества. А. Дюрант или У. Стэббс, вообще считали, что не было какого-либо римского влияния на кельтское население Британии [6].

Одним из результатов поиска новых способов решения проблем связанных с ранней историей Англии был вывод, с которым согласны и наши отечественные исследователи (в частности А.Г. Глебов): степень романизации Британии была различна в отдельных областях страны, особенно в зависимости от того, имеем ли мы в виду городских или сельских жителей, простых земледельцев или знать. В целом романизация носила неглубокий и поверхностный характер. Причинами этому послужили отдаленность и островной характер провинции, тот факт, чтоБритания была позже других присоединена к Римской империи. К тому же имели место непрекращавшиеся восстания местного населения (бриттов) против римских социально-политических структур. Британия полностью так и не была завоевана римлянами, следовательно, уклад незавоеванных племен сохранился. «Об отсутствии культурной преемственности с античным миром для англосаксонских германских королевств неоднократно отмечалось в современной английской историографии» [7. С. 15].

При рассмотрении англосаксонской истории необходимо соблюдать

При рассмотрении англосаксонской истории необходимо соблюдать известную осторожность, чтобы не принять за всеобщее правило только то, что было характерно для конкретного региона страны, и наоборот, разглядеть за общими тенденциями местную специфику.

Большинство исследователей истории раннесредневековой Англии сходятся в том, что накануне завоевания англосаксонскими народностями римской провинции Британия они находились на последней ступени родоплеменного строя [8. Р. 278]. Несмотря на некоторые различия в общественном развитии отдельных племен, обусловленные определенным этническим своеобразием англов, саксов, ютов и фризов, в целом англосаксы пока не знали ни глубокой социальной стратификации, ни государственности. Между тем их общество, несомненно, еще на континенте было знакомо с возвышением родовой знати и узурпацией ею некоторых управленческих функций. Подобно всем другим германцам, англосаксам был хорошо известен и институт племенных вождей, избиравшихся из представителей наиболее знатных родов и сосредоточивавших в своих руках немалую власть. Вождей окружала преданная дружина, получавшая за свою лояльность значительную долю военной добычи и иные богатства. Основная часть населения все же была представлена свободными

общинниками, пользовавшимися всеми правами и обязанностями полноправных членов общества. Рабы и полусвободные численно были невелики и подвергались патриархальной эксплуатации в рамках большой семьи. Продолжали существовать и оказывать ограничивающее воздействие на вождей и знать основные органы родоплеменного самоуправления (народное собрание, советы старейшин, судебные организации).

Такую социальную организацию нам рисует поэма «Беовульф». Специфические особенности общественного сознания коллектива — творца поэмы «Беовульф», определялись условиями переходного периода, на протяжении которого формировалась поэма. Действительность предстает в ней в преломленном сознанием коллективного автора виде. Она отражается в его представлениях о мире и человеке, общественных отношениях и воплощается сказателями с помощью поэтических средств, создающих определенное отношение у их аудитории к изображаемым событиям и поступкам персонажей, а порой и в форме прямой оценки изображаемого. На основании этих прямых и косвенных свидетельств можно судить о том, что это было время разложения родового строя и зарождения феодализма, возникновения государственности.

Поэма «Беовульф» занимает в англосаксонской литературе особое место, которое определяется ее переходным характером от эпоса доклассового общества к героическому эпосу эпохи феодализма, с одной стороны, и от памятника устной народной словесности к книжной литературе, с другой. Именно этот источник является вплоть до сегодняшнего дня единственным литературным источником, по которому можно хоть както определить общественный строй англосаксов. Английские историки, по крайней мере, сегодня ссылаются на него довольно часто, хотя всем хорошо известен извечный спор об объективности получаемой таким образом информации.

Период 1960-х — начала 1970-х гг. в английской исторической жизни был отмечен весьма интересными и продуктивными спорами. Интересен спор по поводу трактовки проблемы возникновения, сущности и основных этапов развития ранней служилой знати. Широкое распространение в англо-американской историографии имеет старая, идущая еще от Ф. Сибома, идея её государственного происхождения. Служилая знать — детище королевской власти и прямое следствие ее целенаправленной политики. Такой точки зрения придерживаются Е. Джон, Х.Р. Лойн. Но в западной медиевистике существует и иное понимание истоков англосаксонской знати, которое исходит из возможности формирования министериалитета как за счет родовой аристократии, так и из числа возвысившихся свободных общинников, вне зависимости от воздействия государ-

ственной власти. За эту точку зрения высказываются английские историки П.Х. Блэир, Ф.М. Стентон.

В результате всех этих споров начали появляться различные сборники статей, выпускаемые под редакцией какого-нибудь одного очень известного английского исследователя, в рамках которого рассматривались различные аспекты раннесредневековой Англии с ещё более разнообразных углов зрения. Примером может послужить, например сборник статей под редакцией П. Клемо «Англосаксонская Англия» [9]. В каждом из номеров этого сборника даже указывается на необходимость создания подобного рода издания.

Разрушительная деятельность постмодернистской программы расчищает новые пути познания. Постепенно формируется новая модель мира, идут поиски в современном социогуманитарном знании. Заменить рухнувшую парадигму истории выработкой новой оказалось не просто. Это сложный и противоречивый процесс. Обновление или становление новой науки по всем критериям началось тогда, когда во главу угла была поставлена категория культуры. Это привело к новому пониманию задач, а затем и к качественным изменениям в предметном поле, концептуальном аппарате и методологической базе исторического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004.
- 2. Harmer F.E. Anglo-Saxon Writs. Manchester, 1952.
- Барг М.А. Буржуазная историография о социальной структуре средневекового общества // Вопросы истории, № 12. М., 1966.
- Chaney W.A. The cult of kingship in Anglo-Saxon England, Berkeley and Los-Angeles, 1970;
 Whitelock D. The beginnings of English society. Harmondsworth, 1952.
- 5. Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. Воронеж, 1998.
- Durant A. Britain Rome's most northerly province. L., 1969; Stubbs W. Lectures on early English history. L., 1966.
- Бахитов С.Б. Культ королевской власти в средневековой Англии V-XIII вв. Комсомольск-на-Амуре, 1997.
- 8. Alcock L. Arthur's Britain: History and archaeology. L., 1973.
- 9. Anglo-Saxon England, № 1, Cambridge, 1972, ix.

УДК 930.1

А.В. Якуб

ТЕГАН ТРИРСКИЙ О ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЛЮДОВИКА БЛАГОЧЕСТИВОГО

Анализируются данные средневекового автора о внешнеполитической деятельности Людовика.

Одним из авторов, который уделил определенное внимание «норманнской проблеме» в период правления Людовика Благочестивого, был Теган, хорепископ Трирский. В отечественной историографии его главное сочинение «Деяния императора Людовика» до последнего времени особого внимания со стороны исследователей не вызывало [1. С. 3–7]. Но даже возникшее к нему внимание не очень изменило общую картину, особенно когда речь заходит о внешнеполитической составляющей его труда. Объяснение этому находят в том, что сочинение Тегана нельзя отнести к какому-либо известному жанру исторической и дидактической прозы каролингского времени. Это явно не анналы, не житие святого, не светская биография [2. С. 142, 150-152].

Подобного рода оценка, казалось бы, снижает ценность этого сочинения для реконструкции событий внешней политики Людовика Благочестивого. В качестве основного аргумента лапидарности сообщений Тегана приводится якобы факт того, что он не пользовался данными современной ему официальной анналистики при написании своего сочинения, хотя и мог привлекать материалы каких-то местных анналов. Не отрицается и возможный факт ведения самим Теганом погодных записей в своем диоцезе. Аргументы в пользу этого вывода, впрочем, как и против него, отсутствуют, что делает подобного рода предположения весьма гипотетическими [2. С. 146].

Однако, на наш взгляд, такое пренебрежение к внешнеполитической составляющей сочинения Тегана не совсем корректно и явно противоречит выводу о том, что в сочинении прослеживается сильное авторское начало [2. С. 148]. Именно это начало, вероятно, во многом предопределило отбор тех фактов, при помощи которых у читателя формируется представление об основных направлениях внешней политики Людовика Благочестивого. Такая целенаправленность подтверждается и временем написания самого сочинения, датировка которого легко устанавливается. Согласно общепринятому в историографии мнению, сочинение было написано Теганом между осенью 836 и летом 837 гг., самое позднее зимой 837/838 гг. [2. С. 141]. В любом случае это был уже завершающий период правления Людовика Благочестивого, и те факты внешней политики, ко-

торые приводятся в тексте, уже не просто произошли в прошлом, но имели конкретные результаты для настоящего. Даже если полностью согласиться с тем, что Теган не пользовался официальной анналистикой, сохраненные им факты удивительным образом могут свидетельствовать о значимости именно этих событий для жизни империи, что и зафиксировано общественным сознанием той эпохи. Все внешнеполитические деяния Людовика, о которых сообщает Теган, можно фактически разбить на насколько весьма устойчивых групп. Первую группу составляют отношения императора с Византийской империей. Теган достаточно обстоятельно останавливается на описании посольства, прибывшего от императора Льва V, всячески подчеркивая благосклонное отношение со стороны Людовика к его членам [3. С. 14, 45]. А.И. Сидоров, основываясь на использованной Теганом в тексте своего сочинения титулатуре византийского монарха, делает вывод о том, что трирский хорепископ сознательно принижал значение византийского императора по сравнению с императором Людовиком [4. С. 83]. Возможно, для конца 30-х гт. ІХ в. подобное представление о роли контактов с византийским миром было уже вполне адекватным, ибо в реальной внешнеполитической практике наблюдается заметный спад в интенсивности контактов между Западом и Востоком христианского мира. Но в начале своего правления Людовику активные контакты с Византией были жизненно необходимы, поскольку они должны были обеспечить сохранение за ним официального признания статуса императора как наследника Карла Великого [3. С. 14, 45]. Когда эта цель была достигнута, наблюдается охлаждение в контактах между двумя империями, Франкской и Византийской.

Вторую группу составляют отношения Людовика Благочестивого с правителями различных итальянских земель. Речь прежде всего идет о возобновлении вассальных отношений между империей и Беневентским герцогством, которое также длительное время находилось в сфере влияния Византийской империи. Теган упоминает об аналогичной процедуре признания сюзеренитета Людовика со стороны Бернарда Италийского [3. С. 14, 46].

Наконец, итальянские дела оказываются тесно увязанными с судьбой папского престола. В частности, Теган дважды упоминает о прямых контактах между императором и последовательно сменявшим друг друга папами Стефаном IV и Пасхалием [3. С. 15, 16, 47, 48]. В обоих случаях у Тегана красной нитью проходит идея превосходства императорской власти по отношению к власти пап [3. С. 15, 47]. Подобная мысль, сформулированная Теганом, весьма примечательна, ибо звучит в период, когда стремление папства все более и более доминировать в светских делах

становится весьма очевидной. В данном случае она служит своеобразным напоминанием Людовику на закате его жизни и политической карьеры о необходимости сохранить незыблемыми те достижения, которых он достиг ранее в отношениях с папством.

Особое место в сочинении Тегана занимает описание взаимоотношений Людовика Благочестивого со славянскими землями. Он, в частности, сообщает о прибытии посольств от славянских правителей из соседних земель в Саксонию, где Людовик в 815 г. созвал большой совет. Теган, однако, не уточняет, откуда конкретно прибыли эти посольства [3. С. 15, 47]. Вероятно, речь идет об июльском большом совете в Падерборне, куда, как уточняют «Анналы королевства франков», прибыли представители знати и послы от «восточных славян» [2. S. 142]. Тем не менее, Теган перечисляет походы франков против сорбов, поднявших мятеж, и против чехов, которых возглавлял их князь Лидуит. Оба этих военных предприятия закончились, согласно его тексту, победой франков [3. С. 15, 21, 54]. В целом, славянский пласт сочинения Тегана не идет вразрез с сообщениями официальных франкских анналов, что позволяет предположить его знакомство с ними. Этот пласт лишь дополняет образ Людовика Благочестивого как активного борца против язычников, с одной стороны, и как продолжателя политики своего отца в отношении славянского мира, с другой.

Дополнением к этому предположению служит упоминание Теганом двух экспедиций на другом краю империи. Речь идет о бретонцах, которые попытались после смерти Карла Великого восстановить свою независимость. Эти походы, по мнению Тегана, также увенчались полным успехом. Мятежная территория была приведена к повиновению [3. С. 21, 53], что, однако, не привело к окончательному решению бретонского вопроса.

Наконец, Теган особо останавливается на посольстве, прибывшем из Болгарии. Теган подчеркивает весьма доброжелательное отношение, проявленное со стороны Людовика к болгарским послам, что разительно отличает от того, как он описывал отношение с другими славянскими народами [3. С. 22, 55]. Возможно, эта благожелательность проистекала из того факта, что болгары уже были включены в орбиту христианского мира.

Что же касается тех врагов, которые начали тревожить Франкскую империю еще в годы правления его отца с юга и с севера, то есть сарацин и норманнов, то отношение к ним со стороны Тегана сохраняется вполне спокойное. Он не выходит за рамки однократного упоминания о вторжении сарацин в южные пределы империи, отделавшись одним предложением [3. C. 22, 55].

Столь же спокойно он воспринимает «норманнскую утрозу». Теган дважды обращается к норманнской тематике, и оба раза это касалось деятельности датского конунга Хериольда. Первое сообщение связано с неким посольством от данов, которое прибыло ко двору Людовика Благочестивого с просьбой о мире. Теган не уточняет дату этого посольства [3. С. 15, 47]. По мнению А.И.Сидорова, здесь была нарушена хронологическая последовательность в изложении событий, когда события 815 г. оказались впереди событий предшествующего, 814 г., что якобы свидетельствовало о том, что Теган не пользовался данными официальной анналистики [2. С. 86]. Вряд ли можно полностью согласиться с этим мнением, поскольку в «Анналах королевства франков» под 814 г. также нет никакого упоминания о том, что кто-либо из противоборствующих сторон в датских землях просил франкского императора о помощи. Речь идет лишь о том, что в результате междоусобной борьбы Хериольд был вынужден бежать во Франкию и там совершить акт коммендации в пользу императора Людовика [2. S. 141]. Но в 815 г., по сообщению тех же анналов, Людовик действительно оказал помощь Хериольду, попытавшемуся при помощи франкских мечей вернуть себе верховенство в датских землях [2. S. 142]. Поэтому выглядит вполне возможным тот факт, что эта помощь была оказана датскому конунгу в результате его прямого обращения к императору.

Второй раз норманны появляются на страницах сочинения Тегана, когда он излагает события 826 г. Действительно, одним из наиболее примечательных среди них было крещение конунга Хериольда, его жены и ближайшей свиты в Майнце. Об этом событии упоминают практически все более или менее значимые анналы того времени, анонимные авторы которых рассматривают это событие как еще одно доказательство господства христианской веры в тогдашнем мире. Но, сообщив об этом, безусловно, незаурядном событии, Теган отнюдь не склонен преувеличивать его значение. Даже передача Хериольду в управление части Фризии воспринимается им совершенно спокойно, как факт, который абсолютно не снижает образ Людовика Благочестивого как христианского монарха и защитника католической веры [7].

В целом, касаясь «норманнского вопроса», Теган совершенно не склонен придавать ему какое-либо исключительное значение. Он стоит в одном ряду с необходимостью Людовику Благочестивому решать более важные, на его взгляд, внешнеполитические проблемы, проблемы, которые требуют его личного вмешательства. Таким образом, наш автор, вероятно, практически не ощущает в момент написания своего сочинения какой-либо значимой угрозы со стороны норманнов как для себя лично, так и для всей

Франкской империи. Это служит лишь дополнительным доказательством в пользу того, что опасность со стороны норманнов в 30-е гг. IX в. была сильно преувеличена историками спустя столетия. Весьма примечателен и тот факт, что Теган не использует самого понятия «норманны». Он знает только данов. Это может свидетельствовать о том, что в его время термин «норманн» еще не принял общеупотребительного значения, отождествляемого с грабежами и насилиями, подменив собой такие более нейтральные этногеографические понятия, как даны или свеоны.

Такой же подход сохраняется и в описании событий конца правления императора Людовика Благочестивого, содержащихся в так называемом «Дополнении в Венской рукописи», составленном в конце 40-х гт. ІХ в. Неизвестный продолжатель текста сочинения Тегана по-прежнему пользуется только понятием «даны», даже когда речь идет об их нападении на Фризию в 837 г. Безусловно, тональность этого отрывка выглядит несколько иной по сравнению с текстом самого Тегана, но ее недоброжелательный характер объясняется фактом убийства множества христиан, которое совершили даны, захватив одну из крепостей. Реальные, и отнюдь не радостные, события вторгаются в литературное творчество, заставляя автора указать о них.

Таким образом, сочинение Тегана вряд ли может рассматриваться как один из элементов в процессе формирования в Западной Европе «норманнского мифа». Его даны отнюдь не кровожадные дикари, уничтожающие все на своем пути. Наоборот, они склонны к восприятию христианской веры и, более того, к служению интересам франкского императора. Они лишь одни из многих тогдашних народов, граничивших с пределами империи, с которыми и Карл Великий, и Людовик Благочестивый выстраивают особую линию отношений, цель которых заключается, фактически, в стратегии сдерживания, сохранения статус-кво, складывавшегося в течение предшествующих десятилетий.

У сочинения Тегана есть одна особенность. Когда он ведет речь о

У сочинения Тегана есть одна особенность. Когда он ведет речь о внешнеполитических событиях, он ограничивается их перечислением только до 827 г. Далее у него внешней политики Людовика как будто бы и нет. Но этому есть свое объяснение, которое лежит в самой цели появления его сочинения. Все, что случилось после 830 г. и что заметно снижало ценность образа Людовика Благочестивого как монарха, должно было остаться вне текста, предназначавшегося для потомков. Вероятно, это распространялось и на внешнеполитическую часть его политики. Однако, даже такой искусственный отбор фактов не свидетельствовал о том, что Теган, излагая их в хронологической последовательности, стремился к сознательному их искажению. Иные источники того времени подтвер-

ждают их подлинность. Но сам принцип отбора фактов внешней политики Теганом служит, во-первых, дополнительным свидетельством об их ценности для формирования коллективной внешнеполитической памяти франкской эпохи, и, во-вторых, об их ценности для самого автора, ибо не сказать о них, значит, не сохранить для потомков подлинный образ императора Людовика Благочестивого.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Теган. Деяния императора Людовика. Под ред. А.И.Сидорова. СПб., 2003.
- Annales Regni Francorum inde ab a.741 usque ad a.829 qui dicuntur Annales Laurissenses maiores et Einhardi. Ed. G.H.Pertz, F.Kurze. Hannoverae, 1895 (Neudruck 1950).
- Карачинский А.Ю. Vita Hludovici Тегана Трирского // Вестник всеобщей истории. СПб., 1999. Вып. 2.
- Сидоров А.И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского Возрождения. СПб., 2006.

УДК 930.1

В.В. Трубкин

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О РУССКО-ЛИТОВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XIII–XV вв.

Показаны основные тенденции в развитии дореволюционной историографии проблемы.

История возникновения и развития Литовско-Русского государства как особая исследовательская проблема появилась в русской историографии довольно поздно. В XVIII - начале XIX в. те или иные факты из истории этого обширного региона привлекались только в общем изложении отечественной истории. При этом долго доминировал подход, лучшее определение которому в середине XIX в. дал С.М. Соловьев: «...неверно историю Юго-Западной Руси ставить наряду с историею Северо-Восточной: значение Юго-Западной Руси остается навсегда важным, но всегда второстепенным; главное внимание историка должно быть постоянно обращено на север» [1. С. 439]. Еще одна черта русской историографии тех лет - отсутствие интереса к Великому княжеству Литовскому как к самостоятельному историческому явлению, привлечение материалов его истории только в связи со стремлением показать борьбу Российского государства с его противниками. Другими словами, история самого Литовско-Русского государства, его отношения с русскими землями как самостоятельная научная проблема еще не была осознана.

Все же необходимо заметить, что российские историки конца XVIII — первой половины XIX вв. проделали большую работу по выявлению и введению в научный оборот основного круга источников по истории русско-литовских отношений XIII—XVI вв. К примеру, Н.Н. Бантыш-Каменский подготовил обзор содержания посольских книг сношений России с Великим княжеством Литовским и Польшей за 1487—1584 гг., опубликованный намного позднее. Посольские дела, польские и крымские, наряду с летописями служили М.М. Щербатову главным источником при изложении внешнеполитических событий, кроме того, он использовал разряды, родословия, хронику М. Стрыйковского. Еще шире источниковая база «Истории» Н.М. Карамзина. Он привлек ряд летописей, неизвестных М.М. Щербатову, хронику М. Кромера, «Записки» С. Герберштейна, копии документов Кенигсбергского архива и другие материалы, относившиеся к русско-литовским отношениям конца XIII — первой трети XVI в.; часть из них он поместил в примечаниях.

В труде С.М. Соловьева сколько-нибудь значительного расширения фактической основы при изложении русско-литовских отношений указанного периода уже не наблюдается – за исключением впервые использованных им материалов двух томов «Актов Западной России», извлеченных в основном из Литовской метрики и опубликованных в 1846-1848 гг. Главным отличием труда С.М. Соловьева от работ его предшественников состоит в освещении внешней политики России указанного времени в связи с внутриполитическими процессами. Там, где М.М. Щербатов и особенно Н.М. Карамзин видели столкновение характеров воюющих государей, С.М. Соловьев усмотрел глубокое различие в государственном устройстве Московской и Литовской держав, объяснявшее военный перевес первой из них. Если соединение областей в Московском государстве, по мнению историка, «было прочно по единоплеменности и единоверию народонаселения», то великие князья литовские ослаблялись «внутреннею борьбою между составными частями своих владений». Кроме того, в то время как «московский государь самовластно располагал средствами своей страны», его соперник в Польше и Литве вынужден был обращаться за помощью к сеймам и зависел от вельмож [2. С. 148, 149].

Немалой заслугой С.М. Соловьева было и то, что, опережая появление монографических исследований по истории Великого княжества Литовского и Западной Руси, он написал очерк положения городов, сельского населения, судоустройства в землях, находившихся под литовской властью [2. С. 160–165, 168–169, 197–198].

Политические события, прежде всего польские восстания, привлекли внимание последователей к истории «Западной Руси». Началась интенсивная археографическая деятельность как в Петербурге, так и в западнорусских центрах [3]. Вскоре громко зазвучали голоса исследователей в пользу изучения Великого княжества Литовского. Один из первых принадлежал петербургскому историку Н.Г. Устрялову. В 30-х гг. XIX в. он заявил: «Доколе оно было самостоятельно, имело своих князей из дома Гедимина, сохраняло все черты русской народности и спорило с Москвою о праве господствовать над всей Русью, историк обязан говорить с равною подробностью о делах литовских и московских и вести оба государства рядом так точно, как до начала XIV столетия он рассказывал о борьбе удельных русских княжеств... Положение дел будет одно и то же, с тою единственною разностью, что в удельное время было несколько систем, а тут только две: московская и литовская» [4. С. 40]. Истории Великого княжества Литовского он посвятил одну из глав своего учебника русской истории, который несколько раз переиздавался.

Вслед за Н.Г. Устряловым к изучению Литовско-Русского государства обратились и его преемники на кафедре русской истории Санкт-Петер-бургского университета — Н.И. Костомаров и К.Н. Бестужев-Рюмин. Последний даже строил периодизацию отечественной истории, исходя из наличия двух центров объединения русских земель: московского и литовского [5. С. 105–107]. В 50–60-х гг. ХІХ в. стали появляться специальные работы по истории Западной Руси и русско-литовским отношениям. Правда, первые исследования оказались не очень высокого уровня. Так, вышедшее в 1857 г. «Обозрение истории Белоруссии» Ф. Турчиновича представляло собой компиляцию, составленную в основном по Н.М. Карамзину и Нарбуту и несвободную от грубых ошибок [6]. Исследование Г.Ф. Карпова о русско-литовских отношениях 1462–1508 гг., хотя и явилось первой монографией на эту тему, но ни богатством фактического материала, ни глубиной анализа не отличалось [7]. Очень скоро его книга потеряла всякое научное значение.

Восстание 1863—1864 гг. в Польше, Литве и Западной Белоруссии, подавленное царизмом, вызвало в обществе повышенный интерес к Западному краю империи и его прошлому. Откликом на официальный «заказ» явился ряд изданных в 60–80-х гг. XIX в. сочинений, в которых «доказывалось», что «западнорусский народ» (куда относились и белорусы, и украинцы) веками подвергался полонизации, испытывал гнет католицизма, а воссоединение с Россией после разделов Польши в конце XVIII в. явилось для него освобождением и актом исторической справедливости [8. С. 52–67, 72–75].

Главный идеолог этого направления, профессор Петербургской духовной академии М.О. Коялович, считал, что через всю историю Западной России проходит борьба двух начал — русского и польского [9. С. 161]. Неоспоримой его заслугой было то, что он обратил внимание на долгое сохранение в рамках Литовского княжества древнерусских общинных, земских традиций, которые буквально пронизывали жизнь этого государства.

Созданный в 40-е гг. XIX в. Киевский университет Св. Владимира стал крупным центром по изучению Великого княжества Литовского. Он являлся своеобразным российским форпостом в борьбе с польским влиянием, которое усилилось к 1860-м гг., достигнув своего апогея в ходе восстаний. Одним из средств борьбы было изучение истории Западной Руси. Профессор университета Н.Д. Иванишев подготовил целую плеяду учеников, крупнейшим из которых был В.Б. Антонович. В «Очерке истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда» В.Б. Антонович попытался понять механизм возникновения и развития

княжества. Историк считал, что литовцы двигались в направлении к теократическому государству, но внешние условия, и, прежде всего, угроза со стороны рыцарских орденов, ускорили процесс становления государственности и заменили мирную власть жрецов властью князей. Однако, чтобы выстоять в борьбе с противником, литовцы примкнули к Руси [10. С. 11–12]. В «Исследовании о городах в Юго-Западной России» В.Б. Антонович подробнее описал внутреннее устройство русских земель в составе Великого княжества Литовского, в основе которого лежал принцип общинности. При этом сама община не оставалась неизменной, на ее эволюцию сильно повлиял «военно-феодальный порядок», заимствованный литовцами из «немецких государств» [10. С. 164–166].

По вопросу об образовании Литовско-Русского государства в полемику с В.Б. Антоновичем вступил профессор того же университета Н.П. Дашкевич. По его мнению, «и в первой половине XIII в. не всегда имела место политическая разрозненность, а развивалось нечто вроде федерации, в которую входили Литва и Жмудь», а позже вошли и русские земли [11. С. 11]. В отличие от В.Б. Антоновича, Н.П. Дашкевич считал, что борьба русского и литовского «начал» возникла лишь после 1386 г. Литовское завоевание не изменило общественного строя русских земель, которому свойственны были глубоко укоренившиеся общинные традиции. Таким образом, в работах киевских историков четко обозначились те спорные проблемы русской историографии Великого княжества Литовского, которые будут неоднократно обсуждаться: об отношении «народностей» в этом государстве, о характере самого государства, о положении русских земель, о литовском «феодализме» и т.д.

Выдающимися последователями профессора Н.Д. Иванишева были специалисты в области истории русского права М.Ф. Владимирский-Буданов и Ф.И. Леонтович. В своем исследовании «Немецкое право в Польше и Литве» М.Ф. Владимирский-Буданов писал об общинном, земском характере общественного строя русских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского. Немецкое право, по его мнению, явилось «основной причиной упадка городов юго-западного края» [12. С. 2]. Оно пагубно повлияло на исконные «славянские порядки» и, в частности, разрушило связь города с землей, породив взамен былого «земского единства» сословную борьбу и оставив город беззащитным перед натиском враждебных ему внешних сил [12. С. 104, 108, 119 и др.]. Ф.И. Леонтович стремился оценить то огромное влияние, какое удерживали в русских землях «начала» древнерусского быта. Он изучал «феодализм» в Литовско-Русском государстве, связав его с проблемой генезиса и развития этого государственного организма. В вопросе рождения Литовского

государства Ф.И. Леонтович основной упор делал на добровольном союзе русских земель и Литвы [13. С. 29–30]. Кроме того, он в специальных статьях рассмотрел некоторые государственные институты Великого княжества Литовского, коснулся вопросов рождения сословного строя государства.

Необходимо отметить, что в отечественной историографии второй половины XIX в. создалось представление о Великом княжестве Литовском как о каком-то противоестественном соединении разнородных элементов, нежизнеспособном образовании, раздираемом социальными и национально-конфессиональными противоречиями и уже с конца XIV в., со времени унии с Польшей, вступившем на путь упадка и гибели. Положение стало меняться с 90-х гт. XIX в., когда на основе начавшегося систематического освоения материалов Литовской метрики исследователи перешли от поиска абстрактных «начал» к изучению реальных процессов в Литовском государстве XIII—XVI вв. В конце XIX — начале XX в. изучение Великого княжества Литовского и его отношения с русскими землями в русской исторической науке достигло наивысшей степени интенсивности.

Значительный вклад в изучение литовско-русской истории внесли работы М.В. Довнар-Запольского. Его магистерская диссертация о государственном хозяйстве Великого княжества Литовского стала своего рода энциклопедией государственной жизни огромного региона Восточной Европы. По мнению исследователя, русское влияние в княжестве было не только хронологически более ранним, но и по своему воздействию на государственность более значимым, чем польское. Главная же особенность образования Литовского государства – в раннем проявлении государственных начал в противовес вотчинным порядкам в самой Литве и земскому строю русских областей [14. С. 7–8]. Государство представляло собой, по мысли М.В. Довнар-Запольского, федерацию, в которую с русской стороны входили удельные княжения и земли. Если Литовское княжество, в узком смысле этого слова (т.е. земли Аукштайтии и приросшие к ним русские земли Черной Руси), князья считали своей вотчиной, то с другими частями государства установились договорные отношения [14. С. 50–52].

Существенный вклад в изучение Великого княжества Литовского внес М.С. Грушевский. До XIII в. историк не видел у литовских племен следов сильной политической организации — ее создал только Миндовг. При Гедимине литовское правительство вступило на путь собирания русских земель. Причем завоевания не произошло, а имело место собирание «рассыпанной части киевской державы». Государственный строй княжества в

XIV в. представлялся М.С. Грушевскому весьма схожим с государственным строем Древней Руси. Литовское правительство давало землям широкую автономию. Ликвидация княжеской власти на местах при Витовте — шаг к централизации, но до полного уничтожения автономии, по мысли историка, было еще очень далеко. Эта система напоминала федерацию, однако в ней до середины XVI в. еще отсутствовали формы представительства земель в центральных органах власти [15. С. 5–99].

Судьбы отдельных земель, входивших в Великое княжество Литовское, так же привлекли к себе с конца XIX в. внимание исследователей. Областные привилеи, регулировавшие отношения восточных земель с центральным правительством, стали предметом изучения М.Н. Ясинского и И.В. Якубовского. Появились первые региональные исследования (Среди авторов — И.П. Виноградов, И. Побойнин, Г. Богуславский, П.Г. Клепатский и др.).

В Петербурге существовали свои давние традиции изучения Великого княжества Литовского и его отношений с русскими землями. Сформировалась группа крупных исследователей, занимавшихся литовско-русской стариной. Отдельными проблемами истории княжества занимались С.А. Бершадский, В.Г. Васильевский, И.И. Лаппо. Обратился к его истории и А.Е. Пресняков. В стенах Петербургского университета он читал курс, посвященный истории Западной Руси и Литовско-Русского государства.

А.Е. Пресняков рассматривал зарождение литовской государственности на широком фоне западнорусской истории: «Западной Руси готовилась судьба пойти материалом на строение нового политического здания — Великого княжества Литовского, войти в состав «земли Литовской» в тесном смысле слова, центральной области нового государства, к которой другие области русские примкнули как аннексы» [16. С. 45]. Ученый проанализировал процесс объединения литовских племен, деятельность Миндовга, состояние государственности при его ближайших преемниках. Он пришел к выводу, что русификация Литвы, объединение литовского и русского народов проходили очень медленно, а «государственность, подтачиваемая в русской среде раздробленностью и развитием удельщины, в литовской — не менее сильной раздробленностью отношений на живой основе первобытных отношений, слагалась постепенно, с большим напряжением сил...» [16. С. 52]. Он отметил тесную связь военного дела и военной службы с землевладением, что брало свое начало от древних вотчин «потомков племенных династов». Ученый изучил этапы униатской политики, а также существенные изменения, которые происходили в социально-экономической и политической жизни государства, рассмотрел строй «земельческой и политической жизни государства.

аннексов» [16. С. 60–62, 110–130]. А.Е. Пресняков изучил историю Великого княжества Литовского вплоть до 70-х гт. XVI в. Его книга до сих пор является одним из важнейших сочинений по данной теме.

В Московском университете традиции изучения Великого княжества Литовского продолжил М.К. Любавский — один из крупнейших специалистов в области истории Литовско-Русского государства своего времени. Истории местного управления в нем посвящен один из его фундаментальных трудов. Ученый пришел к важным выводам о «сохранении местной политической старины» отдельными землями (Полоцкой, Витебской, Смоленской и т.д.), известной самостоятельности в рамках Великого княжества Литовского, которому, по мнению М.К. Любавского, был присущ федеративный характер [17. С. 61–62]. Истории центрального управления посвящена его работа о литовско-русском сейме [18].

Переработав огромный материал, касающийся литовско-русской истории, М.К. Любавский в 1910 г. выпустил капитальную монографию «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно» (в 1915 г. книга с незначительными дополнениями вновь увидела свет). Эволюция Литовского государства представлялась историку в следующем виде. В XII – начале XIII в. у литовцев существовали мелкие общественные союзы, получившие в русских источниках название волостей. Во второй половине XIII в. в разбитой на мелкие общественные союзы Литве образовалась крупная политическая структура – великое княжество под властью Миндовга и его ближайших преемников. М.К. Любавский считал, что одновременно с этим государством родилась и значительная земельная аристократия. Анализируя процесс присоединения русских земель, историк пришел к выводу, что «сила оружия в данном случае имела второстепенное значение. Литве сравнительно легданном случае имела второстепенное значение. Литве сравнительно легко было захватывать раздробленную Русь. Мало того, под давлением
внешних опасностей западнорусские земли сами должны были идти в
объятия Литвы». М.К. Любавский проследил процесс развития политической структуры Литовско-Русского государства, которое в конце XIV в.
состояло из конгломерата земель и владений, объединенных только благодаря верховной власти великого князя. Это государство являлось симбиозом нескольких политических организаций. Исследователь скрупулезно рассмотрел политических организации. Исследователь скрупулезно рассмотрел политическую структуру Литовско-Русского государства, ее особенности, региональные различия. Как истинный государственник, он преуспел в вопросах генезиса и политического устройства государства [19. С. 51. 73].

Безусловную важность работ М.К. Любавского в вопросе изучения литовско-русской старины передают слова другого видного исследователя —

И. Малиновского: «можно не соглашаться с некоторыми мнениями, взглядами проф. Любавского, но нельзя не признать, что его исследования – крупное явление в русской исторической литературе: последующим научным работникам в той же области литовско-русской истории предстоит идти дальше от его исследования, как от отправного пункта, считаясь с его взглядами, опровергая или развивая их» [20. С. 154].

С Московским университетом было связано начало деятельности известного историка В.И. Пичеты. До 1917 г. было опубликовано несколько работ ученого, в том числе и «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве». В ней автор не только проанализировал важные исторические явления Литовско-Русского государства в XVI в., но и совершил очень интересный экскурс в историю предыдущих веков [21].

Итак, проблема развития Русско-Литовского государства и его отношений с русскими землями в отечественной дореволюционной историографии в начале фактически игнорировалась, но довольно быстро выделилась качестве ведущей в исследованиях ученых. Дореволюционные авторы осознали важность изучения этого вопроса для понимания в том числе и развития исторического процесса как в Великом княжестве Литовском, так и в русских землях. Исследования по данной теме прошли путь от работ, носящих компилятивный характер, до серьезных монографических трудов, в которых авторы отходили от описания событий и сосредоточивались на объяснении и оценке тех или иных исторических событий.

Заслугой дореволюционных авторов несомненно является вычленение проблемы изучения собственно Литовско-Русского государства, причин и условий его возникновения, внутреннего устройства, отношений с соседями. Поднимая и решая такого рода вопросы в своих исследованиях, ученые не просто выражали свое мнение, но и вносили существенный вклад в понимание закономерностей исторического процесса на территории не только Великого княжества Литовского или Московской Руси, но и в рамках все Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II., 1988.
- 2. Соловьев СМ. Сочинения. Кн. III. М., 1989.
- Улащик Н.Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода. М, 1973.
- Устрялов Н.Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское. СПб., 1839.
- Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990.
- 6. Турчинович Ф. Обозрение истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857.

- Карпов Г.Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462– 1508. М., 1867.
- Карев Д.В. Белорусская историография в эпоху капитализма (1861–1917 гг.) // Наш Радавод. Материалы международной научной конференции по религиозной истории Восточной Европы. Кн. 3. Гродно, 1991.
- 9. Коялович М.О. Лекции по истории Западной России. М., 1864.
- Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885.
 т. 1
- 11. Дашкевич Н.П. Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885.
- 12. Владимирский-Буданов М.Ф. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868.
- Леонтович Ф.И. Очерки истории литовско-русского права: Образование территории Литовского государства. СПб., 1894.
- Довнар-Запольский М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901.
- 15. Грушевськиі М. С. Історія Украини-Руси. Киів; ЛьвіВ, 1907. Т. IV.
- Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. П. Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939.
- Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого литовского Статута. М., 1892.
- Любавский М.К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М., 1910.
- Любавский М.К. Очерк истории Литвско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910.
- Малиновский И. Новые труды по истории Литовско-Русского государства // ЖМНП. 1911. № 11.
- Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958.

УДК 342.531

Н.В. Якуб

ЦЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ВО ВЗГЛЯДАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Анализируются взгляды европейских мыслителей средневековья и нового времени на цели государственной политики.

За тысячелетнюю историю средневекового общества его историкополитическая и юридическая мысль сумела сформировать основные представления о государственном организме. Для ее представителей именно государство являлось единственным институтом, способным максимально выразить все интересы общества. Средневековая историческая и политическая мысль наиболее полно, по сравнению с античной, исследовала основные направления деятельности государства, его цели и задачи, а также методы и средства для их достижения. Конечно, усложнение самой жизни не могло не повлиять на те цели, которые необходимо было ставить на первое место для выживания человеческого рода и общества. И здесь можно наблюдать определенную последовательность и преемственность во взглядах авторов средневековья, обращавщихся к античному наследию. Это, прежде всего, такие цели человеческого общества и государства как мир, свобода (жизнь согласно своей воле), общественное благо. Однако ряд идей, появившихся на свет вследствие противостояния церковной и светской власти, власти пап и сил абсолютных монархов, феодальных традиций и нарождавшихся буржуазных, мелкособственнических элементов, являются своеобразным достижением исключительно средневековья. Среди них создание права как института, выражающего интересы и волю большинства членов общества через государственные механизмы. В основу этих механизмов легли христианские принципы справедливости (Августин Блаженный), то есть соединение в одно целое трех элементов - естественного закона, норм морали и справедливости, основных принципов христианской религии; гармоничное отношение между всеми политическими элементами государства (Данте); народный суверенитет как средство и форма достижения гражданского счастья (У. Оккам, Марсилий Падуанский); человеческое и гражданское равенство через свободное состояние индивидуума в государстве (Этьен де Ла Боэси); могущество, власть и сила государства в лице его правителя (Н. Макиавелли); суверенитет как сочетание воли народа с

волей верховной власти для достижения общего блага (внутреннего мира, справедливости, социальной гармонии, защищенности от внешних врагов) (Ж. Боден); целью любого государственного образования должна быть международная справедливость, основные принципы которой основываются на естественных и волеустановленных законах (Г. Гроций).

Средневековую мысль, в отличие от античной, в большей степени интересовала внутренняя сторона жизни государства. Исключением можно считать лишь концепцию Г. Гроция. Эта особенность связана с рациональным отношением к миру, с его логическим осмыслением, что было характерно для политико-юридической мысли заката средневекового общества. Акцент на внутренние, постоянные, актуальные проблемы общества в целом преобладал над проблемами внешними, эпизодическими, временными. Отсюда и некоторая противоречивость в определении главного выразителя государственного интереса. У Оккама и Марсилия Падуанского государство есть нация, у Б. Паскаля, наоборот, не каждый народ достоин государственного оформления, у Н. Макиавелли государство это личность правителя, его желания и цели, у Т. Мора это гармоничное сочетание личных и общественных интересов, у Ж. Бодена цель государства есть достижение интересов самого государства как организма, соединяющего верховную власть с народом.

Непоследовательность и противоречивость прослеживается и в перечне средств, необходимых для достижений целей государства. С одной стороны, происходило осознание того, что только силовыми мерами не всегда возможно достичь желаемого результата, что делало необходимым использовать справедливые, гуманные меры, основанные на христианских нормах. С другой стороны, наблюдается постоянное возвращение к силе и выгоде как способов для достижения наиболее благоприятных условий жизни, когда справедливым объявлено все, что желательно для общества в целом и для его отдельных частей.

Неоспоримым достижением историко-политической мысли средневековой эпохи является также сочетание правосудия с «земной» справедливостью, как выраженной в законе силе народа. Кроме того, как характерную особенность можно выделить стремление средневековых мыслителей, особенно позднего времени, отождествлять государство с определенной территорией и ее населением, выражающим в большей мере интересы государственного правителя, нежели всего общества в целом.

В историко-политической мысли Запада периода Просвещения продолжилось формирование самостоятельных национальных (французской, английской, американской) школ, творчество представителей которых составило базовый фундамент политической идеологии той эпохи. Про-

светители продолжили средневековую традицию обоснования универсальных целей государства, прежде всего тех, которые влияют на экономическое состояние общества, сохранение его социального единства, а также роли целей, способствующих укреплению общественного блага и внешней безопасности. Их вкладом в концепцию целей государственной политики было создание и обоснование теории общественного договора и роли естественного права в защите интересов личности. Гуманизм и прогрессивность этих теорий оказали сильное влияние на формирование всей общественно-политической и исторической мысли.

Уже в рамках английской школы Просвещения (Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Юм, А. Фергюссон) были выдвинуты принципы, которые наравне с интересами общества в целевой политике государства обозначили интересы личности, то есть гражданина государства. По сути, представители этой школы впервые в развитии политической мысли обосновали положение, которое вменяло государству обязанность защищать и создавать условия для полноценной реализации естественных и политических прав человека – гражданина. В рамках данной школы зародилась идея формирования гражданского общества именно как института, выражающего интересы граждан государства, то есть такой политической силы, без которой немыслима и неосуществима политика любого государства.

Следует отметить, что во взглядах представителей Просвещения на проблему моральности и справедливости выбранных средств целевой политики не было единства. Ими были расставлены разные приоритеты относительно силовых и правовых факторов в политике. Как правило, анализируя привлекаемые для своих сочинений исторические источники, эти авторы приходят к выводу, что во внешней политике более предпочтительна сила, а во внутренней — правовые механизмы регулирования. Однако встречаются попытки соединить их воедино, объясняя силу на основе справедливости (Б. Спиноза).

Представителями французской школы Просвещения (Вольтер, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, П. Гольбах, К. Гельвеций, Морелли) по сути было завершено развитие и оформление ряда политико-правовых концепций, которым были приданы классические формы. Таковы доктрина прав человека и гражданина, теория общественного договора, концепция всесилия разумного закона, доктрина разделения властей, а также теория представительной и непосредственной демократии. Однако наибольший их вклад был в гуманистическое начало всех теорий — это наделение человека неотъемлемыми и естественными правами, в противопоставлении индивида обществу, в превосходстве частного интереса над общим, в придании наивысшего авторитета человеческим ценностям: свободе, ра-

венству, собственности, воплощающим одновременно разум и интерес, данные природой.

Основным методом обоснования этих политических доктрин был рационализм. Просвещение освобождало политико-правовую мысль от теологии и формировало рационалистическое понимание государства под воздействием принципа историзма и поиска объективных факторов, влияющих на государство и право. Французскими просветителями была выявлена связь формы государства с «национальным духом» общества, определена зависимость государственной политики от размеров территории государства (Ш. Монтескье, К. Гельвеций, П. Гольбах).

В рамках французской школы Просвещения можно также говорить о попытке ряда мыслителей обосновать на гипотетическом уровне совмещение общественного и личностного интересов в целевой политике государства (Ж.Ж. Руссо, К. Гельвеций).

Идеи и взгляды американских просветителей (Т. Пейн, А.Гамильтон, Т. Джефферсон) создали, в свою очередь, прочный фундамент для борьбы за независимость американских колоний и создания независимого государства. Особенностью данной школы является ее тесная связь с практической деятельностью по созданию нового государства демократического типа. Основополагающие документы этого нового государства (Декларация независимости 1776 г., Конституция 1787 г.), в создании которых американские просветители принимали самое активное участие, лишний раз подчеркивают эту особенность. В данных документах по сути впервые зафиксированы все ранее теоретически разработанные цели государственной политики.

В целом, в эпоху Просвещения в области формирования концепции целей государственной политики можно отметить как преемственность с некоторыми идеями, сформулированными в предшествующие эпохи, так и появление совершенно новых компонентов ее содержания.

УДК 930.1

Ю.А. Сорокин

ОБ ИЗМЕНЕНИИ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (XVIII–XX вв.)

Рассмотрены основные научные парадигмы, доминировавшие в отечественной исторической науке на различных этапах ее развития.

С момента становления исторической науки в России и до наших дней доминирующая в исторических исследованиях парадигма (под последней, вслед за американским исследователем Т. Куном, мы понимаем признанные научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решения всему научному сообществу) неоднократно изменялась.

Господствующий теоретико-методологической конструкцией исторических исследований в XVIII - начале XIX вв. являлся рационализм. Представители этого направления (Декарт, Спиноза, Лейбниц, позже французские просветители) яростно отрицали средневековую схоластику и религиозный догматизм и вовсе не склонны были объяснять все сущее промыслом Божьим. Именно в этом смысле рационализм стал одним из источников европейского просвещения. Исходя из культа разума, рационалисты полагали, что результаты, полученные в процессе познавательной деятельности человека, неизбежно приобретают объективный и всеобщий характер, разум при этом является и источником знаний, и критерием истинности. Рационалисты, в частности И. Кант, были убеждены, что успешное развитие и применение разума возможно лишь путем преодоления любых форм несвободы путем длительного морального совершенствования человеческого рода. Вполне понятно, что на этом основании отрицалась возможность революционного переустройства общества. Стало быть, общественный прогресс воспринимался как прогресс морали, как нравственное совершенствование человека. Последнее возможно лишь на основе просвещения, следовательно, просвещенный абсолютизм воспринимался рационалистами не только как результат вековой эволюции государства, но и как оптимальная форма государственного устройства, некое царство разума. Носителем и одновременно движущей силой такого прогресса выступает исторический герой, ибо его деятельность творит историю. Чаще всего исторический герой ассоциировался у рационалистов с монархом, создателем государства нового типа, просвещающим свой народ. Конечная цель деятельности такого государя с точки зрения европейских просветителей есть достижение общего блага. Теория общего блага предполагала наличие невиданных ранее, никем и ничем не ограниченных властных полномочий монарха, следствием чего стало разделение на «государство и народ», на «управляющих и управляемых» [1. С. 73-97]. Т. Гоббс подчеркивал, что власть монарха абсолютна и неделима, ибо государь находится над обществом и не следует никаким частным интересам. Монарх стоит и над справедливостью, при этом в своей деятельности не связан никакими законами [2. С. 309-322]. Теории просвещения лишали человека своего времени всех исторических корней, игнорировали религиозные, национальные, бытовые, социальные или иные особенности, зачисляя их в разряд «уродств», «ненормальностей». Собственно, «просветить» или «цивилизовать» значило для рационалистов приобщить к лучшим достижениям разума и идеалам европейского просвещения. Именно поэтому для многих европейских философов, например, Вольтера, Петр I есть идеальный государь: его деяния и личные качества - образец, шаблон, который надлежит накладывать на деяния любого другого монарха в России, отклонения от этого шаблона воспринимались весьма болезненно.

В философии Гегеля началом и сущностью мира объявлялась абсолютная идея или абсолютный разум. Исходную точку в развитии Гегель находит в способности человека как «конечного духа» познать самого себя, соответственно историю понимает как «прогресс духа в познании свободы». Мировой разум при этом может пользоваться индивидуальными интересами и страстями для достижения своих целей, т.е. проявляется в субъективной деятельности личности. В силу этого для историков этого периода характерен интерес к историческим личностям, прежде всего монархам. История безраздельно принадлежала царям. Соответственно, больший интерес у историков вызывали не конкретные деяния монарха, а его характер, образ жизни, моральные качества. Последние описывались с точки зрения некоего идеального набора характеристик (далеко не всегда декларируемого или даже осознаваемого историком), которыми объективно, заданно должен был обладать российский монарх с точки зрения авторов XVIII – первой половины XIX в.

Тяготея к широким обобщениям, к философствованию, историки — рационалисты основной формой научного творчества избрали крупномасштабные многотомные истории государства Российского, начиная с древнейших времен. Далеко не всегда историк успевал написать свой труд полностью, т.е. довести его до современных ему событий, но всякий раз он к этому стремился. Таковы труды В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина.

Во второй половине XIX в. значительное влияние на методологию общественных наук оказал позитивизм. Позитивисты, подобно рационалистам, тяготели к естественнонаучному материализму, по крайней мере, сохранили некоторые его элементы. Еще одна общая черта у рационалистов и позитивистов — убеждение в способности науки к бесконечному развитию. Но, в отличие от рационалистов, позитивисты решительно настаивали, что подлинное знание может быть получено лишь на основе развития специальных наук.

Столь дорогая сердцу рационалистов философия как особая наука, способная на самостоятельное исследование реальности, позитивизмом решительно отбрасывалась. Ей на смену приходил синтез наук, за которым О. Конт, признанный основатель позитивизма, готов был сохранить старое название философии и который, по сути, является наиболее общим выводом из совокупности естественных и общественных наук. Соответственно, Конт отказывал науке в праве ставить философские и мировоззренческие, по его терминологии, «метафизические» проблемы. Следовательно, по мнению данного автора, наука, в том числе и история, не должна претендовать на крупные обобщения, на поиск причин и следствий. Наука не объясняет, а только описывает явления, отвечает на вопрос «как?», а не «почему?». В конечном счете позитивистами было признано (в рамках феноменолизма), что наука имеет дело не с материальными объектами, существующими независимо от ученого, а лишь с совокупностью элементарных чувственных компонентов. В результате, к примеру, понятие «общество» оказывается привязанным к представлениям об обществе, которые формируются у изучавших его ученых, к взаимодействию и взаимовлиянию этих представлений. Это пробудило интерес к психологии и лингвистике, которые целым рядом позитивистов были поставлены во главу угла при изучении общественных явлений. Впрочем, сам Конт признавал при изучении общества «социальную статику», имевшую дело с устойчивыми («естественными») условиями существования любого общества, и «социальную динамику», изучающую естественные законы общественного развития, наличие которых Конт безусловно признавал.

Свою теорию познания позитивисты во многом заимствовали у Гегеля. Процесс познания по Гегелю означает, что ученый пытается познать абсолютную истину посредством субъективного изучения прошлого. В результате создается некоторое количество субъективных воззрений, каждое из которых имеет право на существование и одна нисколько не выше другой. Наиболее полное завершение подобный подход получил в расхожем афоризме «сколько историков — столько историй». Прираще-

ние знаний, т.е. приближение к абсолютной истине, которая остается, однако, недостижимой в принципе, происходит за счет расширения фактических знаний, почерпнутых из исторического источника. Отсюда проистекает невиданное ранее внимание к проблемам, связанным с источниковой базой исторической работы. Достоверность и репрезентативность источников, с точки зрения данной парадигмы, определяет качество научных исследований.

По Гегелю, «прогресс духа в познании свободы» развертывается через дух отдельных народов, сменяющих друг друга в истории, поэтому в центре познания у историков — позитивистов оказывается уже не личность монарха или героя, как у рационалистов, а этнос, проходящий в своем развитии ряд этапов, высшим из них является государство, на изучении отдельных институтов которого и должен сосредоточиться историк.

Сказанное не означает, что гегельянство и позитивизм вовсе не интересовались личностным началом в истории. Ставя во главу познания опыт, эксперимент, историки – позитивисты вернулись к изучению личности в истории. Однако, в отличие от рационалистов, представители позитивизма видели в личности не героя – творца истории, а многосложное историческое явление. Видные русские мыслители П.Л. Лавров и Н.К. Михайловский смогли разработать так называемый субъективный метод в социологии. Один из самых талантливых русских позитивистов Н.К. Михайловский, чьи идеи были весьма популярны в России, почитал личность мерилом прогресса. Идеалом для него являлась не любая, а разносторонне развитая, по словам Михайловского, «разнородная», личность. Однако, по его мнению, в России доминирует скорее разнородное общество при наличии «однородной» личности. Конфликт между ними неизбежен. Этот конфликт осознавался Михайловским, в том числе и как противостояние героя и толпы, что позволило ученому оставить интересные наблюдения о социально-психологических закономерностях взаимоотношений лидера и масс. Использование субъективного метода в социологии позволило П.Л. Лаврову и Н.К. Михайловскому сделать принципиальный вывод о партийности любых отраслей обществознания, справедливый и применительно к историческим знаниям. Историки второй половины XIX - начала XX в., тяготевшие к позитивизму, в своих сочинениях сосредоточились на изучении прежде всего богатейшего фактического материала, стремились писать историю так, как оно было в действительности, отсюда проистекает трепетное отношение к историческим источникам, реализовавшееся, помимо прочего, в практике изучения и переиздания памятников прошлого. Внимание к факту, к «феномену», отодвинуло на второй план широкомасштабные обобщения и значительные авторские отступления от предмета исследования, столь характерные, скажем, для Н.М. Карамзина. В своих исследованиях историки предпочитали ставить конкретные, чтобы не сказать частные, проблемы в сравнительно узких хронологических рамках. Историки попытались использовать в своей работе методы естественных наук, рассчитывая с их помощью придать больше объективности историческим знаниям. Наконец, для них характерны попытки сосредоточиться на психологических составляющих личности в истории, показать психологические и поведенческие мотивы поступков героев своих исследований.

Основной формой научного творчества в рамках данной парадигмы становится научная монография, в которой на максимально широкой и репрезентативной источниковой базе разрешались сравнительно узкие, частные проблемы.

Свержение самодержавия и приход к власти большевиков взорвали прежнюю социально-политическую ситуацию в стране, что немедленно сказалось на развитии исторической науки. Доминирующей парадигмой в молодой советской исторической науке становилась марксистская методология. Марксисты, как известно, распространяли принципы диалектического материализма на область общественных явлений, создав в итоге общую социологическую теорию - исторический материализм, что позволило придать смене эпох в истории человечества закономерный характер. Признавая закономерный характер исторического процесса, исторический материализм признает и активную деятельность людей в этом направлении. Человек, с точки зрения марксистов, не только объект, но и субъект истории. Важной составной частью исторического материализма является теория классовой борьбы. По мнению В.И. Ленина, эта теория выработала, во-первых, понятие «общественно-экономическая формация». На место рассуждения об обществе вообще было поставлено исследование определенных форм его устройства. Во-вторых, «действия «живых личностей» в пределах каждой такой общественно-экономической формации, действия, бесконечно разнообразные и, казалось бы, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям групп личностей, классов, борьба которых определила развитие общества» [3. С. 159].

Сведение индивидуального к социальному, типичных качеств личности к типичным качествам «групп личностей» означает понимание индивидуального как явления, соответствующего определенным социальным отношениям. Эта формула в марксизме обратима. В другой своей работе Ленин подчеркивал: «Социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым

изучает уже и реальных личностей, из действий которых и слагаются эти отношения» [4. С. 424]. Таким образом, для исторического материализма определяющим в понимании личности, ее развития и роли в истории являются исторически-конкретные общественные отношения, положение человека в системе социальных связей, место его в социальной структуре общества, социальный статус. В своих «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс указывал, что «сущность человека не есть абстракт, присущий данному индивиду. В своей действительности она есть совокупность общественных отношений» [5. С. 3]. Поскольку личность испытывает воздействие не всей совокупности общественных отношений, а лишь части их, марксисты призывали сосредоточиться на изучении микросреды — непосредственного источника, откуда личность черпала свои настроения, мысли, стремления, идеалы, мотивы поступков и т.п.

Социально значимые качества личности в историческом материализме вычленяются с помощью различных критериев, как-то: главной ориентацией сознания человека, его социальной роли в обществе или функций в системе разделения труда. Наиболее важным признается критерий, позволяющий с точки зрения марксистов, видеть сущность личности. По Ленину, такой критерий — «общественные действия личностей, т.е. социальные факты». Практическая человеческая деятельность включает в себя материальные и духовные, объективные и субъективные начала.

В полном соответствии с принципами исторического материализма молодые советские ученые-марксисты привносили в историческую науку новые проблемы и новые подходы к их разрешению, сосредоточивались на изучении крупных социально-экономических и общественных явлений (например, торгового капитала и торгового капитализма, классовой борьбе, социальных конфликтах и т.п.). Если их и интересовали личностные начала в истории, то лишь применительно к крупным революционерам, предводителям крестьянских войн и т.п.

Мы сознательно оставляем в стороне важнейшую проблему — насколько полным было усвоение марксисткой теории советскими историками, было ли обеспечено в советской историографии творческое, а не догматическое усвоение марксистских начал. Заметим только лишь, что некоторые современные западные авторы прямо заявляют, что в СССР историки-марксисты выступали против теории Маркса, политические процессы, протекавшие в стране в 1930—1940-х гг., деформировали развитие марксистской исторической науки [6. С. 170—172]. Иначе: те взгляды советских историков, которые мы привыкли именовать марксистскими», с точки зрения некоторых современных авторов, таковыми не являются. Имело место упрощение, даже вульгаризация марксисткой пара-

дигмы, сведение ее «к простому социологизированию» и т.п. Не возражая в принципе против таких выводов, мы вместе с тем должны заметить, что в любом случае марксистские методы познания не могут быть скомпрометированы их некорректными интерпретациями, действительно имевшими место в советской историографии.

Доминирующие настроения, имевшие место в обществе, можно охарактеризовать как антимонархические вообще и антиромановские в частности. В этих условиях в науке на первый план выходили не научная добросовестность и высокий профессионализм исследователя, а публицистический задор и политическая ангажированность: авторы задались целью дискредитировать самодержавие, показать, что именно Романовы привели страну к краху. Строго говоря, некоторые публикации рубежа 1910—1920-х гт. трудно назвать научными как в силу резких, несправедливых оценок, так и более чем вольной трактовки источников.

Марксистская парадигма исторической науки на этапе перестройки большинством историков была осмыслена как несостоятельная. Декларируемый в обществе плюрализм мнений привел в 1990-х гт. не столько к размыванию философских основ исторических конструкций, сколько к размыванию философских основ исторической науки. В исторических исследованиях воцарилась сугубая эклектика. Многие авторы демонстративно игнорировали историософские начала в своих сочинениях. Подобная ситуация спровоцировала феномен, который иногда называют кризисом исторической науки. Выход из этого кризиса мы усматриваем, помимо прочего, в отказе от механического объединения теоретикометодологических положений, принадлежавших различным научным парадигмам, т.е. ратуем за «чистоту» рационализма, позитивизма и марксизма и протестуем против дикого коктейля из них.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Сорокин Ю.А. Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск, 1999.
- 2. Гоббс Т. О гражданине // Т. Гоббс. Избранные произведения. Т. 1. М, 1964.
- Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 1.
- Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1.
- 5. Маркс К. Тезисы о Фейербхе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3.
- 6. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.

УДК 930.1

О.П. Володьков

КОНЦЕПЦИЯ ТОРГОВОГО КАПИТАЛИЗМА В РАБОТЕ М.Н. ПОКРОВСКОГО «РУССКАЯ ИСТОРИЯ В САМОМ СЖАТОМ ОЧЕРКЕ»

Рассмотрена эволюция взглядов М.Н. Покровского на место и роль торгового капитализма в начале 1920-х гг. и отношение к ней отечественных историков.

Сразу же после революции 1917 г. видный историк-марксист М.Н. Покровский выдвинулся на руководящие позиции в советской исторической науке. Объективно перед ним встали задачи создания комплекса новой учебной литературы по истории России и пересмотра своих прежних научных работ в связи с коренными переменами в жизни страны. Речь здесь идёт не только об идеологических обязательствах, но и о том, каким образом эти перемены «предусмотрены» предшествующим ходом русской истории в изображении того же М.Н. Покровского. В данной статье мы рассмотрим, в какой мере торговый капитализм был представлен в «Русской истории в самом сжатом очерке», и насколько изменились взгляды М.Н. Покровского на этот вопрос. Исходя из этого, мы сосредоточимся на суждениях о русской истории самого общего характера, содержащихся в этой книге, прежде всего, о торговом капитализме XVI - середины XIX вв. Торговый капитализм конца XIX - начала XX вв. будет учитываться лишь в том смысле, в каком он представляет единое целое с предшествующими этапами эволюции данной общественной системы.

В 1920 г. М.Н. Покровский написал две части своей новой работы, в которой представил очередной вариант своей концепции отечественной истории. В основу «Русской истории в самом сжатом очерке» были положены лекции, прочитанные учёным в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова в 1919—1920 гг. «Некоторые главы представляют собой стенограмму лекций». Необходимость подготовки и издания «Русской истории в самом сжатом очерке» была вызвана педагогическими, научно-методическими и идеологическими причинами. По сути дела, это был учебник, в котором систематически излагалась история России с марксистских позиций, но учебник очень своеобразный, написанный в жанре научно-популярного пособия. Он был рассчитан на широкую аудиторию, слабо знакомую не только с марксистской трактовкой истории, но и с исторической наукой вообще. Ведь слушателями университетских лекций М.Н. Покровского «были рабочие, пришедшие с фабрик и заво-

дов, от станка, и отправлявшиеся на фронт в качестве политических руководителей, пропагандистов и агитаторов в рядах Красной армии». Его книга была рассчитана на революционные массы, рекрутированные бурными событиями 1917—1920 гг. из социальных низов. Конечно, у «Сжатого очерка» была и научно-исследовательская сторона, однако она не играла решающей роли. Из этого видно, что данная работа не могла заключать в себе такой концепции русской истории, которая бы существенно расходилась с предшествующими изысканиями М.Н. Покровского. Более того, учёным была проведена непосредственная подготовка «Русской истории в самом сжатом очерке». Функцию своеобразного переходного звена между его старыми курсами — «Русской историей с древнейших времён», «Очерком истории русской культуры» — и новым курсом выполнила работа «Царизм и революция», вышедшая ещё в 1918 г. Сам М.Н. Покровский полагал, что его «Сжатый очерк» был историей революции, которую он определял как способы, которыми народные массы «пытались сбросить висевший над ними гнёт, гнёт царя и гнёт помещика». Его прежние курсы являлись обработкой ранее существовавших немарксистских «историй России» с позиций исторического материализма [1. С. 17–19]. По существу «Русская история в самом сжатом очерке» и, например, «Русская история с древнейших времён» были произведениями не разных концепций, а разных задач и жанров.

ми не разных концепций, а разных задач и жанров.

«Сжатый очерк» стал той работой М.Н. Покровского, которая получила от исследователей его творчества наибольшее количество замечаний и негативных оценок. Это произошло во многом потому, что именно в данной книге наиболее ярко и отчётливо была представлена концепция торгового капитализма. «Серьёзный научный анализ социально-экономического развития страны» М.Н. Покровский подменил «рассказом об эволюции торгового капитала...» [2. С. 57]. Отметим, однако, что речь идёт не о его условиях или параметрах, а о том, что он более настойчиво выдвигался историком на первый план, эффектно преподносился читателям, а среди них, вероятно и собратьям по перу, едва ли не пропагандировался. Не исключено, что М.Н. Покровский видел в своём торговом капитализме образец для подражания, воспитания молодых марксистских (а может быть, косвенно, и перевоспитания старых академических) кадров в сфере исторической науки. Например, учёный гораздо чаще, чем раньше использовал «торговый капитализм» и смежные с ним понятия. Данное обстоятельство особенно приковывало внимание оппонентов М.Н. Покровского. Им даже казалось, что торговый капитализм в его схеме заменил саму русскую историю, для объяснения которой теперь достаточно было сказать, что некоторое событие было продиктовано торговым капитализмом. Однако у

М.Н. Покровского за этим понятием, даже отдельно взятым, стояло определённое концентрированное выражение тех перемен в русской истории, которые, в конечном счёте, вели к рыночной экономике, капитализму, соответствующим им обществу и государству. Теперь в торговом капитализме историк видел явление, не столько в русской истории регулярно повторяющееся (возникающее, возрождающееся через определённые периоды времени), сколько постоянно в ней присутствующее, органический ей присущее. Для этого ему совершенно необязательно, да и не нужно было пересматривать свои исторические взгляды. Следовало осуществить перевод уже сложившейся, устоявшейся концепции на новый язык, казавшийся более выдержанно марксистским. Ведь революция (подобная российской 1917–1918 гг.) в общественной практике неизбежно сопровождается революцией в общественном сознании, а с ним и в языке. Конечно, подобного рода операция не может оставить историческую концепцию совершенно не изменившейся, однако в случае с М.Н. Покровским дело ограничилось корректировкой.

По мнению исследователей творчества учёного, концепция торгового капитализма в редакции именно «Русской истории в самом сжатом очерке» была одной из главных теоретических заготовок ранней марксистской историографии советского периода. Она со всей решительностью поддерживалась и развивалась М.Н. Покровским вплоть до конца 1920-х гг.

наибольший интерес представляют выводы тех историков (как и всегда применительно к М.Н. Покровскому), которые подробно анализировали его историческую концепцию. Историк Е.А. Луцкий утверждал, что «Сжатый очерк» был построен по схеме «Русской истории с древнейших времён», однако все этапы истории России рассматривались в нём сквозь призму торгового капитала. События отечественной истории непременно ставились в то или иное отношение к торговому капиталу. В результате он заслонил их отношения с какими-то другими объектами и процессами, в том числе имевшими большее значение, чем торговый капитал: например, способом производства. По мнению Е.А. Луцкого, М.Н. Покровский также оставил неясными грани между формациями в русской истории, которые затушёвывались торговым капитализмом [3. С. 352–356]. Между тем, очевидно, что эти грани в ней были более проницаемыми, чем в истории европейской.

Л.В. Черепнин находил что, изложенная в «Сжатом очерке» структура истории соответствует учению о формациях. М.Н. Покровский изложил в нём закономерности исторического процесса, направлявшуюся материальными интересами борьбу классов. В центре внимания историка оказывались разнообразные экономические вопросы, общественное движе-

ние. Л.В. Черепнин верно отметил, что объяснение каждой предшествующей эпохи имело для М.Н. Покровского значение для объяснения последующей. Таким образом, история представала перед нами как движение от современности к современности через прошлое. Однако, с нашей точки зрения, учёный понимал современность не как нечто данное и конкретное, а как нечто постоянно меняющееся. То есть, специфика советского режима для М.Н. Покровского заключалась в том, что он обладал способностью революционизировать действительность, а если быть до конца последовательным, то включая и сам этот режим: военный коммунизм – период НЭПа – сталинский социализм.

Среди ошибок «Сжатого очерка» академик Л.В. Черепнин упомянул отсутствие ясности в представлениях о формациях и закономерностях их смены: непонимание подлинной сущности феодализма как способа производства, утверждение о разложении феодального строя в XVI в. под влиянием торгового капитала. Вместо смены феодализма капитализмом он рассматривал смену торгового капитала промышленным. Однако нетрудно заметить, что генезис капитализма и предполагает вызревание промышленного капитала как наследника торгового [4. С 186–187].

Один из ведущих специалистов по творчеству М.Н. Покровского

Один из ведущих специалистов по творчеству М.Н. Покровского О.Д. Соколов считал, что в целом, выдвигая торговый капитал на первое место среди других факторов исторического развития, М.Н. Покровский не отрицал значения этих факторов, в том числе, способа производства. Подчёркивание роли торгового капитала у него создавало впечатление их недооценки [5. С. 50]. Таким образом, концепция торгового капитализма повредила восприятию исторической концепции учёного последующими историками. Иными словами, М.Н. Покровский не прятал слабые места своей концепции, в общем не столь уж и предосудительные, а, наоборот, возводил их в степень. В целом О.Д. Соколов заключал, что историк стоял на марксистских позициях, а ошибки допускал в каких-то конкретных случаях [6. С. 71]. Однако к торгово-капиталистическим построениям историограф относился негативно. Исследователи творчества М.Н. Покровского регулярно заявляли, что учёный не смог прояснить грань между феодализмом и капитализмом, поэтому ещё более её затушевал при помощи торгового капитализма. Похоже, они предпочитали версию непосредственного перехода феодализма в капитализм. М.Н. Покровский же показал, что этот переход был опосредован торговым капитализмом, а эпоха торгового капитала и была этой гранью.

Автор диссертации о творчестве М.Н. Покровского В.В. Нардин считал, что именно в «Сжатом очерке» учёный создал торгово-капиталистическую концепцию русской истории. Торговый капитал стал уни-

версальным критерием анализа социально-экономических явлений и процессов. Однако этот исследователь исторических взглядов учёного признавал, что, если когда-то и где-то торговый капитал приобретал особое значение, то выделение соответствующей эпохи вполне оправданно с научной точки зрения. По аналогии с ней выделяются крепостничество, мануфактурный период и т.п. В.В. Нардин справедливо заключал, что суть рассмотрения той или иной эпохи не в названии, а в её общей характеристике [7. С. 131–133]. Действительно, нельзя подменять всю полноту научно-исторических воззрений М.Н. Покровского суммой его формулировок, примыкающих к понятию «торговый капитализм». В.В. Нардин указывал, что в своём «Сжатом очерке» историк не создал ничего принципиально нового по существу торгового капитализма. В этом смысле его концепция развивалась «вширь», а не «вглубь». В то же время эта книга М.Н. Покровского, в отличие от предыдущих его общих курсов, целиком основывалась на отображении классовой борьбы, народного и революционного движения как стержня отечественной истории [8. C. 289, 3201.

Критики М.Н. Покровского зачастую плохо различали марксизм и экономический материализм на уровне конкретно-исторического исследования. Если учёный, указывая на экономическую причину исторического события, сообщал ещё о какой-нибудь его «внеэкономической» причине, то его оппоненты с удовольствием констатировали, что он избавился от «односторонности», которая обыкновенно проходила по разряду вульгаризаторства, освоил диалектику и т.п.

У М.Н. Покровского-учёного была «привычка» нарочито заострять те положения своих исследований, которые могли вызвать наибольшие возражения у коллег. Спорные моменты не сглаживались оговорками, «предположительностью» высказываний, смягчающими фразами. Историк как бы провоцировал жёсткую критику своих работ. Это его поведение резко диссонировало с утвердившимися в советской историографии более поздних периодов традициями подачи научно-исторического материала. Конформизм и спокойная академичность стиля пришли на смену дискуссионности как форме классовой борьбы. Поэтому «ошибки» М.Н. Покровского были очень заметны. Он был слишком настойчив в своих «заблуждениях». Они сразу же бросались в глаза и требовали немедленного ответа, порой, в столь же резких тонах.

Удивляет, что критики М.Н. Покровского воспринимали его концепцию торгового капитализма как нечто странное, своего рода аномалию. Ошибочность этой концепции казалась едва ли не очевидной, а сама она почти ненаучной. Между тем, проблематика торгового капитализма зани-

мала ведущее место в отечественной историографии первой трети ХХ в. и в позитивизме, и в экономическом материализме, и в марксизме, причём как истории России, так и всеобщей истории. Историки (Р.Ю. Виппер, М.И. Ростовцев) находили капитализм, и не только торговый, в античную эпоху [9. С. 151-153, 166-167, 234-235, 237]. «Любавский, Богословский, Готье разделяли вывод Ключевского о внешней торговле как экономическом основании Киевской Руси». «В широкой постановке вопросов социально-экономической истории» позитивисты уделяли большое внимание факторам торгового капитализма, правда, в разных комбинациях, и споря о том, являлся ли один из них ведущим в данном конкретном случае [10. С. 207, 209, 215, 281-219]. Можно назвать имена таких признанных специалистов по экономической истории России, работавших в начале XX в., как П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, П.И. Лященко, В.В. Святловский, А.А. Богданов [8. С. 82-83]. Торговому капитализму отдали дань признанные классики советской историографии, такие как С.В. Юшков, В.В. Мавродин, Б.Д. Греков, М.В. Нечкина, не говоря уже о десятках ныне забытых представителей школы М.Н. Покровского или историков, группировавшихся вокруг Е.М. Ярославского [11. С. 68-70; 12. С. 169]. Торговый капитализм, порой, незримо присутствовал в дискуссиях 1930-х гг. [13. С. 22-23; 14. С. 368-369]. Очевидно, что торговый капитализм, с учётом терминологии М.Н. Покровского, в истории Запада появился раньше и выглядел ещё более ярко, чем в России. Жизнь Востока, конечно, устраивалась не благодаря торговле, но в изменениях этой самой жизни торговля играла исключительно важную роль.

Начал свой «Сжатый очерк» М.Н. Покровский с некоторых методологических вопросов, общих представлений об истории, выводов по истории России в целом. «Прошлое мы изучаем именно для того, чтобы понять, что происходит теперь». Применительно к концепции торгового капитализма это означало, что в России сложился капитализм, который привёл к конкретному варианту разрешения противоречий эпохи, имевшему место с 1917 г. и далее. Принципиально важно было раскрыть, какой это был капитализм и почему он имел определённый вариант развития, как он вообще появился. Такой подход вполне оправдан. Он не раз применялся в историографии русского капитализма. В этом нет никакой модернизации истории, ибо М.Н. Покровский признавал два пути: «настоящее понимаем из прошлого, но и прошлое объясняем из настоящего». М.Н. Покровский выделил два основных типа эксплуатации, а значит, и социальных отношений: помещики-крестьяне в феодальном обществе, фабриканты-рабочие в буржуазном обществе. Таким образом, на этом уровне обобщения учёный указал два общественных строя: феодализм и капитализм. В этой схеме отсутствовал какой-то специально торгово-капиталистический тип. Значит, торговый капитализм относился к феодализму и промышленному капитализму как надстройка к базису. «В основе развития человеческого общества лежит развитие хозяйства». «В основе всех перемен лежит...перемена в хозяйстве, перемена экономическая». Но может быть торговый капитал или даже обмен в самом широком смысле занимают в нём ведущее место? Нет. «Основой хозяйства является человеческий т руд». И далее М.Н. Покровский не выходит за рамки способа производства. «История двигается людьми определённых занятий и изменяется смотря по тому, какой класс общества делает историю, то есть производит те или другие общественные перемены». Материальные потребности лежат в основе всей деятельности человека, которая создаёт историю. Материальные интересы людей порождают классовую борьбу, при помощи которой движется история [15. С. 7, 9-13, 19]. Таким образом, М.Н. Покровский в краткой и даже упрощённой форме изложил азы исторического материализма, приведя стандартную схему: общественное производство определяет экономическую структуру общества и характер взаимодействия между её элементами. Следовательно, торговый капитализм не попал в число фундаментальных оснований исторического процесса. Значит, ему было отведено более скромное место в иерархии этих оснований при движении от общего к частному.

Из тезисов, объясняющих течение русской истории, по М.Н. Покровскому, мы выделим следующие: 1) в европейских странах имеются более благоприятные условия для занятия сельским хозяйством, чем в России, поэтому в ней ниже производительность земледелия, а следовательно, уже по одной этой причине накопление благ идёт медленнее; 2) пока Россия оставалась страной по преимуществу аграрной, она неизбежно отставала от передовых стран, напротив, перенос «центра тяжести» в экономике с сельского хозяйства на промышленность и торговлю «уравнивает шансы», позволяя России догнать своих более удачливых конкурентов; вообще, чем более развиты промышленность и торговля (вероятно, при их значительном удельном весе в общественном производстве), тем быстрее развивается экономика в целом; 3) пока не было железных дорог, промышленность и торговля лучше развивались в тех странах, которые имели выход к морским коммуникациям; поскольку Россия к ним не относилась, то и до середины XIX в. её торговля отставала от западноевропейской; 4) становление капитализма в России, конечно же, имело место и до этого времени, но происходило в консервативных формах и встречало серьёзную конкуренцию со стороны феодального способа производства: 5) страна, которая позже других вступила в какой-либо этап развития, может двигаться по нему ускоренными темпами, таким образом, на каждом последующем этапе сокращая отставание; 6) однако, эту последовательность не следует понимать механистически, например, классовое устройство общества «может или страшно замедлить... или очень ускорить» развитие общества [15. С. 16–18, 20].

Нетрудно заметить, что и на более низком уровне обобщения ни в одном пункте торговле не была отведена главная роль, хотя господствующей тенденцией общественного развития было повышение этой роли. Следует, однако, отметить, что в данном случае М.Н. Покровский отделял торговлю от производства, а значит, оставлял торговый капитализм за скобками. Промышленность и торговля в схеме учёного не определяли общее экономической состояние общества, а лишь ускоряли его развитие. М.Н. Покровский учёл различные материальные факторы исторического развития, то есть не только экономические, хотя значение последних неуклонно возрастало. Большое внимание историк уделил стартовым факторам, по крайней мере, зарождения капитализма, обусловливающим его генезис и ранний капитализм. В этом пункте условия торговли играли существенную роль, но уже в связке с транспортом и др. М.Н. Покровский указал на диалектический характер взаимодействия между старым и новым общественным строем. Их смена неизбежна, однако старый строй в разных своих фрагментах неоднозначно соотнесён с новым. Более того, речь здесь идёт об обратном воздействии производственных отношений на производительные силы, социальной структуры общества на «технику».

В «Сжатом очерке» М.Н. Покровский предложил следующую периодизацию русской истории: 1) её домонгольский период представляет собой смесь первобытности, рабовладения и городской Руси; 2) феодализм в XIII-XVI вв. (применительно к XVI в. разложение московского феодализма); 3)торговый капитализм с XVII в., достигший расцвета во второй половине XIX в. и доживший до 1917 г.; 4) одновременно с ним промышленный капитализм с середины XIX в., ставший развитым к началу XX в. (он зарождался с XVIII в., но с преобладанием торгового капитализма до отмены крепостного права и переходным периодом в дальнейшем) [15. С. 26-28, 30, 33, 35, 38, 50-54, 74-75, 81, 96-98, 104-105, 110]. Данная периодизация включает в себя элементы периодизаций других общих курсов М.Н. Покровского. Первый этап соответствует «Русской истории с древнейших времён». Правда, там он был доведён до падения Новгорода и смешан с генезисом феодализма. Теперь же он ограничивался Киевской Русью. Начало феодального этапа по смыслу вполне согласуется с прежними изысканиями М.Н. Покровского, а его завершение теперь строго соответствует изживанию старого или раннего феодализма. Как и в «Очерке истории русской культуры», торговый капитализм утверждается в XVII в., однако затем доводится до 1917 г. Здесь нет перемены взглядов, ибо характерные черты торгового капитализма обнаруживались М.Н. Покровским в России рубежа XIX-XX вв. уже в «Русской истории с древнейших времён». Он просто использовал устоявшийся в его концепции термин. Если с обнаружением капитализма как общественноэкономической формации в данной эпохе возникают всякого рода сложности, то наличие капитализма торгового точно отражает меру развития отечественного капитализма в период российских революций. Промышленный капитализм в «Сжатом очерке» и для поздних периодов русской истории поставлен на второе место после торгового. Это было полезно, потому что в «Русской истории с древнейших времён» соотношение торгового и промышленного капитализма иногда выглядело довольно противоречиво. Нужно было показать, что в сфере производства докапиталистические формы и методы хозяйствования «перевешивали» капиталистические. Именно в этой сфере между торговым и промышленным капитализмом существовали принципиальные различия. Первый базировался на крепостничестве и его пережитках, в основе своей не отличавшихся от феодализма. Значит, между торговым и промышленным капитализмом имели место различия формационного уровня. Однако сам торговый капитализм не был формацией, так как не имел своего способа производства. Торговый капитализм возникал у М.Н. Покровского как этап отечественной истории строго с утверждением крепостничества в качестве его производственной базы. Причём, крепостничество и торговый капитализм также находились друг с другом в неоднозначных отношениях. Не всё крепостное хозяйство России входило в систему торгового капитализма. Торговый капитал канализировал крепостничество в определённом стратегическом направлении, взаимодействую с ним в одной из его функций. Торговый капитал не преобразовывал крепостной строй, а ужесточал его и, в конечном счёте, отбросил за ненадобностью. Торговый капитализм создавал оптимальную комбинацию элементов крепостничества, самодержавного государства и пр. для своего роста, впрочем, возможную лишь теоретически. На практике одни его функции носили органический характер («ибо такова природа торгового капитала»), другие определялись его соединением с факторами, непреодолимо существующими вне торгового капитала. Если их нельзя игнорировать, то их можно использовать. Как видим, М.Н. Покровский в теоретико-методологической части «Сжатого очерка» вовсе не преувеличивал роль торгового капитала.

Периодизация русской истории по «Сжатому очерку» стала более чёткой и простой по сравнению с его предыдущими курсами. Из неё были удалены подробности, некоторые естественные «нестыковки» между этапами. Скорее всего, это объяснялось учебным характером его новой работы. Не произошло принципиального перемещения старых и конструирования новых исторических эпох.

ЛИТЕРАТУРА

- Покровский М.Н. К истории СССР (Предисловие к чешскому переводу «Русской истории в самом сжатом очерке») // Историк-марксист. Т. 17. М., 1930.
- 2. Чернобаев А.А. Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) // Историки России XVIII-XX веков. Выпуск 2-й. М., 1995.
- Лучкий Е.А. Развитие исторической концепции М.Н. Покровского // История и историки. М., 1965.
- Черепнин Л.В. М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1963.
- Соколов О.Д. Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского // М.Н. Покровский. Избранные произведения. Т. 1. М., 1966.
- 6. Соколов О.Д. Об исторических взглядах М.Н. Покровского // Коммунист. № 3. 1964.
- Нардин В.В. Вопросы истории средневековой России в трудах В.О. Ключевского и М.Н. Покровского // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977.
- Нароин В.В. Историческая концепция М.Н. Покровского: Дис. ... канд. ист. наук. Т. 1. М., 1970.
- Нечухрин А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гт. XIX в. – 1917 г.). Гродно, 2003.
- Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003.
- Нардин В.В. Историческая концепция М.Н. Покровского: Дис. ... канд. ист. наук. Т. 2. М., 1970.
- 12. Русская историография. М., 1996.
- Алексеева Г.Д. Из истории разработки теоретических проблем в советской исторической науке // История и историки. 1971. М., 1973.
- Алаториева А.И. Советская историческая периодика середины 30-х конца 50-х годов // История и историки. 1980. М., 1984.
- Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 3. М., 1967.

УДК 930.1

Ю.Ю. Патылицына

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ЛИБЕРАЛЬНО-ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX В. В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассмотрены новые подходы современной отечественной историографии в изучении либерально-оппозиционного движения в Сибири в начале XX в.

Процессы демократизации политической системы, постепенное становление институтов гражданского общества в России сыграли важную роль не только в усилении интереса к истории политических партий в начале XX в. в целом и к истории либеральных партий в частности, но и в признании необходимости отказа от упрощенных трактовок их истории, от идеологических стереотипов и штампов. Современные исследователи все чаще выступают с инициативой разработки новых подходов, поиска новых методов исследования.

Ранее историки, беря за основу классовый подход, изучали не либеральные партии как таковые, а идейно-политическую борьбу большевиков с ними. Поэтому совсем не случайно, что тематические сборники по истории политических партий в Сибири получали стереотипные названия: «Борьба большевиков в Сибири против либералов и областников», «Борьба большевиков в Сибири против оппортунизма за создание и укрепление партийных организаций» и т.п. [1, 2].

В новейшей литературе о сибирском либерализме начала XX в. авторы стремятся опираться на комплексный подход, который включает следующую совокупность проблем: социальный состав, численность либерально-оппозиционных партий, формирование идеологии и теоретическое обоснование программ, стратегия и тактика, средства и формы пропагандистской деятельности в массах, среди различных социальных слоев и групп, выявление причин результативности (или нерезультативности) этой деятельности, отношения партий между собой и т.д.

Указанные аспекты истории либеральной составляющей освободительного движения на восточной окраине Российской империи получили специальное освещение в работах О.А. Харусь, М.В. Шиловского, В.В. и В.Г. Третьяковых, Н.В. Макарьевой, В.В. Воробьева, Д.И. Попова и некоторых других исследователей.

Примечательно, что современные исследователи стараются по-новому подходить к решению многих традиционных вопросов истории сибир-

ского либерально-оппозиционного движения, в частности, к вопросу о выделении основных этапов его развития в период первой российской революции и после нее. Так, В.В. и В.Г. Третьяковы, например, полагают, что организационное развитие кадетских отделов в 1905—1907 гг. прошло два этапа. На первом (1905 — середина 1906 г.) сибирские кадеты осуществляли планомерную организационную работу. Второй этап (с середины 1906 г.) характеризовался приспособлением кадетов к новым условиям. «Роспуск I Думы и правительственные репрессии, усилившиеся настроения аполитичности в обществе и ряд других факторов, обусловили начавшийся распад организационных структур местных кадетских отделов... Отделы как организационные структуры фактически перестали существовать» [3. С. 145—146].

Другая точка зрения, которая, на наш взгляд, выглядит более аргументированной, представлена в работах М.В. Шиловского и О.А. Харусь. По их оценкам, распад кадетской и октябристской периферии начался после поражения революции 1905-1907 гг. [4. С. 29-30; 5. С. 42-43]. Они подчеркивают, что либеральное движение в период реакции не выдержало экзамена на организационную прочность. Если сравнить Сибирь с Европейской Россией, то в первой распад организаций, созданных либералами, имел более стремительный характер. Можно вполне согласиться с мнением О.А. Харусь: организационный кризис кадетов был вызван прежде всего «внешними» обстоятельствами (отсутствие статуса легальной партии, усиление административного надзора за сторонниками кадетской партии и т.п.), в то время, как распад сибирских отделов «Союза 17 октября» был связан с внутренними факторами [4. С. 29-30]. Практически все исследователи солидарны в том, что, несмотря на организационный кризис в либеральном лагере, идейное влияние кадетов на общественное движение в Сибири в межреволюционный период с июня 1907 по февраль 1917 г. в отличие от октябристов, было гораздо шире их организационного потенциала.

В рамках комплексного подхода к изучению проблемы либеральнооппозиционного движения в Сибири в начале XX в. нашли специальное освещение также вопросы об идеологии либералов, предполагающие включение в контекст исследования характеристику их мировоззренческих позиций, анализ представлений о роли и месте человека в обществе, перспективных направлениях социальной и политической модели общества и т.д.

Применительно к истории сибирского либерализма наиболее полно данные сюжеты рассмотрены в монографии О.А. Харусь [6]. Для исследования ею выделены следующие вопросы: философские воззрения, лич-

ность и общество в социальной доктрине либерализма, поиск либералами оптимальной модели государственной организации. Автор исходит из стремления к органическому соединению элементов социального анализа и культур-антропологического подхода, позволяющего, в частности, реконструировать образ мыслей и чувствований, стиль поведения конкретного человека [6. С. 17]. Избранная методологическая позиция продиктована представлением об историческом явлении как совокупном результате действия многих факторов объективного и субъективного порядка и необходимостью выявления действия всех факторов в их взаимосвязи и взаимообусловленности во избежание упрощенных трактовок в освещении истории сибирского либерального движения.

На основе анализа научных и публицистических работ вузовской интеллигенции Томска, которая составляла интеллектуальное ядро сибирских либералов, О.А. Харусь выделяет как положительные моменты в мировоззренческой парадигме либералов (системность, органическая взаимосвязь ее компонентов), так и ее слабые стороны (элементы утопизма, предпочтение политическим вопросам в ущерб социальноэкономическим проблемам). Хотя, «в целом, - отмечает исследователь, контуры мировоззренческой парадигмы сибирского либерализма (и это вполне естественно и закономерно) соответствовали классическому либеральному мировосприятию и были выдержаны в духе традиций отечественного либерализма, восприняв вместе с тем новации начала XX в. Проблески региональной специфики носили частный характер... и не вносили принципиальных корректив в либеральную доктрину» [6. С. 106]. В целом, конструирование О.А. Харусь идейно-политического облика либеральной оппозиции в Сибири представляет собой лишь один из возможных вариантов интерпретации исследуемых проблем.

Иначе по данной проблеме высказывается Н.В. Макарьева. Она считает, что мировоззрение представителей сибирского либерализма формировалось в условиях замедленного экономического развития, полузависимого положения Сибири в составе Российской империи, при малочисленной социальной базе, поляризации общества в период созревания кризиса в ходе революции. Именно поэтому сибирские либералы выдвигали ряд требований, которые отличались от общероссийских либеральных программ (например, требование автономии в составе империи, государственная или коллективная собственность) [7. С. 17]. Уделяя особое внимание философской составляющей местного либерализма, Н.В. Макарьева заявляет, что многие ее элементы так или иначе «восходят к долиберальному традиционно-корпоративному мировозрению» и, в итоге, декларирование либеральных ценностей «сопровозрению» и, в итоге представительных ценностей информационно-корпоративному мировозрению» и, в итоге декларирование либеральных ценностей «сопровозрению» и, в итоге декларирование либеральных ценностей «сопровозрению» и, в итоге декларирование либеральных ценностей «сопровозрению» и декларирование либеральных ценностей и декларирование декларирование декларирование декларирование декларирование декларирование декларирова

ждается оговорками, деформирующими или даже уничтожающими смысл концепции» [7. С. 17–18].

На наш взгляд, подобные расхождения оценок двух авторов вызвано тем, что Н.В. Макарьева, ограничивая рассмотрение истории сибирского либерализма 1907 г. (О.А. Харусь крайней датой указывает 1917 г.), не учитывает заметную областническую окраску движения в это время. Возможно, автор не уделяет внимания и тем сдвигам в мировоззрении местной интеллигенции, которые произошли из-за изменений социально-экономической жизни края после строительства Сибирской железной дороги.

В целом, можно отметить, что концентрация внимания на изучении мировоззренческой парадигмы либерализма становится основополагающей для появления нового, перспективного направления в исследовании причин неспособности либеральной идеи обозначить реальную альтернативу исторического развития нашей страны, основанного на соотнесении этой идеи с российским менталитетом.

Специальное изучение вопросов, связанных с характеристикой мировоззрения представителей сибирского либерального движения, позволило современным авторам с большей основательностью, чем их предшественникам, подойти к анализу программных положений, тактики кадетских и октябристских организаций, конкретных проявлений их политической активности. В качестве источников исследователями привлекались программные документы местных отделов «Союза 17 октября» и конституционно-демократической партии, протоколы партийных собраний, статьи в либеральной печати, работы идеологов областничества. Несомненно, это важная заслуга современных историков либерально-оппозиционного движения в Сибири в начале XX в., ведь названные источники столь широко еще не использовались в исследовательской работе. Насколько новаторскими явились полученные ими результаты, можно судить по тому обстоятельству, что впервые подробно освещены подходы радикального и консервативного течений либерального движения к решению насущных общероссийских и местных социально-экономических и политических проблем.

Таким образом, современные исследователи истории либеральнооппозиционного движения в Сибири в начале XX в., обретя определенную свободу научного творчества все больше склоняются к использованию в своих научных исканиях комплексного подхода, предполагающего обращение к изучению организационных структур, численного и социального состава местных отделов конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября», характеристике форм и методов их политической деятельности, мировоззренческой парадигме и пр. При этом продолжает использоваться и классовый подход, но уже «очищенный» от своих крайностей.

Данные стремления специалистов в области истории сибирского либерального движения начала XX в. нам представляются научно значимыми, ведь лишь опираясь на совокупность концепций и подходов, для которых присущи такие общеметодологические принципы, как историзм, объективность, альтернативность исторического процесса, можно достичь всестороннего изучения закономерностей и особенностей развития российского либерализма в начале прошлого столетия, роль его региональных отделов в общественно-политической жизни Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

- Борьба большевиков в Сибири против оппортунизма за создание и укрепление партийных организаций (1894–1917 гг.). Омск, 1980.
- Борьба большевиков в Сибири против либералов и областников (1905 февраль 1917 гг.). Омск, 1989.
- Третьяков В.В., Третьяков В.Г. Кадеты Восточной Сибири в 1905–1917 гг. Иркутск, 1997.
- Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1998.
- Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Вып. 2. Либералы. Новосибирск, 1995.
- 6. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: идеология и политика. Томск, 1996.
- Макарьева Н.В. Либерализм в Сибири 1890-1907 гг.: проблема типологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1999.

УДК 002

А.В. Алексеева

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ И КОММУНИКАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТОВ (1980–2000 гг.)

Охарактеризована коммуникативно-прагматическая структура текста официально-деловых документов, начиная с середины 1980-х гт.

В связи с ростом межкультурных связей, которые приводят к интенсивному обмену информацией в сфере коммуникации, возникает необходимость изучения деловой коммуникации. Закономерный обмен когнитивными структурами, приобщение к концептуальным системам, картинам мировидения, ценностным ориентирам носителей разных культур, на наш взгляд, сближает межкультурную дистанцию участников коммуникации.

Постепенное закономерное интегрирование когнитивных структур в процессе обмена информацией, в том числе в процессе обмена стереотипизированными структурами, отражающими специфику официальноделовых документов разных периодов, происходит с расширением сфер диалога культур. Следовательно, изучение типизированных языковых структур определенного периода продиктовано как необходимостью выявления внутренних факторов языкового развития, так и развитием межкультурных связей.

Изучение особенностей стереотипизированных языковых структур, отражающих прагматическую и коммуникативную специфику официально-деловых документов важно как в теоретическом, так и в практическом планах. Официально-деловое общение обусловлено не столько необходимостью высказаться, сколько необходимостью воздействовать, зная при этом, что тебя поймут и разделят твою точку зрения. Так, для успешной коммуникации адресант обязан знать прагматическую характеристику адресата: установки, мотивы общения, возможные оценки, ценности, идеалы – только при этом он вправе рассчитывать на обратный процесс. Работая с документами 1980-х - 2000-х гг., мы выделили специфику развертывания текста. Его организация в документах подчинена закономерности - усилению субъективного начала. Объективная информация современных документов подается в системе прагматических ценностей, не теряя при этом своего значения. Пытаясь выделить субъективный фактор, мы рассматриваем его широко, как «коллективный субъект или совокупный предмет деятельности» [1. С. 17]. По мнению Седова, «субъектно-аналитическая стратегия разворачивания дискурса представляет не столько модель действительности, сколько субъективно-авторское сопровождение изображаемых событий и фактов». Вслед за ними мы сделали попытку рассмотреть феномен субъекта в контексте социальной действительности. Субъект в данном случае интересен для нас не как изолированный индивид, а как «формирующийся в процессе общения, погруженный в стихию общения», причем общения делового. Субъектом, по А.Н. Леонтьеву, является либо общность, либо коммуникатор [1. С. 23]. Для анализа были отобраны документы, имеющие особый рефлексивный фон. При соотнесении элементов текстового содержания документов разных периодов с субъективной картиной мира отбирались документы, сопровождающиеся оценочностью, явной или скрытой, определяемой как элемент прагматики.

Феномен документов требует интерпретации, как любой другой культурологический факт. Включая все особенности, присущие официальноделовому стилю, они представляют собой оригинальную систему, воплощающую формирование новых речевых произведений. Несомненна их жанровая специфика. Жанр в современной лингвистике рассматривается как заданная продуцентом текста познавательная схема, а не просто как определение языковых средств в их совокупности. И здесь уместно говорить об «интуитивном восприятии» субъектом характерных призна-ков жанра, что обуславливается не темой, не ситуацией, а именно особыми содержательными языковыми элементами как носителями познавательных схем, с помощью которых адресант определяет отличие одного жанра от другого. Считаем, что именно характер содержания является одним из главных жанрообразующих признаков, несущим в себе типическое представляемое. По этому типическому мы выделяем виды официально-деловых документов. Поскольку жанр реализует прагматическую модель в рамках которой конкретные документы обнаруживают способность к модификации, выделяемое положение является одним из базовых. Жанр как своеобразная метамодель, реализующаяся в речевой деятельности и детерминированная экстралингвистической действительностью. Поэтому, с одной стороны, жанр представляет собой модель специфического содержания текста документа, с другой – выступает элементом стиля. Таким образом, жанр как дискурсивная модель является структурообразующим компонентом текста. Если функциональный стиль призван обслуживать всю систему официально-деловых документов, жанр является средой функционирования этой абстрактной системы в конкретном документе. И реализация прагматической коммуникативной задачи продуцентом текста, и распознавание этой задачи адресатом представляет собой виды когнитивной деятельности. Термин «когнитивный»

рассматривается вслед за В.А. Пищальниковой [2. С. 112] как соотносящийся со структурами хранения и представления знания в сознании индивида; эти структуры могут быть языковыми и неязыковыми, сформированными на основе самых различных способов познания мира человеком; они связаны с обработкой, хранением и представлением знаний. При их успешном осуществлении адресант и адресат опираются на одинаковые компоненты текста, репрезентирующие существенное ментальное содержание. Поэтому жанр рассматривается как особая языковая реализация специфического содержания. Считаем, что жанр - это вербальная реализация познавательных моделей и результаты его исследования могут выявить существенные компоненты прагматической деятельности адресата и адресанта. Замысел, как и задача, принадлежат индивиду, и интенции автора определяют выбор жанра, но и жанр задает интенциональную структуру документа. При отборе документов на анализ мы руководствовались, во-первых, рамками периода, во-вторых, особое значение приобретал материал, отражающий понятие социальной нормы и конвенции (продуктивная коммуникация может осуществляться при условии осознанного и намеренного использования языковых знаков и при наличии общего знания значений используемых знаков, то есть на конвенциональной основе их употребления), в-третьих, влияла ситуация дискурса, который имеет причинную связь с социальными поведенческими нормами и зависит от правил языковой системы, в-четвертых, особую группу документов, наиболее интересную, на наш взгляд, представляют тексты любого из периодов, которые не реализуются точно в соответствии с дефиницией жанра, которые допускают множество интерпретаций, которые по каким-либо признакам не являются социально нормированными с точки зрения рамок периода, которые регулируются социально-культурными традициями, нормами, обычаями данного социума и, наоборот, выходят за пределы стереотипных оценок коммуникативных ситуаций.

Несмотря на то, что само понятие модели речевого жанра не имеет временных и пространственных характеристик, мы может говорить, что модель того или иного жанра существует во времени и пространстве, поскольку жанр воплощается в документах разных периодов, модель способна модифицироваться, что и исследуется нами. При написании документа существенную роль играют стереотипные национальные оценки коммуникативной ситуации и прогнозов ее развития, типичные для членов данной культуры понятия, знания, умения и социальные нормы поведения. Это ярко проявляется при анализе официально-деловых документов. Лингвисты относят деловой дискурс к институциональным формам

общения с присущими им определенными правилами и ритуализированными рамками функционирования. Любой документ представляет собой текст и является письменной формой делового дискурса, обладает такими общетекстовыми свойствами, как коммуникативная направленность, связность, завершенность, информативная значимость, смысловая и логическая целостность. Кроме того, каждый из рассматриваемых документов обладает специфическими особенностями: объективностью, конвенциональностью, инструментальностью, прагматичностью. Эти свойства отражают зависимость документа как от сферы своего «идеального» существования — на бумажном носителе, так и от сферы бытования деловой, то есть официальной.

Большая часть анализируемых текстов – документы Министерства имущественных отношений Омской области. Стилистической нормой анализируемых документов, даже если они относятся к разным периодам, жанрам прежде всего является стандартизация, которая фиксируется лексико-фразеологически и синтаксически. Общеизвестно, что деловая речь характеризуется единообразием речевых средств и частой повторяемостью, а это влечет появление клише и стандарта. Коллективная языковая деятельность является одной из причин появления стереотипов. В массе документов отмечаем повторяемость определенных ситуаций, что допускает их типическую вербальную репрезентацию, влекущую за собой появление стереотипных средств выражения. Повторяющаяся типовая ситуация требует и одинаковой композиции в построении текста, что и предопределяет возникновение языкового стереотипа: в соответствии с Вашим поручением; просим дать поручение; на Ваше обращение по поводу; учитывая обстоятельства, указанные выше; в случае получения отказа разрешение данной ситуации возможно в судебном порядке, в связи со сложившейся ситуацией; с правовой точки зрения... Фразысвязи со сложившейся ситуацией; с правовой точки эрения... Фразыкий в общем арсенале языковых средств анализируемых документов, независимо от периода исследования, занимают одно из первых мест. Активное употребление клишированных фраз, по мнению лингвистов, объясняется стремлением к экономии языковых средств. Образуются модели, фиксированные стабильными языковыми знаками, на использование и распознавание которых (кодирование и декодирование) в коммуникативных актах затрачивается минимальное количество усилий. Это объясняет частотность использования речевых штампов-клише и вполне соответствует задачам официально-делового общения. Для нас очевидно, что и стандартность официально-деловых документов, и их языковая клишированность – следствие фиксации в документах однородной ста-бильной информации. Поэтому исследование стандартизированных текстов документов позволяет моделировать содержание, репрезентированное языковыми формулами, и делать выводы о дискурсивной специфике официально-деловых документов. Но как только коммуникативная ситуация адресанта выходит за рамки типичной, в основном это связано с социальными проблемами, с «наболевшим», когда «задето кровное», исследуемые тексты представляют собой поле взаимодействия, поле общения, которое создается за счет отрицания классических параметров, содержащих признаки стилевой и жанровой дифференциации. На этом поле языковая личность пытается положительно решить, удовлетворить коммуникативную потребность [3. С. 190]. В документах эти потребности представлены как 3 стороны процесса общения: коммуникативная, информационная, перцептивная. Обсуждая сугубо деловые отношения в разных сферах: экономической, административной, деловой - адресант кардинально меняет средства воздействия – прагматическая программа (императивно-авторское, волевое начало) меняется. Нами отмечено, что адресант меняет линию поведения, не нарушая законодательного варианта, сам же законодательный вариант рассматривается как объект интерпретации в зависимости от установок адресанта. Изменяется уже сама форма обращения, и выражение надежды на взаимопонимание создает прагматическую рамку текста, определяет кодовую структуру, выстраивает модель ситуации общения: мы просим разобраться и помочь нам в нашей беде; просим помочь нам выжить и существовать дальше; в этом заключается наша жизнь, наше существование; вот уже несколько лет мы находимся в бесправном подвешенном состоянии; с уважением и надеждой на помощь; в связи с бешеными тарифами на коммунальные услуги; просим вмешаться в отбирание здания; готовы отпустить нас обобрав до нитки. Мы не зря приводим в качестве примеров такие рефлексивные конструкции, некоторые из которых даже можно назвать прецедентными текстами. В них особо организована коммуникативнопрагматическая структура текста. Вместе с тем хочется выделить такую особенность документов современного периода, как стремление к снижению официальности, что приводит к развитию собственных способов достижения цели адресанта. Отметим, что рефлексивность исследуемых документов, содержание в некоторых из них прецедентных не вызывают раздражения или неприятие адресата. Естественное включение в высказывание известного, ставшего формулой вербального элемента воспринимается как символизация общения, установление обратной связи между коммуникантами, гарантирующей понимание и адекватную реакцию. Нестереотипная установка воздействия на воспринимающего текст свидетельствует о спонтанности высказывания, что в свою очередь, так же

подтверждает наличие фактора субъективности: сказать, что у нас «поехала крыша» — значит, ничего не сказать; на общих собраниях народ «встал на дыбы»; налоговая инспекция «поддает жару»; надеемся, что земельные проблемы «устаканятся». Культурно-языковая компетенция и языковая способность составляют коммуникативную базу личности, которую определяет наличие у субъекта комплекса усилий, позволяющих адекватно оценить коммуникативную ситуацию, соотнести интенции с вербальными средствами, имеющимися в мышлении индивида, реализовать коммуникативное намерение и верифицировать результаты коммуникативного акта с реакцией адресата. Мы считаем, что коммуниканты объективно привносят в текст деловых документов присущие их собственным культурам особенности, которые отражаются на всех уровнях текста.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание, Личность. М., 1977.
- 2. Пищальникова В.А. Общее языкознание. Барнаул, 2001.
- 3. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993.

М.В. Бондарев

ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассмотрены взгляды советских историков на устройство ДВР.

Появление доступа к закрытой ранее информации, отказ от стереотипов и пр. позволил ученым на современном этапе ввести в оборот новые данные, уточнить ряд положений, адекватно оценить общественнополитический строй ДВР. Это нашло отражение в целом ряде исследований, сборников научных трудов, воспоминаний и статей.

В отличие от современных сторонников сибирского и дальневосточного областничества, исследователи истории «буферного» государства обоснованно подчеркивали, что руководство его внутренней и внешней политикой осуществляли Политбюро и ЦК РКП(б) через свое Дальневосточное бюро [1, 2]. Основы политики ДВР были закреплены в «Кратких тезисах по Дальневосточной республике», утвержденных Политбюро 13 августа 1920 г., «Кратких тезисах о Дальневосточной республике», принятых Пленумом ЦК РКП(б) 12 января 1921 г., Директиве Политбюро от 10 октября 1921 г., изложены в ряде выступлений, записок, телеграмм В.И. Ленина. Их суть сводилась к тому, что «буферное» государство лишь формально должно быть буржуазно-демократической республикой, а руководящей силой в ДВР должна быть РКП(б). Народно-революционная армия республики считалась одной из армий Советской России. органы госбезопасности ДВР (Государственная политическая охрана) были, по сути, филиалом ВЧК-ОГПУ РСФСР. Директивы Политбюро ЦК гласили, что независимость Дальневосточной республики от Советской России осуществляется «только по форме». Внешняя политика ДВР также подчинялась внешней политике Советской России. Кроме того, РСФСР и ДВР заключили между собой целую серию договоров об экономическом, военном, внешнеполитическом сотрудничестве. Советская Россия помогала «буферной» республике валютой, продовольствием. оружием, снаряжением и, несмотря на соглашение с Японией о невмешательстве во внутренние дела ДВР, войсками. Эти положения развивались в работах Н.А. Авдеевой, П.М. Никифорова, Б.М. Шерешевского, А.П. Шурыгина и др. А.С. Степанов подчеркивал, что торговля Дальневосточной республики с сопредельными странами носила ограниченный и транзитный характер, но она помогала решению многих внутренних

проблем РСФСР и ДВР, способствовала прорыву экономической блокады Советской России на Востоке [3].

Тем не менее, военная угроза со стороны Японии, постоянные заявления японского командования о недопустимости коммунистического строя на русском Дальнем Востоке, провокации не позволили большевикам создать государство с политическим строем, идентичным советскому. Строительство «буфера» осуществлялось на основе вынужденного политического плюрализма, демократических выборов в представительные учреждения и т.д. Допускалась частная собственность при ограничении капитала и государственной монополии на ряд товаров. В.И. Ленин считал, что в ДВР допустима демократия с некоторыми привилегиями коммунистов. Дальневосточная республика в целом виделась ЦК РКП(б) как переходное государственное образование.

В отличие от Советской России, в ДВР существовали свободные демократические выборы, которые были призваны создать устойчивые демократические институты.

В результате выборов в Учредительное собрание ДВР, состоявшихся 9–11 января 1921 г., коммунистическая фракция стала насчитывать 92 депутата, крестьянская фракция большинства, сочувствующая большевикам, – 183, крестьянская фракция меньшинства, сочувствующая оппонентам большевиков, – 44, меньшевистская – 14, эсеровская – 24, фракция народных социалистов – 3. Представители бурят-монголов были выделены в отдельную фракцию и насчитывали 13 депутатов. Кадеты были представлены 8 депутатами, беспартийные – 143. Таким образом, большинство мест в Учредительном собрании принадлежало коммунистам и им сочувствующим, что позволяло проводить РКП(б) необходимую ей политику. Многопартийность в буфере побуждала правящую партию действовать в определенной степени как политическая организация, а не только и не столько как звено государственного аппарата.

Некоторые исследователи воспринимали Учредительное собрание как неизбежное зло, атрибут буферной государственности. Многие большевики считали, что кадеты, эсеры и меньшевики могут использовать идеи парламентаризма для восстановления белогвардейской диктатуры, как это случалось в 1918 г. в Уфе, Омске, Самаре.

В Учредительном собрании была сохранена традиционная парламентская процедура: несколько чтений законопроектов, проверка полномочий депутатов, наличия кворума, разрешение вопросов о порядке ведения заседаний и т.д. Почти по всем вопросам в Учредительном собрании возникали острые дискуссии. В советской исторической литературе в сугубо негативном тоне оцениваются требования эсеров и меньшевиков сделать Учреди-

тельное собрание двухпалатным, постоянно действующим парламентом. Запросы и выступления оппозиции трактовались как помеха конструктивной работе, клевета на органы государственной власти ДВР [4].

Учредительное собрание утвердило состав правительства ДВР. Особенность государственного устройства «буфера» состояла в том, что правительство республики играло роль коллективного президента. В его состав входили 6 коммунистов и 1 беспартийный. Исполнительный орган правительства — Совет министров — был коалиционным. Кроме большевиков, в него входили эсеры, меньшевики и народный социалист. Последние занимали посты министров юстиции, финансов, промышленности, национальных дел, просвещения, ряд постов замминистров. Коммунисты, однако, обусловили вхождение эсеров в Совмин рядом политических условий. Совет министров, МИД, МВД, НРА и флот, торговлю, транспорт, органы контроля и Госполитохраны контролировали большевики. Это был, по сути дела, «левый блок», «однородный социалистический» Совет министров в условиях буфера.

Споры о сущности общественно-политического строя ДВР начались с 60-х гт. и продолжаются до сих пор. В научных трудах подверглись анализу многоукладная экономика, политическое и правовое устройство, нашедшие отражение в Конституции и законах республики. Ученые уделили значительное внимание рассмотрению организации власти, места и роли различных партий, в первую очередь РКП(б), в политической системе ДВР.

В настоящее время существуют две основные точки зрения на политический строй ДВР. Согласно мнению Н.П. Егунова, Б.М. Шерешевского, А.П. Шурыгина и др., «буферное» государство выполняло функции диктатуры пролетариата, хотя и использовало атрибуты буржуазной демократии. Ю.Н. Гавло, В.В. Сонин и другие считают Дальневосточную республику государством революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, государством переходного к диктатуре пролетариата.

Сегодня, когда в историографии происходит определенная переоценка ценностей, все более утверждается взгляд на ДВР как на демократическое государство, где господствовала революционная диктатура народа.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. М., 1963.
- 2. Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток (1920-1922 гг.). Новосибирск, 1974.
- 3. Степанов А.С. Ленинская внешняя политика на Дальнем Востоке в 1920–1922 годы // История СССР. 1979. № 5.
- 4. Героические годы борьбы и побед. М., 1968.

УДК 930.1

Э.Р. Хайруллин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1950 – НАЧАЛА 1980 гг.

Рассмотрены проблематика исследований советских авторов по изучению деятельности ООН, выделены основные этапы в развитии историографии проблемы.

Окончание Второй мировой войны привело к возникновению биполярной системы международных отношений. Советский Союз превратился в одну из сверхдержав, что предопределило экспансию советского влияния по всему миру, во всех влиятельных международных организациях. В связи с этим, проблема изучения международных отношений приобретала особую значимость для советского государства. В стране стали публиковаться книги юристов и историков, посвященные международным проблемам. Большая часть этих книг касалась темы Организации Объединенных Наций, устав которой, по мнению советских ученых, служил основой коллективной безопасности и мирного существования после Второй мировой войны.

В работах советских исследователей, посвященных ООН, ясно прослеживается влияние холодной войны, характеризующей биполярную систему международных отношений. Авторы критикуют политику «агрессивных империалистических держав во главе с США», которая противоречит всем нормам международного права, зафиксированного в Уставе организации, и поддерживают «миролюбивую политику СССР», направленную на создание справедливого и стабильного мира. Такое разделение, «черно-белое» толкование международной политики СССР и США характерно для советской историографии всего периода существования биполярной системы международных отношений или холодной войны.

Деятельность ООН исследовалась советскими учеными в рамках противостояния США и СССР и трансформации международных отношений. Изменение международной ситуации приводило и к изменению позиции СССР к ООН. Это позволяет выделить определенные этапы в развитии советской историографии, учитывая то, что в работах советских исследователей отражается, главным образом, официальная позиция Москвы:

1. 1950-е - сер. 1960-х гт. Период характеризуется жесткой конфронтацией между США и СССР на мировой арене, что отразилось и в работах исследователей. Авторы считали истинным мнение о том, что запад-

ные империалистические государства блокируют конструктивную работу Совета Безопасности ООН; имея большинство в Генеральной Ассамблее, западные страны незаконно расширили компетенцию этого органа, нарушив устав организации; страны капиталистического блока во главе с США оказывают поддержку Генеральным Секретарям, которые, превышая свои полномочия, пытаются изменить основы ООН, заложенные странами-победителями фашизма. Военные действия ООН: война в Корее, чрезвычайные военные силы в Ливане, Палестине, война в Конго оценивались учеными резко негативно, так как они не были согласованы с Советом Безопасности, единственным органом, уполномоченном решать эти вопросы. С наибольшей последовательностью эти положения отражены в трудах Г.И. Морозова, В.Н. Федорова, В.К. Собакина, Э.С. Кривчиковой, А.С. Протопопова и др.

2. Середина 1960-х – конец 1980-х гт. В книгах советских авторов снизилась степень критики структуры ООН, но сохранилось негативное отношение к политике западных капиталистических стран. Советские ученые по-прежнему отмечали противостояние СССР и США в ООН, однако выделяли положительные тенденции усиления Совета Безопасности ООН с середины 1960-х гт. (работы М.Е. Хазанова, В.Г. Шкунаева, Ю.А. Панцырева и др.). Кроме того, этот период характеризуется расширенной тематикой исследования советских ученых. Если раньше, на первом этапе развития советской историографии, советские ученые занимались проблемами вооруженных действий и вооруженных сил ООН, разоружения, мирного использования космоса, то с середины 1960-х гт. советских ученых стала интересовать деятельность ООН в решении проблем экономического и научного развития, охраны окружающей среды и др.

Кроме хронологического критерия разделения советской историографии, посвященной ООН, работы советских авторов можно сгруппировать по тематике:

- 1. Исследования многих аспектов деятельности ООН в международных отношениях. В этих исследованиях затрагивается максимальное количество проблем, которые обсуждались в ООН. Это не только проблемы взаимоотношений Советского Союза и Соединенных Штатов, но и проблемы проведения военных операций ООН, национально-освободительного движения и процесса деколонизации, проблемы соблюдения прав человека, проблемы экологии, космоса, международной торговли и др.
- 2. Исследования отдельных международных вопросов и их решения в структуре ООН. Исследования посвящены какой-либо одной проблеме или близким по смыслу проблемам. Эти работы касается одной темы:

проблемы вооруженных действий организации, прав человека, экономического развития и т.д.

К исследованиям, посвященным деятельности ООН и СССР во многих сферах международных отношений, относятся работы Г.И. Морозова, А.С. Протопопова, В.Ф. Петрова, В.Г. Шкунаева, Р.Г. Соловьевой, работы под редакцией М.М. Авакова, В.А. Зорина, серия книг «Советский Союз и Организация Объединенных Наций», исследования, посвященные определенному юбилею существования ООН. Авторы затрагивает проблемы функционирования ООН, взаимодействия постоянных членов с момента создания организации, вопросы компетенции Совета Безопасности, Генеральной Ассамблеи, Генерального Секретаря. Ученые негативно оценивают политику западных капиталистических стран, первых Генеральных Секретарей в ООН, которая противоречит основам организации. Особенно это касается операций ООН в области сохранения международного мира и безопасности, когда США и их союзники, опираясь на большинство в Генеральной Ассамблее, принимали резолюции, рассмотрение которых должно происходить только в Совете Безопасности. Все военные операции должно происходить только в Совете Безопасности. Все военные операции ООН до середины 1960-х гт., по мнению советских ученых, были незаконными, а вооруженные силы ООН порой приравнивались к «жандармским карательным органам» [1. С. 59]. Авторы рассматривали участие ООН в индонезийском кризисе, в конфликтах в Греции, Тунисе, Судане, Марокко, на Ближнем Востоке, корейскую, алжирскую войны, индо-пакистанские конфликты, войны в Индокитае, операции ООН в Конго, на Кипре и др. Авторы затрагивают проблему Военно-Штабного комитета ООН, называя главной причиной его бездействия позицию западных стран, негативно оценивают попытки Трюгве Ли и Дага Хаммаршельда создать собственные вооруженные силы ООН. Кроме того, в исследованиях советских авторов содержится информация о деятельности ООН в области разоружения, мирного использования космического пространства, запрещения оружия массового уничтожения. С середины 1960-х гт., в связи с усложнением структуры ООН и деятельности организации, расширением участия СССР в функционировании системы ООН и изменениями в международных отношениях, советских ученых стали интересовать проблемы ликвидации колониализма, апартеида, прав человека, социально-экономического развития, развития торговых связей, научно-технической революции, охраны окружающей среды, мирного развития океана и др. актуальные вопросы международных отношений, которые также были отражены в указанных выше исследованиях.

В советской историографии немало работ было посвящено участию СССР и ООН в одной определенной сфере международных отношений.

Большая часть этих исследований касалась основной задачи функционирования организации – задачи сохранения мира на земле. Изучению деятельности ООН в сфере обеспечения международной безопасности посвящены исследования В.К. Собакина, Э.С. Кривчиковой, С.А. Красильщиковой, В.Н. Федорова, Г.К. Ефимова, Ю.А. Панцырева, М.Е. Хазанова, В.С. Семенова. Авторы рассматривают вопросы компетенции главных органов ООН. критикуя политику западных государств, направленную на замену Совета Безопасности Генеральной Ассамблеей, действия первых Генеральных Секретарей, которые, по их мнению, превышали свои полномочия, принципы коллективной безопасности и территориальной целостности, нарушаемые агрессивными империалистическими странами. Все исследователи рассматривают вооруженные операции ООН в различных регионах мира и деятельность ООН по разрешению конфликтах между странами и внутри стран, причем оценивают эту практику ООН негативно. В.С. Семенов в своем исследовании отмечает: «незаконная практика использования вооруженных сил ООН получила широкое распространение. В документах ООН эти антиуставные акции именуются как «операции по поддержанию мира...» [2. С. 45]. Кроме того, советские авторы описывают споры вокруг Военно-Штабного комитета, попытки создания собственных вооруженных сил ООН, борьбу СССР и социалистических стран за прием в ООН. Среди этих работ особо следует отметить исследование Э.С. Кривчиковой «Вооруженные силы ООН». Автор является одним из первых исследователей, который дал классификацию военным акциям ООН. Кроме того, Кривчикова дает описание структуры, руководства, командования и состава сил ООН в Конго, Египте, на Кипре [3].

Помимо изучения вопросов обеспечения международной безопасности, советских ученых интересовали и другие аспекты международных отношений, а именно: проблемы компетенции основных институтов ООН (В.Н. Федоров, Г.К. Ефимов), развивающихся стран в ООН (А.Я. Некрасов, Ю.М. Мацейко), прав человека (Б.Г. Манов, Г.С. Остапенко, Я.А. Островский), окружающей среды (С.С. Хромов, А.С. Тимошенко), научно-технического сотрудничества и экономического развития (В.И. Маркушина, книги «СССР в экономических и научно-технических организациях ООН», «ООН и проблемы перестройки международных экономических отношений»). Были опубликованы исследования, посвященные оценке роли ООН в международных отношениях (Г.И. Морозов), вопросам разоружения (В.Л. Исраэлян), работе персонала ООН (М.В. Митрофанов), участию стран социалистического лагеря (С.Д. Войтович) и УССР и БССР в ООН (И.М. Хворостяный), принципам единогласия (Н.А. Ушаков) и участия государств (Н.Б. Крылов) в системе

ООН, проблеме апартеида и политике западных стран (В.В. Вахрушев), проблемам южно-африканского региона (И.Н. Куклина). Кроме того, советскими учеными изучалась политика западных стран — постоянных членов Совета Безопасности в системе ООН (Р.Г. Соловьева, Т. Дмитричев, Н.А. Розанцева). Кроме того, в советское время публиковались работы советских дипломатов, в которых описывается их работа в ООН и отношение к деятельности этой организации (К.В. Киселев, Б.Н. Немакин).

Следует признать, что упомянутые авторами в своих трудах приводят большой фактический материал, что позволяет понять проблемы деятельности ООН во многих сферах международных отношениях. В то же время все эти исследования отражают официальную позицию советского государства. В работах, изданных даже в конце 1980-х гг., практически невозможно найти альтернативной или авторской точки зрения на развитие международных отношений и деятельность ООН. В связи с этим, следует с особым вниманием относиться к содержанию этих работ, к тем фактам, которые в них отражены. Если какое-либо действие СССР вызывало негативную реакцию со стороны многих членов Организации Объединенных Наций, это называлось либо «провокацией», как в случае с событиями в Венгрии в 1956 г., либо вовсе умалчивалось. Например, американские исследователи международных отношений, даже после холодной войны, отмечают то, что Советский Союз помогал конголезскому правительству в годы операции ООН в Конго в начале 1960-х г., предоставляя транспортные средства и другую техническую помощь. Однако в советских работах информации об этом не представлено, что позволяет говорить либо о заблуждении американских исследователей, либо о том, что советское правительство хотело скрыть этот факт. Итак, при исследовании советской историографии, посвященной деятельности ООН, следует помнить о том, что в этих работах отражена официальная точка зрения Москвы на развитие международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Морозов Г.И. Организация Объединенных Наций. М, 1960.
- 2. Семенов В.С. Вооруженные силы ООН. М., 1970.
- 3. Кривчикова Э.С. Вооруженные силы ООН. М., 1965.

УДК 930.1

Р.В. Мальиев

ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В ПОНИМАНИИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Проанализированы взгляды советских историков на сущность и хронологические рамки германского вопроса.

Окончание Второй мировой войны выдвинуло, помимо огромного множества политических, экономических и социальных проблем, такую ни с чем не сравнимую по своей значимости и масштабам задачу как послевоенное устройство мира. Центральное и совершенно уникальное место в решении этой проблемы занимал вопрос германского урегулирования [1]. О сути германского вопроса всегда было много споров: каково его определение в связи с чем и когда он возник, как видоизменялся? Одну из самых известных дефиниций проблемы как «вопроса о государственном существовании Германии и ее статусе в Европе», дал в 1982 г. западногерманский историк Вильфрид Лот [2]. Такая трактовка была принята большинством отечественных исследователей.

Представляется небезынтересным в контексте настоящей статьи обратить внимание на следующий аспект: употребление историками термина «германский вопрос» в кавычках и без (подобные различия встречаются и в использовании других неоднозначных исторических понятий, например, «холодная война»). Примерно треть исследователей — независимо от времени написания работы, взглядов на рассматриваемую проблему и других факторов — закавычивает данное понятие. По нашему мнению, это можно объяснить тем, что данные авторы считают термин «германский вопрос» в некотором смысле исторической метафорой по типу «бостонского чаепития». Если же исходить из того, что германский вопрос — это определенный исторический феномен XX в., наряду, например, со Второй мировой войной, и другого такого же вопроса — английского или японского — в мировой истории и историографии нет, то имеет смысл употреблять этот термин без кавычек, как и сделано в настоящей статье.

За отправную точку возникновения германского вопроса некоторые авторы берут итоги первой мировой войны, некоторые уходят еще дальше – ко времени объединения Германии «железом и кровью». Н.В. Павлов пишет о том, что «терманский вопрос – это прежде всего печальный опыт начавшихся с немецкой земли двух мировых войн, и лишь затем – проблема преодоления национального раскола и приобретения немцами единой государственной самостоятельности» [3. С. 5–17]. В данной трактовке германский вопрос охватывает без малого весь ХХ в. Весьма рас-

пространенной является следующая точка зрения: германский вопрос возникает в 1945 г., после поражения Германии в войне и в связи с решениями, принятыми Потсдамской конференцией. Ряд советских ученых полагает, что германский вопрос возникает с началом второй мировой войны, что первопричиной его возникновения стала агрессивная внешняя политика Германии и антигуманный характер нацистского режима [4]. И все же нам представляется более логичным принять за точку отсчета время окончания второй мировой войны.

Что же касается решения германского вопроса, можно говорить о безусловной дискуссионности верхней хронологической рамки и о нескольких подходах к трактовке проблемы. Первая группа отечественных ученых считает, что германский вопрос прекращается с образованием двух формально независимых германских государств. В частности, С.И. Висков и В.Д. Кульбакин свидетельствуют: «Вся былая германская проблема, как она возникла в годы второй мировой войны, как она существовала в период союзнической оккупации Германии, до отделения Западной Германии в качестве самостоятельного государства, сменилась вопросом о межгосударственных отношениях между двумя суверенными немецкими государствами: социалистическим - ГДР и капиталистическим -ФРГ... Такова историческая реальность в решении «германского вопроса». Все оказалось значительно сложнее, чем предполагалось союзниками в их решениях по Германии. Тем не менее «германский вопрос» решен...» [4]. Вместе с тем, вторая группа исследователей (более многочисленная) - и их мнение представляется более взвешенным и исторически обоснованным – не склонна полагать, что с образованием ФРГ и ГДР решился германский вопрос. И действительно, как можно считать вопрос решеным, когда на территории некогда единой страны один и тот же народ насильственно разделен на два государственных образования с разными типами общественного устройства? Соответственно, германский вопрос решается в октябре 1990 г. с присоединением ГДР к ФРГ, т.е. с воссоединением Германии. Н.В. Павлов одним из первых среди отечественных исследователей предлагает свое видение истоков и движущих сил объединения Германии. Он пишет: «...именно в этом [германском] вопросе в наиболее концентрированной форме отразилось биполярное послевоенное устройство мира, где главными оппонентами выступали СССР и США...» [1]. Нельзя не согласиться, что без комплекса проблем, связанных с двумя Германиями, холодная война во многом бы потеряла свою остроту – достаточно вспомнить Берлинский кризис. Более 40 лет всему миру необходимо было строить отношения с двумя германскими государствами, в этом аспекте сложность германского вопроса доказыназванию однои из его книг, фактически ставит знак равенства между объединением Германии и решением «германского вопроса». Объединение, по его мнению, стало финалом решения так называемого «германского вопроса» [5]. Вместе с тем, ряд исследователей (например. М. Зиборова) придерживается иной позиции, считая, что решение германского вопроса, как правило, означало воссоздание единого германского государства, но никогда не сводилось только к объединению. По их мнению, этот вопрос всегда связывался с безопасностью в Европе и ролью Германии на континенте. В современной обстановке, когда объединенное государство стало сильнейшим в Европе, вошло в тройку экономических гигантов мира и превратилось в центр притяжения соседних стран, особенно на востоке Европы, германский вопрос приобретает новое содержание. Соответственно, можно сделать вывод о наличии в отечественной историографии нескольких верхних хронологических границ германского вопроса, в том числе и такой, которая включает в период решения этого вопроса и 1990-е гг.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Павлов Н.В. Германия на пути в третье тысячелетие. М., 2001.
- 2. История Германии в 3-х т. Т. II. Кемерово, 2005.
- Павлов Н.В. Германский вопрос и «общеевропейский дом» // Мировая экномика и международные отношения. М., 1990. № 6.
- 4. Висков С.И., Кульбакин В.Д. Союзники и «германский вопрос» 1945–1949 гг. М., 1990.
- Павлов Н.В. Объединение, или Рассказ о решении германского вопроса с комментариями и отступлениями. М., 1992.

В.Е. Матвеев

КОНСТРУКТ «ИМПЕРИЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ

Вскрыты доминирующие в современной литературе подходы к изучению империи.

В работах авторов, занимающихся исследованием империи, наметились определенные тенденции, анализ которых позволит провести историографический обзор развития междисциплинарного направления, которое иногда называют империологией. Объединение усилий исследователей в этой части приводит к более динамичному развитию исторической науки, преодолевается существовавшее в течение продолжительного периода резкое разграничение на отечественную и зарубежную историографию, что позволяет сформировать более широкое поле исследований, относящихся к империи. Проведение международных конференций, встреч иного формата, выпуск совместных публикаций, издание специализованного журнала «Аb Ітрегіо» ведет к созданию круга авторов, специализирующихся в данной тематике. Современные информационные средства позволяют им ускорять процесс формирования новой науки.

Тем не менее, существует пробел в осознании науки себя как таковой, что проявляется в отсутствие общепринятой терминологии, фиксации применяемых методик и подходов, постановки научных проблем. Заполнение данной лакуны сможет представить накопление гуманитарного знания в более структурированном виде, создаст возможность четкой фиксации научных задач, продемонстрирует все существующие на данный момент наработки в области изучения империи, позволит проследить влияние конкретных наук на формирование новой дисциплины. Все перечисленные выше задачи позволят более эффективно вести научные изыскания, тем более, что технически подобная систематизация стала возможной.

При обращении к имперской проблематики авторы пользуются различными подходами и методиками.

Структурный подход получил применение в работе А. Мотыля. Обосновывая свой выбор, ученый утверждает, что данный подход лучше других противостоит критике. Он состоит в том, что на основе построения модели возможно выявление основных параметров изучаемого явления. Мотыль заимствует модель тоталитарного государства у К. Дойча и переносит ее на империю, одновременно ставя две задачи: объяснить структуру империи в принципе и проанализировать изоморфизм струк-

турных моделей Советского Союза и империи. Автор обосновывает неизбежность распада имперской структуры ее генетическими признаками, предполагающими разрушение. «В самой структуре заложены семена упадка», – пишет он [1. С. 93]. В то же время он говорит, что она оказывает вероятностное, но не жестко детерминированное воздействие [1. С. 50]. Значит, нельзя с определенной точностью предсказать, когда конкретно и под действием каких внешних причин империя прекратит существование, однако это будет обусловлено недостатком внутренней структуры. Внешние воздействия (кроме катастроф и военного краха), «сознательный выбор» лидеров и проч., не являются, по мнению А. Мотыля, определяющими факторами в гибели империи.

Основу структурной модели составляет центр, имеющий связи с перифериями, подключенными непосредственно к нему. Других связей (с внешними объектами) или между собой они не имеют. Любое разрушение данной структуры, будь то усиление межпериферийных связей или построение отношений с находящимися за пределами империи объектами, означает начало конца империи.

Для анализа степени разрушения империи автор предлагает следующие термины: «упадок» – сокращение военной мощи имперского государства; «демонтаж» – становление различных отношений между перифериями; «крах» – быстрый полный слом всей структуры; «разложение» – ослабление ядра; «ветшание» – постепенная уграта территорий. Под термином «имперские отношения» понимаются способы взаимодействия субъектом государства и государств как субъектов в плоскости власти. Один из главных выводов, которые можно сделать относительно причины «демонтажа» империи состоит в том, что структурно такая политическая система выстроена так, что в процессе своего развития из-за нарастающей нагрузки на центр, она становиться неэффективной в плане социально-политической организации людей. Следовательно, использование таких имперских отношений, где все взаимодействия строятся на каком то центре, в настоящее время являются менее эффективными чем, например, сетевые структуры [1. С. 42].

С.И. Каспэ предложил разделить все определения термина «империя» на синдромные описание признаков империи и функциональные (описание процессов), т.е. исследовать не конкретные имперские институты, а функции, осуществляемые таким государством. Последние подходят для формирования и изучения идеальных моделей империй, империй вообще. Первые, соответственно, для конкретных исторических образований. Для функции не важно, какие институты их осуществляют. Форма может быть самой разной, наполнение одно [2]. В этом смысле намечается противоре-

чие между подходами С. Каспэ и А. Мотыля, однако тот и другой говорят об идеальных моделях, а не о конкретном институциональном наполнении структур, игнорируют конкретно-историческую составляющую, что сближает их принципиальные позиции. В некоторой степени этот подход разделяют исследователи, о которых речь пойдет ниже.

Изучение империи с точки зрения постмодернизме обрело коллективную научную форму в результате работы конференции «Новый мир и новая имперскость», прошедшей в МГУ в декабре 2004 г. Основным выразителем этого направления является Ю.М. Осипов, который в отличие от Мотыля, не ставит форму (структуру) на первое место. Главным для него является понятие, наполняющее эту преходящую форму: «имперскость». «Империя — форма, имперскость — субстанция» [3. С. 7]. У С. Каспэ мы видим функцию на месте «имперскости». Однако это не одно и то же. Имперскость на порядок более идеальная сущность, чем функция. В этом смысле подходы могут дополнить друг друга, если разместить их в разных плоскостях: имперскость над функцией.

Ю. Осипов считает возможным говорить о потенции к империи, в частности у нашей страны, появившейся еще при Святославе Игоревиче. Он оперирует понятиями «сверхзадача», «сверхпроект», «невозможная задача», «затекущая реальность» с помощью которых он показывает трансцендентность имперскости, которая может принимать разные формы реализации в конкретную политическую организацию для осуществления тех задач, решить которые иными способами невозможно. Одновременно Ю. Осипов выдвигает тезис о необязательно агрессивном характере империи и необязательности тоталитарной структуры. Автором признается необходимость иерархии, соподчиненности социума в рамках империи, передающего свои полномочия имперскому центру и, таким образом, призывает к преодолению, по его собственному выражению «постмодернисткого анархизма». Империя в таком случае, реализуется не через постоянно действующие структуры (император, бюрократия, армия), а «лишь через постоянно обновляющуюся имперскость» [3. С. 11]. В практическом выражении она проявляется через имперский проект. Об имперском также рассуждает С.А. Марков. Последний, по его мнению, является в современном постмодернистском мире главной единицей политических действий. Он полагает, что сегодня формируется сверхсложная империя, имеющая множество центров, однако Россия не дает проекта для своего географического окружения [4. С. 30].

Ю.В. Яковец также говорит о формировании «мировой империи», объединяющей элементы разных цивилизаций на основе лидерства одной [5. С. 26]. А.Г. Дугин, еще один автор сборника, продолжает размышлять

о постмодернистских условиях современного мира. Согласно его выводам современная империя — синоним глобализации — сетевая, а не пространственная структура [6. С. 16].

Существует противоречие, которое можно обнаружить в работах анализируемого сборника. Оно выражается в желании исследователей (Осипов, Марков, Яковец) перенести геополитические принципы, получившие свое яркое развитие в империях, в современные условия. Отношения силы актуальны и сегодня. В то же время над ними выстраивается область взаимодействий, создающих более эффективный уровень для социокультурной и социополигической организации людей, требующий сочетания, пользуясь терминами А.В. Ремнева децентрализации (передача властных функций на места) и деконцентрации (передача полномочий выборным органам местного самоуправления) [7. С. 11].

Другим перспективным направлением изучения империи является историометрия, предполагающая применение точных измерительных инструментов для изучения истории в целом и империи в частности. В этой области интересна работа Рейна Таагеперы [8. Р. 481—490]. Он собрал информацию по продолжительности существования и динамике территории некоторых империи и провел два исследования. Результаты одного были проанализированы А. Мотылем [1. С. 76—81]. Таагепера построил графики, иллюстрирующие зависимость жизни империи и площади территории. Аналогичные построения производил и Уоррен Тредголд в отношении Византийской империи [1. С. 80]. Таким образом, были получены сходные геометрические фигуры — параболы, на основании чего Мотыль сделал выводы о закономерности распада империи.

Главным же достижением Таагаперы стало наглядное – графическое – доказательство схожести империй и обоснованности теории империи, империологии. В своей статье он также представил таблицу, которая демонстрировала увеличение территории империй согласно следующей хронологии: государства до VII в. до н.э., до 1600 г. н.э. и до наших дней. Лишь 25 государств, согласно данной методики, сумели удержать более половины своей территории в течение 200 лет. И лишь два таких государства сохранились на сегодня: Россия и Китай. По мнению Таагаперы, Россия будет первая в списке на дефрагментацию ввиду большого размера, наличия этнических меньшинств и разнонаправленных экономических интересов регионов. Конкретные выводы автора должно подвергать критике, однако сам историометрический подход заслуживает внимания.

Самым востребованным для ученых мира является сравнительноисторический подход. Для империологии это утверждение также справедливо. Использование его имеет продолжительную историю. Исследовательская деятельность направлена на сравнение функционирования исторических империй, выявление общих вызовов, закономерностей в развитии, причин упадка.

Еще не проводилось истриометрических исследований по количеству публикаций, посвященных той или иной империи, однако можно сделать предположение, что наиболее интересным и по сей день является изучение Римской империи как общепризнанного эталона империи. Классической работой является труд Э. Гиббона. Также большой интерес исследователей вызывает история Испанской, Британской и Французской империй. Эти страны построили значительные по площади колониальные империи и оказали влияние на дальнейшую историю мира, последствия которого ощущаются и сегодня. Австро-Венгрия, Османская, Российская империи и СССР создали значительные континентальные образования. В основном изучению именно данных империй посвящена большая часть сравнительно-исторических исследований [9. С. 118—128].

В сборнике «Аfter Empire» под ред. Дж. Бёрбанк и Д. Рансела собраны статьи исследователей, изучающих перечисленные выше империи в сравнении друг с другом. Благодаря совместной работе создается общее направление для развития империологии. В этом сборнике Россию сравнивают с другими континентальными империями соответствующего периода, а также СССР. Следует упомянуть и о сборнике посвященном Византии и Османской империи. Авторы делают выводы о наличии преемственности этих политий. В таком случае наследницей Византии является не только православная Русь, но и мусульманская империя [10. С. 80—85].

Актуальным остается изучение «трансляции империи», инициированное С.В. Лурье Риму, по ее мнению, удалось совместить культурный универсализм и политический изоляционизм Таким образом, весь мир встраивался в цивилизованные рамки, а все, что находилось во вне не считалось за нечто равное. У Рима вообще, согласно его имперской идеологии, не было равных. Такое самоутверждение было «унаследовано» всеми исторически последующими империями [11. С. 26–29].

Сравнительно-исторический подход дает возможность анализировать имперскую проблематику, обращаясь к огромному кругу публикаций, посвященным истории отдельных стран, что может служить основой для дальнейшего исследования империи. Выделяется два блока исследований, в названиях которых упоминается понятие «империя». Это непосредственно работы, которые можно причислить к империологии и работы по истории отдельных стран, по той или иной причине называемых империями [12, 13].

Сравнительно-исторический подход «работает» также и в отношении актуальных исследований трансформации постимперского пространства. Это касается бывших колоний колониальных империй и государств, образовавшихся на территории континентальных империй. Данные исследования актуальны в силу неразрешенных вопросов государствостроительства на Балканах, в арабском мире, обретения стабильности на постсоветском пространстве. Назовем в этой связи работы А.И. Миллера, И.В. Бахлова, А. Капеллера др.

Для России также актуален «идеологический» подход. Авторы, которые его исповедуют, видят свою задачу в обосновании пути для развития нашей страны. Иногда в научной среде, часто в публицистике, такой подход опирается на идеализацию имперского прошлого, что, как справедливо отмечает Е.Т. Гайдар, не может быть основанием для возвращения России к империи прошлых веков [14. С. 5]. Заявления о необходимости возврата к империи выглядят популистскими и выражают субъективную точку зрения авторов. Количество работ, посвященных будущему устройству России, принимающих во внимание имперское прошлое, огромно. Среди авторов назовем таких авторитетных исследователей как С.В. Лурье, С.И. Каспэ, Ю.М. Осипов, М.Я Геллер, В.Л. Махнач, Л.Е. Горизонтов и др.

А.И. Миллер признает наличие еще двух подходов к изучению империи: региональном и ситуативном, отдавая предпочтение последнему [15. С. 248], на том основании, что само понятие «регион» не было точно определено, что не позволяет использовать его в полной мере в качестве точного познавательного инструмента. Тем не менее, существуют удачные попытки его применения. Миллер находит продуктивным исследования В.С. Шандры и А.В. Ремнева, занимающихся Украиной и Сибирью соответственно. Акцент в этих исследованиях делается на административном устройстве (генерал-губернаторствах). Для достижения задач исследования необходимо точно определить сам предмет или процесс, будь то регион или другое образование «воображаемой географии».

Миллер выделяет следующие сильные стороны ситуативного подхода: нет необходимости определять географические границы явления, которое их может и не иметь (панславинизм, пантюркизм); возможность исследовать явление с точки зрения разных акторов, количество которых будет неограниченно. Например, при изучении национального движения в Западном крае должны учитываться интересы и царского правительства (далеко не единого в своем составе и решениях), и местных чиновников, представляющих разные национальности, обладающие имперской идентичностью, и все входящие в состав края этносы, находящиеся на разной стадии самоидентификации, и зарубежное окружение. Исследование, принимающее как можно большее количество действующих факторов, становится качественнее.

Также у Миллера можно выделить подход, основанный на влиянии языка. Ему можно дать рабочее название «лингвистический» подход. Особенность его заключается в исследовании влияния языка на формирование идентичности: имперской и национальной [16. С. 142–155].

Последним представленным в этой статье направлением в имперской историографии будет блок литературы, ориентированный на изучение США как современной империи. Согласно мнению исследователей, США либо стоит во главе складывающейся мировой империи, которая не сводится лишь к США, либо отдельно представляет собой государство-империю, распространяющую свое влияние на большую часть планеты [17].

Главной целью научного исследования, по мнению Д. Дойча, должно быть понимание [18]. Представленные в работе способы изучения империи с разных позиций не противоречат друг другу, а наоборот, позволяют лучше понять природу инструмента познания истории «империя» и его содержание.

ЛИТЕРАТУРА

- Мотыль А. Пути империй. Упадок, крах и возрождение имперских государств. М., 2004.
- 2. Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001.
- Осилов Ю.М. Новый мир новая имперскость // Имперские предчувствия России. М.; Волгоград, 2005.
- Марков С.А. Глобализация и концепт империи // Имперские предчувствия России. М.; Волгоград, 2005.
- Яковец М.Ю. Прошлое и будущее мировых империй // Имперские предчувствия России. М.; Волгоград, 2005.
- Дугин А.Г. Концепт империи в координатах постмодерна // Имперские предчувствия России. М.; Волгоград, 2005.
- Ремнев А.В. Савельев П.И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России // Имперский строй в России в имперском измерении XIX–XX вв. М., 1997.
- Taagapera R. Expansions Contradiction Pattern of large Polities: Context for Russia // International Studies Quarterly, Voll. 41, 1997.
- Трепалов М.В. Империя как сообщество народов (XVII–XVIII вв.) // Судьба двух империй России и Австро-Венгерской монархии от рассвета до крушения. М., 2005.
- Орешкова С.Ф. Османская империя и Византия: к вопросу имперской преемственности // Судьба двух империй России и Австро-Венгерской монархии от рассвета до крушения. М., 2005.
- Лурье С.В. Традиции Рима // Империи нового времени: типология и эволюция (XV– XX). СПб., 1999.
- 12. Успенский Ф.И. Очерки истории Трапезундской империи. СПб., 2003.
- 13. Калашников Р. Загадка империи инков. М., 2004.

- 14. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России М., 2006.
- Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
- Миллер А.И. Язык, идентичность в политике властей Российской империи // Россия и Балтия: Остзейские губернии «Северо-западный край» в политике реформ Российской империи 2-ая половина XVIII–XX вв. М., 2004.
- 17. Хардт М. Негри А. Империя. М., 2004.
- 18. Дойч Д. Структура Реальности. М.; Ижевск, 2001.

А.Е. Невакшенов

«ТРЕТЬИ» ПАРТИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ: ПОДХОДЫ АМЕРИКАНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Показаны основные подходы, имеющиеся в американской литературе, к понятию «третья» партия.

В исследовании партийно-политической стабильности одно из центральных мест занимает изучение вызовов, которые бросались третьими политическими силами основополагающим механизмам политической системы. Для специалистов, изучающих данный аспект американской политической проблематики, в качестве понятия, объединяющего спектр третьих политических сил, служит «третья» партия. В анализе «третьих» партий можно выделить целый ряд важных аспектов: определение понятия «третьей» партии; классификация «третьих» партий; их функции в политической системе; факторы, ограничивающие возможности «третьих» партий и др.

«Третья» партия — это своего рода собирательное понятие, объединяющее весь спектр третьих политических сил. Исследователь С. Майзел отмечает, что в данном случае не нужно заострять внимание на понятии «партия»: в США институт «третьей» партии объединяет всех кандидатов на различного уровня выборах не от Демократической или Республиканской партий [1]. Это подразумевает, что к этой категории относятся и независимые кандидаты на президентских выборах или выборах губернаторов и легислатур штатов. Фактически производится деление американской политической системы на системообразующее ядро (двухпартийную систему) и другие силы, для обозначения которых в научный оборот введено понятие «третья» партия.

Корректность научного использования понятия «третья» партия с интегрированием в него независимых кандидатов подтверждает и профессор О. Рэнни [2]. Представитель университета Иллинойса С. Элдерсвельд, исследуя электоральное поведение, вводит понятие «независимого» голосования, которое демонстрирует условность границы между представителями «третьих» партий и независимыми кандидатами [3]. В США восприятие и позиционирование Демократической и Республиканской партий может отличаться в разных штатах, что значительно сужает возможность использования понятий «независимый» кандидат или партия и соответственно делает вполне правомерным применение расширенного толкования «третьих» партий.

Спектр альтернативных политических сил, объединяемых понятием «третья» партия, достаточно широк. Следовательно, возникает необходимость структурировать, упорядочить этот список. Наиболее последовательную классификацию предлагает в своих работах известный специалист в области исследования американских «третьих» партий Д. Гиллеспи. Он выделяет следующие группы «третьих» партий: существующие в течение длительного времени программные партии («continuing doctrinal party», такие как социалисты или партия «зеленых»), недолговечные партии взрыва («shortlived party eruption») и партии регионального значения («поппатіопат significant other») [4]. Второй тип партий представляется наиболее важным с точки зрения воздействия на двухпартийную систему и политическую систему США и наиболее успешным с точки зрения оценки результатов участия в выборах.

Д. Гиллеспи, исходя из разработанной классификации «третьих» партий, подходит к выделению их функций в политической системе США. Поскольку наиболее значимую роль играют проблемно-ориентированные недолговечные партии, базовыми функциями «третьих» партий выступают: расширение знаний избирателей по вопросам политической повестки дня, влияние на изменение правительственного курса (включение актуальных вопросов в платформы системообразующих партий). Кроме того, «третьи» партии позволяют законным путем выразить свое мнение в рамках избирательного процесса той части электората, которая отстоит от основного направления (mainstream politics) политического процесса.

Р. Гейбер рассматривает «третьи» партии как инкубаторы идей, в которых поднимаются противоречивые, политически сложные вопросы, привлекается внимание к игнорируемым или замалчиваемым в рамках двухпартийной дискуссии проблемам, развиваются новые подходы в публичной политике [5]. Схожий подход разрабатывает и другой исследователь Р. Вингер. Анализируя историю выступления «третьих» партий, он приходит к выводу, что влияние «третьих» партий максимально усиливалось в периоды критических выборов, когда происходят значимые перемены политического курса, и в повестку дня включаются новые важные вопросы [6]. В таких ситуациях «третьи» партии выполняют свою базовую функцию — они выступают в качестве психологического, эмоционального «моста» для тех, кто уже разочаровался в политике партии, находящейся у власти, но при этом еще не готов отдать свой голос за оппозиционную системообразующую партию.

Таким образом, «третьи» партии в политической системе являются индикатором социальной нестабильности и раздражителем двухпартийного механизма (заставляют системообразующие партии модернизиро-

вать программы); просвещение избирателей по вопросам политической повестки дня; оздоровление двухпартийной системы («третьи» партии выступают инкубатором идей и психологическим «мостом» для перехода от одной системообразующей партии к другой).

Точки зрения американских политологов сходятся в отражении именно узкоспецифической роли «третьих» партий в политической системе. Каковы же причины фиксации партийной системы США в таком формате?

Д. Гиллеспи в своей работе делит факторы, ограничивающие возможности «третьих» партий, на две группы: структурные (имеющие отношение к институтам политической системы, нормативно-правовые ограничения) и культурные (относящиеся к политической культуре). Такое деление представляется достаточно объективным, поскольку, даже если сам автор не рассматривает какие-либо факторы, то, возможно, включить их в данный формат и провести детальное исследование. Итак, в первой группе необходимо выделить целый ряд факторов.

Первая причина, определяющая место и роль «третьих» партий, кроется в особенностях избирательной системы. Влияние этого фактора, важность которого отмечают практически все американские исследователи, можно выразить в следующей формуле: мажоритарное голосование в один тур ведет к дуализму партий. Здесь мы фактически приводим знаменитый закон М. Дюверже, французского политолога, установившего зависимость типа партийной системы от избирательного режима [7].

Вторым структурным фактором безусловно является федеральное и штатное законодательство, регламентирующее процесс проведения предвыборных кампаний. Дж. Бибби особо выделяет федеральный закон о предвыборных кампаниях (Federal Election Campaign Act), который ограничивает государственное финансирование предвыборных кампаний, практически отказывая в нем «третьим» партиям в зависимости от результатов выборов [8].

В каждом штате установлены предварительные отборочные цензы: для внесения кандидатур в избирательный бюллетень «третьим» партиям или независимым кандидатам практически во всех штатах требуется предварительно собрать значительное количество подписей зарегистрированных избирателей в свою поддержку. Практически все исследователи выделяют требования к доступу к избирательным бюллетеням (ballot access requirements) в качестве способа ограничения «третьих» партий, а Р. Вингер и Л. Диш считают этот фактор основным препятствием в деятельности «третьих» партий [9].

Среди других структурных факторов можно назвать ограничение доступа к президентским теледебатам альтернативных кандидатов, а также

слабое освещение в средствах массовой информации их предвыборных кампаний.

Факторы второй группы, относящиеся к политической культуре, Д. Гилспи оценивает сквозь призму дуализма, присущего американской политической культуре, хотя это несомненно упрощенный вариант восприятия достаточно гетерогенной структуры американского социума. Д. Питтс более корректно именует эти факторы исторической традицией агрегации интересов [10]. Действительно, процесс агрегации интересов, являющийся одной из ключевых функций американского бипартизма, исторически протекает в рамках двух электоральных партий большинства.

К факторам второй группы нужно отнести центристские позиции системообразующих партий и непрограммный подход, выделенные Дж. Бибби [8]. Центристский подход позволяет системообразующим партиям интегрировать большую часть электората, а непрограммность, то есть трансформация предвыборных платформ дает возможность «третьим» партиям выполнять функцию раздражителя двухпартийного механизма, воздействовать на включение актуальных вопросов в формат двухпартийной дискуссии. Такой центризм, проявляющийся в консенсусе в отношении основ политической системы, безусловно, является одной из черт, присущих американской политической культуре.

Весь комплекс факторов, ограничивающих возможности «третьих» партий, позволяет говорить о стабильном функционировании двухпартийной системы США. В ходе исследования президентских выборов 1968, 1980 и 1992 гг. (годы наиболее успешного выступления кандидатов от «третьих» партий в двадцатом столетии) П. Абрамсон приходит к выводу, что ни в одном из этих случаев не наблюдалось подрыва доверия к двухпартийной системе: электоральная база Дж. Уоллеса, Дж. Андерсона, Р. Перо строилась на поддержке конкретных кандидатов либо конкретных острых политических вопросов в платформах этих кандидатов, что позволяет политической системе постоянно безболезненно адаптироваться в новых условиях [11]. Таким образом, партийная система США стабилизировалась в двухпартийном формате с интеграцией института «третьей» партии в политическую систему, но в качестве института отличного от системообразующих партий со специфическим набором функций и местом в политической системе. Можно говорить о складывании единого подхода в изучении проблематики «третьих» партий, разные трактовки у современных американских исследователей встречаются лишь при рассмотрении функций «третьих» партий в политической системе.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Майзел С. «Третъи» партии [Электронный ресурс]: Государственный информационный центр режим доступа: http://usinfo.state.gov/journals/itdhr/1004/ijdr/maisel.htm, 10.01.2007.
- Ranney A. The American Party Systems [Electronic resource]: American Political Science
 Association mode of access: http://www.apsanet.org/~pop/Ranney&Kendall1954.pdf,
 20.09.2006.
- Eldersveld S.J. The Independent Vote: Measurement, Characteristics and Implications for Party Strategy [Electronic resource]: American Political Science Association – mode of access: http://www.apsanet.org/~pop/Eldersveld1952.pdf, 20.09.2006.
- Gillespie D.J. Third Parties in American Politics: Rich History, Many Roles [Electronic resource]: US Information State Center mode of access: http://usinfo.state.gov/dhr/Archive/2004/Aug/31-415672.html, 11.01.2007.
- Gaber R. Third Parties: What They're For and What They Do [Electronic resource]: Essays on third parties – mode of access: http://FreedomKeys.com/myvccount.htm, 11.01.2007.
- Winger R. Would we be better off with a third political party? [Electronic resource]: Ballot Access Study - mode of access: http://www.ballot-access.org/winger/essays.html, 15.01.2007.
- 7. Дюверже М. Политические партии/Пер. с фр. М.: Академический проект, 2000.
- Bibby J.F. Political Parties in the United States [Electronic resource]: United States Elections 2004 – mode of access: http://usinfo.state.gov/products/pubs/election04/parties.htm, 15.01.2007.
- Disch L.J. The Tyranny of the Two-Party System [Electronic resource]: Fusion Power Study mode of access: http://www.reason.com/news/show/28607.html, 17.11.2006.
- Pitts D. Third Parties Score Limited Success In U.S. [Electronic resource]: Issues of Democracy, USIA Electronic Journals mode of access: http://usinfo.state.gov/journals/itdhr/0996/ijde/thirdp.htm, 11.01.2007.
- Abramson P.R. Challenges to the American Two-Party System: Evidence from the 1968, 1980, 1992, and 1996 Presidential Elections [Electronic resource]: American Political Science Association – mode of access: http://www.apsanet.org/~pop/Abramson2000.pdf, 20.09.2006.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АЛЕКСЕЕВА Анна Владимировна, старший преподаватель кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. прагматическая и коммуникативная специфика официально-деловых документов разных периодов.
- К. а. 644077, г. Омск, Пр. Мира, 55а, кор. 2., каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67–02–44. E-mail: alexeeva@omsu.ru
- **АСТАХОВ Артем Владимирович,** аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. история Сибири XIX в.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67–02–44. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- **БАЛАКИН Юрий Васильевич,** кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории религий Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. первобытное сознание, архаичные религии.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, корп. 2, каб. 324. Тел.: служ. (3812) 22–98–09. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- БЕЛОВА Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социально-гуманитарных и экономических наук Омской государственной медицинской академии.
- О. н. и. государственное управление в России XVIII в.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67–02–44. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- **БЕЛОКОНЬ Ирина Васильевна**, соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, сотрудник ОмГУ.
- О. н. и. государственное управление в России.
- К. а. 644050, г. Омск-50, ул. Малунцева, д. 12 кв. 10. Тел.: дом. (3812) 67-04-36. E-mail: irinabelokon@mail.ru
- **БЕРКОВСКАЯ Зарина Николаевна,** аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. история русской православной церкви.
- К. а. 644077, г. Омск, Пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67–02–44. E-mail: ifdoid@rambler.ru

- **БОНДАРЕВ Максим Владимирович**, аспирант кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. история ДВР; советская историография.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 509. Тел.: служ. (3812) 22–97–64. E-mail: bandw@mail.ru
- ВЛАСЕНКО Александр Александрович, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. история Сибири XIX в.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67–02–44. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- **ВОЛОДЬКОВ Олег Павлович,** кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. отечественная историография ХХ в.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67–02–44. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- **ВОРОБЬЕВА Наталия Владимировна**, кандидат исторических наук, докторант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, доцент кафедры общественных наук Омского экономического института.
- О. н. и. история России, история Русской православной церкви, историография, теология.
- К. а. 644042, г. Омск, Иртышская набережная, 14, кв. 185. Тел.: дом. (3812) 31– 96-57. E-mail: nat vorobiova@mail.ru
- **ИЩЕНКО Оксана Владимировна,** докторант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. история общественного движения в Сибири.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67-02-44. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- **КАДИКОВ Эльдар Рашитович**, кандидат исторических наук, ассистент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. отечественная история начала XX в., историография общественного движения в России в начале XX в.
- К. а. 644009, г. Омск, ул. 10 лет Октября, 193, кв. 45. Тел.: дом. (3812) 36–93–69. E-mail: ifdoid@rambler.ru

- **КОВАЛЬ Екатерина Владимировна,** соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. государственное управление в России XIX в.; история дома Романовых.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67-02-44. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- **МАЛЬЦЕВ Роман Владимирович,** аспирант кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. послевоенная советская историография.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 509. Тел.: служ. (3812) 22–97–64. E-mail: bandw@mail.ru
- **МАТВЕЕВ Владимир Евгеньевич,** аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. методологические основы исторического исследования.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67–02–44. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- **НЕВАКШЕНОВ Андрей Евгеньевич**, аспирант кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. послевоенная американская историография.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 509. Тел.: служ. (3812) 22–97–64. E-mail: bandw@mail.ru
- **ПАТЫЛИЦЫНА Юлия Юрьевна,** аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. отечественная история начала XX в., историография общественного движения в России в начале XX в.
- К. а. 644015, г. Омск, ул. Речная, 11. Тел.: 8908102 4383. E-mail: if-doid@rambler.ru
- **РЕМНЕВ Павел Анатольевич**, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. институт императорской власти в России.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67-02-44. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- **РОДИОНОВ Юрий Петрович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

- О. н. и. история российского парламентаризма начала XX в., общественное движение в Сибири в начале XX в.
- К. а. 644073, г. Омск, ул. Комкова, 4/1, кв. 12. Тел.: служ. (3812)67–02–44. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- **СОРОКИН Юрий Алексеевич,** доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. история российского абсолютизма.
- К. а. 644100, г. Омск, ул. Заозерная 32, кв. 121. Тел: служ. (3812) 67–02–44; дом. (3812) 52–19–27. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- СОРОКИНА Татьяна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. история Дальнего Востока России второй половины XIX начала XX вв., история китайской диаспоры на Дальнем Востоке России.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 511. Тел: служ. (3812) 22–98–00. E-mail: sortn@rambler.ru
- **СТОРОЖЕНКО Анна Аркадьевна,** соискатель кафедры отечественной истории Курганского государственного университета.
- О. н. и. политическая история ХХ в.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67–02–44., тел. 8-3522462662. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- СУВОРОВА Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. империология, государственное и местное управление на имперских окраинах, крестьяноведение.
- К. а. 644090, г. Омск, ул. Заозерная, 11, кв. 22. Тел.: дом. (3812) 52–28–96, служ. (3812) 67–02–44. E-mail: suvorova@hist.omsu.omskreg.ru
- **ТРУБКИН Владимир Васильевич**, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. русско-ордынские отношения XIII-XV вв., русско-литовские отношения XIII-XV вв.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67–02–44. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- ФАИЗОВ Артем Валерьевич, аспирант кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

- О. н. и. проблемы формирования, функционирования и развития высших и центральных государственных учреждений власти в 20–60 гг. XVIII в.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67-02-44. E-mail: articmaric@rambler.ru
- **ФЕЛЬДШЕРОВ Дмитрий Александрович,** соискатель кафедры отечественной истории Курганского государственного университета.
- О. н. и. поземельные отношения в Сибири конца XIX начала XX вв.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67–02–44. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- **ХАЙРУЛЛИН Эльдар Рафанлович**, аспирант кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. советская историография; деятельность ООН.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 509. Тел.: служ. (3812) 22–97–64. E-mail: bandw@mail.ru
- **ЧЕРЕШНЮК Александр Сергеевич**, аспирант кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. историография, методология истории, ранняя английская история.
- K. a. 644077, г. Омск, пр. Мира 55а, кор. 2. Тел.: служ. (3812) 22–98–00. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- ЧУДАКОВ Олег Валерьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. городское самоуправление в Сибири в конце XIX XX вв.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 413. Тел.: служ. (3812) 67-02-44. E-mail: ifdoid@rambler.ru
- ЯКУБ Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. историко-политические воззрения на государство.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 509. Тел.: служ. (3812) 22–97–64. E-mail: bandw@mail.ru
- **ЯКУБ Алексей Валерьевич,** кандидат исторических наук, декан исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
- О. н. и. историография всеобщей истории.
- К. а. 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, кор. 2, каб. 512. Тел.: служ. (3812) 22–98–11. E-mail: bandw@mail.ru

ANNOTATIONS OF THE ARTICLES IN ENGLISH

- P. 9. Balakin U.V. DEUS OTIOSUS: RELIGION STUDIES ISSUE EXAMPLE: SIBERIAN DATA. The article presents the analysis of study resources on the issue of «An Idle god» described in the Siberian Studies.
- P. 22. Vorobyova N.V. HIS HOLINESS NIKON'S LIFE EXEGESIS. The article makes comparison of the identification behavior models of His Holiness Nikon and the Cappadocian system of theology he practiced.
- P. 29. Belova T.A. THE RELATIONS OF THE MONARCH AND THE SU-PREME PRIVY COUNCIL (1726–1730). The article is dedicated to the interpersonal attitudes between Katherine I, Peter II and the members of the Supreme Privy Council.
- P. 37. Phaizov A.V. THE OUTSTANDING STATE PROJECT OF THE SENATE REORGANIZATION IN 1730-TH. The outstanding state project of the Senate reorganization during the reign of Anna Ivanovna is studied in the article.
- P. 48. Remnov P.A. THE RUSSIAN IMPERIAL POWER INSTITUTE: DESIGNS OF THE STATE TRANSFORMATIONS IN THE FIRST QUARTER OF XIX CENTURY. The author dwells upon the priority of the Imperial power institute during the reign of Alexander I.
- P. 59. Vlasenko A.A. THE DISPUTES IN THE OFFICIAL CIRCLES ON THE ISSUE OF THE SIBERIAN BANISHMENT (1822–1852). The opinion of the top-officials of the Russian Empire concerning the meaning of the Siberian banishment is studied in the article.
- P. 66. Suvorova N.G. THE PEASANTRY ISSUE IN SPERANSKY'S SIBERIAN REFORMS. The primary approaches to the solution of the peasantry issue in the focus of Stolipin's Siberian reforms are presented here.
- P. 74. Koval E.V. THE RUSSIAN EMPEROR AND THE RUSSIAN IMPERIAL HOUSE IN XIX EARLY XXTH CENTURY (RAISING AN ISSUE). The author argues the topicality and importance for History of the necessity of studying the complex of relations within the Imperial Family in Russia.
- P. 79. Storogenko A.A. THE VILLAGE COMMUNITY AND IT'S PLACE IN SELF-AWARENESS OF PEASANTRY. The place and role of the community is analyzed in the article. The former is regarded as the basic type of Russian social structure for centuries.

- P. 85. Belokon I.V. KUROPATKIN A.N. AND HIS ROLE IN ECONOMIC DE-VELOPING OF THE TRANSCASPIAN AREA (1890–1898). The study is focused on the Kuropatkin's activity and as the head of the Transcaspian area, his role in the economic development of the region.
- P. 92. Berkovskaya Z.N. THE CHARACTERISTIC FEATURES OF THE OMSK EPARCHY MISSIONARY WORK DURING THE INFANCY. The author discovers the basic directions of the Omsk eparchy activities in the late XIX early XX centuries.
- P. 97. Ischenko I.V. TOMSK STUDENT BODY AND THE TEMPORAL ORGAN-IZATIONAL ORDER OF STUDENT INSTITUTIONS. The article presents the results of study of the Tomsk student body attitude towards the legitimization in 1901.
- P. 103. Astachov A.V. JUSTICE OF THE PEACE IN THE STATE SYSTEM 1899–1917. (THE OMSK COURT CHAMBER MATERIALS). The position of the Justice of the Peace in the authority system is studied in the article.
- P. 110. Sorokina T.N. THE SALE RESTRICTIONS ON THE CHINESE ALCO-HOL IN AMUR RIVER BASIN IN EARLY XX CENTURY REVISITED. The issue of the Russian-Chinese Agreement of 1916 concerning the ban on alcohol production and sale within the 50- verst long border area is examined.
- P. 123. Rodionov Ju.P. SIBERIAN DEPUTIES IN THE II STATE DUMA. Article demonstrates the main duties of the Siberian deputies in II State Duma.
- P. 131. Kadikov E.R. THE CRIMINAL INVESTIGATION DEPARTMENT AND SOCIALIST-REVOLUTIONIST OPPOSITION IN OMSK IN 1911. The author examines the relations of the Criminal investigation department and the Socialist-revolutionists in Omsk in 1911.
- P. 139. Chudakov O.V. ANENT THE LOCAL AUTHORITY POLICY AGAINST THE HIGH PRICES DURING THE I WORLD WAR (1914 FEBRUARY 1917). The article studies the primary policy of the Tomsk government against the high prices.
- P. 147. Feldshrov D.A. THE EVOLUTION OF THE LIBERAL MOVEMENT IN PERM (1989–1990). Liberal clubs activity of the mentioned above region is studied in the article as well as the city and district clubs.
- P. 154. Jakub A.V. GUILHEMS OF JUMIÈGES THE EARLY NORMANDY HISTORIAN. The view of the Medieval historian on the history of early Normandy is reconstructed in the article.

- P. 159. Chereshnuk A.S. ANGLO-SAXON STATE SYSTEM DURING THE FOR-MATION OF THE ENGLISH HISTORICAL LITERATURE 1960TH 1970TH. The approaches of the English «New historical science» towards the important issues of the early anglo-saxon state organization are described in the article.
- P. 165. Jakub A.V. TEGAN FROM TRIER: ON THE ISSUE OF THE SAINT LOUIS'S FOREIGN POLICY. The author analyses the Medieval author data on the Saint Louis's foreign policy.
- P. 171. Trubkin V.V. THE RUSSIAN PRE-REVOLUTIONARY HISTORIANS ON THE ISSUE OF RUSSIAN-LITHUANIAN RELATIONS IN XIII-XV CENTURIES. The primary trends of the pre-Revolutionary study of the issue are shown in the article.
- P. 180. Jakub N.V. STATE POLICY GOALS CONCEPTION OF THE EURO-PEAN MEDIEVAL SCIENTISTS AND THE ONES OF THE AGE OF ENLIGHTENMENT. The author analyses the view of the European Medieval scientists and the ones of the Age of Enlightenment.
- P. 184. Sorokin U.A. ANENT THE CHANGES OF THE SCIENTIFIC PARA-DIGM IN THE NATIVE HISTORICAL SCIENCE (XVIII-XX). The author studies the basic scientific paradigms, dominated in the respective periods of the Historical science.
- P. 191. Volodkov O.P. TRADE CAPITALIZM CONCEPTION IN THE M.N. POKROVSKY'S WORK: «RUSSIAN HOSTORY IN THE MOST CONDENSED FORM». The article is dedicated to the evolution of Pokrovsky views on the role of the trade capitalism in the beginning of 1920th and to the attitude of the native historians.
- P. 201. Patilicina U.U. THE NEW APPROACHES TO THE STUDY OF LIBERAL-OPPOSITION MOVEMENT IN SIBERIA OF THE EARLY XX CENTURY IN THE MODERN NATIVE HISTORIOGRAPHY. The new approaches to the study of liberal-opposition movement in Siberia of the early XX century in the modern native historiography are examined by the author.
- P. 206. Alekseeva A.V. THE PRAGMATIC AND COMMUNICATIVE FEATURES OF THE FORMAL DOCUMENTS (1980–2000). The pragmatic and communicative structure of the formal text documents is characterized.
- P. 212. Bondarev M.N. THE ISSUE OF SOCIAL AND POLITICAL ORDER OF THE FAR EAST REPUBLIC IN THE NATIVE HISTORIOGRAPHY. The views of the Soviet scientists on the political system of the Far East Republic are examined in the article.

- P. 215. Hairulin E.R. UNO ACTIVITY IN THE VIEW OF THE SOVIET HISTORIOGRAPHY 1950TH EARLY1980TH. The main issues of the Soviet UN scientists are studied. The primary stages of the historiographical study are shown by the author.
- P. 220. Malcev R.V. THE GERMAN ISSUE IN THE VIEW OF THE SOVIET HISTORIANS. The author analyses the historical ends concerning the essence and chorography of the German Issue.
- P. 223. Matveev V.E. THE «EMPIRE» CONSTRUCT IN THE MODERN RE-SEARCH PRACTICE. The author researches the modern scientific literature dominating approaches to the study of Empire.
- P. 231. Nevakshenov A.E. THIRD PARTIES IN THE POLITICAL SYSTEM: AMERICAN RESEARCHERS APPROACHES. The author depicts the main American approaches to the term «Third party».

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

Бюллетень оперативной научной информации № 124. Декабрь. 2006

Председатель научно-редакционного совета (главный редактор) Г.В. Майер Ответственный редактор выпуска В.З. Башкатов

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ (XVII – XX вв.)

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.99 г. № 018694. ISSN 1561-7793 от 20.04.99 г. Международного Центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.99 г. № 018693. ISSN 1561-803X от 20.04.99 г. Международного Центра ISSN (Париж) Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу: http://www.tsu.ru/vestnik

Web-мастер электронной версии В.З. Башкатов

Адрес научно-редакционного совета:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Журнал «Вестник ТГУ» Тел.: (382-2)-52-95-97

Сдано в набор 16.12.2006 г. Подписано к печати 24.12.2006 г. Формат 60×84 1/16. Бумага белая писчая. Гарнитура Times. Ризография. Усл. печ. л. 14,3. Тираж 250 экз.

Издание Томского государственного университета

Оригинал-макет – В.К. Савицкий Корректор – Н.А. Афанасьева Дизайнер – В.Г. Караваев

Отпечатано на полиграфическом оборудовании редакционно-издательского отдела ТГУ

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ, РИО Тел.: (382-2)-52-98-49

Электронная библиотека (регозиторий) Томского госудсуственного униворситета

То мский госуниверситет 1878